

ЛОЖЬ

**ТИПЫ
И СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ**

ЛОЖЬ: ТИПЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса (ВГУЭС)

ЛОЖЬ: ТИПЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

Монография

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2018

УДК 81.23(=811.111/=811.161.1)

ББК 87.744+81.04

Л71

Рецензенты: *Е.В.Терехова*, д-р филол. наук, зав. кафедры иностранных языков Национального научного центра морской биологии Дальневосточного отделения Российской академии наук; *Е.В.Кравченко*, канд. филол. наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного перевода ВИ-ШРМИ ДВФУ

Ложь : типы и средства выражения: монография / Л71 под науч. ред. канд. пед. наук Т.И. Леонтьевой; канд филол. наук О.Н. Гнездечко ; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. – 188 с.

ISBN 978-9736-0482-0

Цель данной монографии состоит в ознакомлении читателя с многочисленными проявлениями лжи в различных ситуациях общения на материале русской и англоязычной художественной литературы XIX–XXI вв. Читателю представится всё многообразие лжи начиная с невинного лукавства и заканчивая жестокими ложными инвективами, могущими привести собеседника к смерти. Авторы книги знакомят читателя с элементами вербального и невербального поведения человека, говорящего неправду, обращают его внимание на разные маркеры обмана в ложных высказываниях, посвящают читателя тайны экспрессивной языковой игры, ведущей к коммуникативным неудачам.

Книга может заинтересовать специалистов в таких областях знаний, как лингвистика, лингвокультурология, социолингвистика, конфликтология и судебная психология.

УДК 81.23(=811.111/=811.161.1)

ББК 87.744+81.04

ISBN 978-9736-0482-0

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», оформление, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Часть 1. ЛОЖЬ КАК МНОГОАСПЕКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ	11
1.1. Ложь и lie: концептологическое описание (<i>Н.И. Панченко</i>)..	11
1.2. Типология ложных высказываний: извлечения из монографии (<i>О.М. Попчук</i>).....	27
1.2.1. Социальная коммуникация как один из смысловых типов коммуникации. Теория речевых актов: понятия «искренность» и «неискренность»	27
1.2.2. Паралингвистические средства и их функции в речевой коммуникации	29
1.2.3. Прагматический аспект и модели коммуникации	32
1.2.4. Средства прямого, косвенного и потенциального отказа в праве на получение полноценной информации/информации как таковой. Типы высказываний, передающих неполноценную информацию	37
1.3. Актуализация вербально-невербальных элементов ложных высказываний (на материале художественных произведений английской и американской литературы XX в.) (<i>Т.И. Леонтьева, Л.А. Датчер</i>).....	42
1.4. Элементы вербального поведения литературного персонажа, скрывающего правду (<i>С.А. Анишакова</i>)	59
1.4.1. Вербальные (речевые) маркеры обмана	59
1.4.2. Синтаксические средства отказа	65
1.4.3. Морфологические средства отказа	70
1.4.4. Лексические средства отказа	73
1.5. Лингво-психологический анализ примеров лжи и обмана (<i>С.В. Мясникова</i>)	76
Часть 2. ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ЛЖИ НА КОММУНИКАЦИЮ.....	89
2.1. Разрушающее воздействие лжи и конфликта на характер взаимоотношений между членами семьи (<i>Т.И. Леонтьева, И.М. Еромленко</i>)	89

2.2. Мотивирующие факторы лжи в семейной жизни (лингвистические и экстралингвистические средства выражения) (Т.И. Леонтьева).....	102
2.3. Дискурсивное воплощение инвективной личности в современных англоязычных романах (О.Н. Гнезdechko).....	115
2.4. Анализ конфликтного общения в рамках теории непрямой коммуникации (Т.И. Леонтьева)	131
2.5. Приемы речевого воздействия лгущего человека на собеседника (С.Н. Котенко).....	140
2.6. Только ли деструктивна ложь? Выявление положительного влияния лжи и агрессии на исход коммуникации (комплексный анализ речевых актов агрессии на материале британской драматургии) (Т.И. Леонтьева).....	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	170

ВВЕДЕНИЕ

Монография кафедры МКП ВГУЭС задумывалась ещё в 2011–2013 гг., когда преподаватели кафедры работали над темой гранта «Особенности функционирования лингвистических и паралингвистических средств реализации ложного высказывания как компонента системы средств отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации (шифр «НК-158П» от 12 августа 2009 по направлению «Филологические науки и искусствоведение» в рамках мероприятия 1.2.2 «Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук»). Развивая тему гранта, многие его участники расширили и углубили объявленную тему, рамки вербально-невербального контекста ложных высказываний, который нашёл своё отражение в монографии, стали слишком узкими для исследования. Появилась мысль рассмотреть и проанализировать вопрос, к чему может привести ложь в общении, начались исследования, основанные на междисциплинарном подходе, включающем в себя лингвокультурологический, прагматический, психолингвистический анализ диалогического и полилогического дискурса. В процессе исследования применялись новые методики изучения лингвистического и экстралингвистического контекста, такие как теория прямой и не прямой коммуникации, методика конверсационного анализа, применение когнитивных стратегий и подходов. Их использование позволило перейти от классификации типов лжи к стратификации последствий лжи и обмана, в частности, инвективы, агрессия и другие искажения человеческого поведения, выражаемого вербально, невербально и экстралингвистически. Как показал анализируемый в монографии материал, человечество, к сожалению, не стало честнее, мудрее и добрее. Скорее, наоборот: когнитивный диссонанс между людьми всё усиливается, делая их злобными, нетерпимыми и агрессивными, что в равной степени относится и к детям. Как русская, так и англоязычная литература предоставляют богатый материал для исследования человеческой природы.

Объектом исследования данной монографии явилась диалогическая речь русских и англоязычных художественных произведений, а также язык Библии. Предмет исследования представляет

собой ложные высказывания в диалогическом и полилогическом дискурсе, их вербальный, невербальный и экстралингвистический контекст.

Следует отметить, что, работая над темой, авторы использовали новые подходы к анализу диалогического дискурса. Например, в одних разделах применяется методика конверсационного анализа, в других ложный дискурс анализируется в рамках теории непрямого общения. Поскольку, как мы отмечали выше, наше исследование носит филологический характер, этим можно объяснить участие в данной коллективной монографии докторов и кандидатов филологических наук, вдохновивших кафедру МКП ВГУЭС на проведение собственных лингвистических исследований.

Монографию, и это не случайно, открывает характеристика концепта «ложь/lie», предложенного Н.Н. Панченко. Она является одной из первых исследовательниц этого явления в русской и английской действительности, поскольку и сегодня тема лжи недостаточно глубоко изучена. Новизна и актуальность работы Н.Н. Панченко привлекает тем, что она расширяет объем понятия ложь, предлагает свое толкование концепта «обман». По мнению автора, ложь не ограничивается высказыванием, а включает в себя случаи умалчивания и сознательного сокрытия ложной информации.

Н.Н. Панченко предлагает рассматривать концепт в рамках двух направлений современного языкознания: когнитивной лингвистики и культурологии, четко разграничивая предметы исследования обеих дисциплин. В её понимании, концепт – это «...идеальная (ментальная) сущность, овеществленная в языке, «рассеянная» в содержании лексических единиц, корпусе фразеологии, паремиологическом фонде, в системе устойчивых сравнений, способная транслироваться в различные системы образов, знаний и поведенческих стереотипов» [Панченко, год, страница]. Н.Н. Панченко, используя алгоритм исследования концептов, демонстрирует своё понимание структуры концептов «ложь/lie» в русском и английском языках. Автор приходит к выводу о том, что семантическая репрезентация понятий «ложь» и “lie” поразному осознаётся носителями этих двух языков. Тем не менее, использование такого инструмента как метафора с целью осмысления лжи в двух сравниваемых языках, а также проведение паремиологического анализа языковых единиц со значением

«ложь/lie» и «обман» позволили ей получить неожиданные результаты: отношение ко лжи у русского и английского языкового сознания приблизительно одинаково. Это позволило автору работы сделать вывод, что уже в древних индоевропейских обозначениях лжи выделяются три основных семантических компонента значений, ставшие источником негативной коннотации лжи: нанесение ущерба, сокрытие намерений, искривление / искажение действительности.

Новизна работы другого автора, О.М. Попчук, заключается в том, что она предложила рассматривать единицы анализа текста с прагматической точки зрения с учётом научного анализа феномена лжи, назвав их «ложными высказываниями». Автор монографии «Ложное высказывание в системе средств отказа в праве на получение полноценной информации» (Попчук 2010) предложила стройную систему ложных высказываний различных типов, что послужило стимулом для кафедры МКП ВГУЭС начать подробное их изучение на материале англоязычной художественной литературы, в том числе и Библии.

Благодаря работам О.М. Попчук ряд авторов монографии также трактуют ложное высказывание как компонент системы отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации, информации как таковой. О.П. Попчук, исходя из анализа ложных высказываний в русской диалогической речи, смогла дать свое определение этому явлению как: «высказывание, намеренно искаженно описывающее действительное положение вещей с целью ввести в заблуждение партнера по коммуникации» [Попчук 2006: 7]. Именно благодаря ее последовательной, четко выверенной типологии ложных высказываний, которая послужила теоретической базой нашего исследования, смогла увидеть свет данная монография. В работе большее внимание уделяется англоязычным текстам, где не всегда обнаруживался полный параллелизм в средствах выражения лжи с русским языком.

Концептуальный подход к понятию «ложь» развивает в своем исследовании С.В. Мясникова. Взяв за основу Библейские тексты, вслед за Н.Н. Панченко она выстраивает типологию лжи. Глубоко понимая и почитая эту «Книгу книг», автор постулирует своё несогласие с мнением отдельных ученых и писателей о том, что сам Бог «кривил душой», разговаривая с Адамом и Евой. Но,

как известно, персонажи Библии – это реальные люди, которые в полной мере наделены этим недостатком – говорить ложь и творить обман.

С.В. Мясникова приводит убедительные доказательства присутствия лжи в тексте Библии и проводит вербальный и невербальный анализ целого ряда высказываний библейских персонажей. Несомненным вкладом автора в коллективную монографию является признание «белой лжи» и ее отграничение ото лжи во спасение.

Раздел Т.И. Леонтьевой, озаглавленный «Мотивирующие факторы лжи в семейных отношениях (лингвистические и экстралингвистические средства выражения)», расширяет предложенный Н.Н. Панченко культурологический подход к исследованию лжи, что позволило автору получить инновационные и актуальные выводы относительно загадочности русской души. Новизна исследования также заключается в том, что проведенный вербальный, невербальный и психологический анализ диалогического дискурса на предложенном материале, доказывает важную авторскую гипотезу: ложь порождает конфликт, способный не только разрушить семейные отношения, но и привести к смерти.

Исследование Т.И. Леонтьевой и И.М. Ермоленко посвящено комплексному анализу конфликтного поведения членов американской семьи Поллитов, представленной Т. Уильямсом в пьесе «Кошка на раскалённой крыше». В качестве наиболее продуктивного методологического принципа, использованного в статье, выступает междисциплинарный подход, в котором приоритетными являются лингвокультурологический, прагматический, психолингвистический, семантико-стилистический анализ диалогического и полилогического дискурса. Актуальность этого исследования состоит в доказательстве авторов работы, что именно ложь, царящая в семье, деструктивно действует на всех участников коммуникации. Новизна проведенного комплексного анализа заключается в выявлении вербальных и невербальных маркеров семейного конфликта, а также в рассмотрении аксиологических характеристик членов семейства Поллитов.

Продуцирование ложных высказываний, цель которых – отказать партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации при рассмотрении вербально-невербального контекста ложных высказываний в англоязычной культуре, явля-

ется темой анализа Т.И. Леонтьевой и Л.А. Датчер. Авторы рассматривают концепты «ложь» и «обман», применяя методику исследования, предложенную О.М. Попчук [Попчук 2010: 109-112]. Новизна исследования заключается в выявлении специфических черт лгущего человека. Учёные подробно описывают каждую из этих характеристик, делая важный вывод о том, что ложные высказывания могут одновременно принадлежать к лингвистическим, психологическим и паралингвистическим явлениям.

Область исследования С.А. Аншаковой – комплексный синтаксический, стилистический и лексический анализ маркеров обмана адресата. Автор также применяет методику анализа ложных высказываний, предложенную О.М. Попчук. Изучаемый материал С.А. Аншаковой позволил ей дать своё определение высказыванию, под которым она понимает компонент системы средств отказа партнёру по коммуникации в праве на получение полноценной информации. Корпусом текстов ей послужили диалоги из английской художественной литературы XIX века. Новизна исследования автора заключается в том, что лингвистический анализ дополнен и обогащен описанием психологического состояния героев в процессе коммуникации, что позволяет значительно расширить возможности классификации видов отказа, маркеров обмана и типов лжи в дальнейших исследованиях.

В разделе С.Н. Котенко «Приемы речевого воздействия лгущего человека на собеседника» была предпринята попытка обобщения ходов и тактик, используемых говорящими в бытовом конфликте (исследование проведено на материале романа Дж. Фаулза «Коллекционер»). Автор описывает речевые стратегии в когнитивном аспекте, открывая для читателей способы манипуляции, уклонений, лжи, обмана, различных ходов, связанных с имплицитностью и косвенными речевыми актами (Т.А. Ван Дейк). С.Н. Котенко эффективно доказывает тезис о том, что человек говорящий совсем не тот, кто следует «правильным» принципам кооперации Г.П. Грайса, а тот, кто, преследуя конфронтационные цели, выбирает коммуникативно-речевые тактики, направленные на противостояние адресату.

Небезынтересно отметить тот факт, что ряд ученых признают наличие конфликта при определенных условиях как конструктивный фактор, могущий иметь положительные последствия (Дойч 1973: 13-17; Иссерс 1999, etc.). Иными словами, конфликт

может не только приводить к разрыву отношений, но и способствовать их стабилизации. Актуальность этого исследования можно проиллюстрировать результатами, полученными исследователем Т.И. Леонтьевой. На примере анализа ситуации ссорящихся влюбленных людей (по пьесе Н. Кауэрда «Private Lives», представляющей «комбинацию драйва, эмоции и когнитивного процесса») она пришла к выводу, что когнитивно-аффективный контекст подобной пьесы может привести к неожиданному результату. Т.И. Леонтьева смогла доказать, что речевые акты лжи, конфликта и даже агрессии в конечном итоге могут послужить проверкой чувств и привести его участников к позитивному решению.

Раздел О.Н. Гнезdechko «Репрезентация инвективного поведения коммуникантов в романах Стивена Кинга» посвящён результатам исследования прагматических и психолингвистических особенностей дискурсивной репрезентации англоязычной личности в конфликтном взаимодействии.

Установлены коммуникативно-прагматические типы конфликтного дискурса, определён специфический набор коммуникативных стратегий и тактик, используемых персонажами романов Стивена Кинга; уточнены понятия *инвективы* и определены его количественные параметры. Исследованы особенности функционального взаимодействия вербальных и невербальных компонентов конфликтного взаимодействия, раскрыта специфика частотности их употребления в прагматических типах англоязычного конфликтного дискурса.

Результатом исследования О.Н. Гнезdechko является уровневая классификация коммуникативной компетенции, построенная на основе способности языковой личности к сотрудничеству в межличностном общении.

Уважаемые читатели, приглашаем вас познакомиться с нашим взглядом на феномен лжи и наш вклад в дело ее изучения.

Часть 1. ЛОЖЬ КАК МНОГОАСПЕКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ

1.1. Ложь и lie: концептологическое описание

Н.Н. Панченко

г. Волгоград

Концепты представляют собой важнейшую часть концептуальной системы, имеющую самостоятельное содержание и самостоятельную (относительно автономную) ценность, выступают результатами освоения того или иного фрагмента реальности, итогами опыта и обобщения, объективируются прежде всего в словах и эквивалентных им языковых выражениях [Кубрякова, 2002]. Нельзя не согласиться с мнением Т.А. Фесенко, что в последнее время терминами «концепт», «фрейм» и пр. «пестрят страницы диссертационных исследований и публикаций ..., выступая скорее модным атрибутом...» [Фесенко, 2002, с. 16]. Однако, несмотря на определенную «стертость» данного термина, его чрезмерную популярность в лингвистических работах последних десятилетий, очевидна значимость концептологических исследований, которые «по своей сути направлены на расширение общегуманитарного знания, и поэтому выводы в таких работах касаются универсальных и этноспецифических характеристик языкового сознания и коммуникативного поведения» [Карасик, 2007, с. 32].

Общеизвестно, что концепты являются объектом научного интереса двух направлений антропоцентрической парадигмы современного языкознания – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Характерной чертой обеих дисциплин является интегративный подход к изучению языка, но первая изучает мыслительные процессы кодирования и трансформирования информации, механизмы концептуализации и категоризации объективной действительности. Вторая в большей степени ориентирована на исследование наивной картины мира носителей определенной лингвокультурной общности, ментальности и менталитета народа. В когнитивных исследованиях языковые факты объясняются через экспликацию соотношения языкового выражения со струк-

турами знаний и процедурами их обработки. В исследованиях лингвокультурологической парадигмы язык выступает средством фиксации культурно-значимой информации. Другими словами, наиболее удобным средством извлечения и когнитивной, и культурно-обусловленной информации выступает естественный язык, материально воплощающий в своих знаках мыслительные структуры, являющийся носителем своеобразных черт национальной ментальности и механизм, обеспечивающим преемственность культурной памяти народа.

Неоднозначность терминологического статуса концепта обусловлена существующими сегодня двумя, несколько отличающимися друг от друга подходами к пониманию и изучению концептов. С позиций когнитивной лингвистики концепт, являющийся одним из ключевых терминов наряду с фреймом и сценарием, определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1996, с. 90]. Концепты выступают комплексными единицами хранения человеческого знания, при помощи которых осуществляется процесс человеческого мышления, и локализуются в сознании [Попова, Стернин, 2004]. Такое понимание природы концепта объясняет и оправдывает признание неограниченного количества концептов (их имен), а также отсутствие у большинства концептов «системных языковых средств выражения, так как они обслуживают сферу индивидуального мышления» [Язык и национальное сознание, 2002, с. 15].

Согласно лингвокультурологическому пониманию, концепт мыслится как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека; тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово; основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1997, с. 40–41], как многомерное ментальное образование, имеющее образную, понятийную и ценностную составляющие [Карасик, 1996].

Понятийная составляющая концепта – это языковая фиксация, обозначение концепта, его признаковая структура, образная составляющая – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые характеристики предметов, явлений, событий, которые в том или ином виде отражены в сознании человека, ценностная состав-

ляющая характеризует важность концепта как для индивидуума, так и для коллектива [Карасик, 2002, с. 154].

Несомненно, концепт шире понятия и помимо понятийной составляющей включает в свое пространство всю совокупность знаний о данном явлении, которые отражают существующие в коллективном сознании культурно-обусловленные представления о мире, а также ценностный компонент, определяющий актуальность и значимость данного концепта для носителей языка и обуславливающий объективацию концепта в значительном количестве языковых упаковок. Лингвокультурология сфокусирована на определении ценностных ориентиров общества, именно ценностная составляющая отличает лингвокультурный концепт от когнитивного.

Придерживаясь лингвокультурологического подхода к трактовке концепта, мы понимаем его как культурно-языковое образование, как некую ценную для определенной лингвокультуры константу, диахронически укоренившуюся в языке и культуре народа и вследствие этого получившую языковую фиксацию парадигматически и синтагматически в многочисленных лексических средствах, ставшую темой множества фразеологических произведений (в широком смысле слова). Представляется, что понятие входит в структуру концепта как его ядерная часть, как идеальное образование, отражающее существенные познанные признаки предмета. Подчеркнем, что для нас очевидной является нетождественность ментальных репрезентаций и коррелятивных им языковых форм. Содержание культурных концептов объемнее содержания одноименной языковой сущности: «их осознание как бы «растягивается» по всему идеографическому (или тематическому) полю, создаваемому разноименными первичными или вторичными (в том числе и фразеологическими) обозначениями «родового понятия» [Телия, 1996, с. 260]. Мы полагаем, что концепт есть идеальная (ментальная) сущность, овеществленная в языке, «рассеянная» в содержании лексических единиц, корпусе фразеологии, паремиологическом фонде, в системе устойчивых сравнений, способная транслироваться в различные системы образов, знаний и поведенческих стереотипов.

Разграничение коллективности знаний, обусловленной «культурной, национальной, территориальной, социальной общностью людей», и индивидуальности знаний, заключающейся в

исключительности и неповторимости количественного и содержательного показателей уровня усвоения коллективного знания, его индивидуальной оценке и интерпретации [Болдырев, 2006, с. 9], позволяет противопоставить универсальные и индивидуальные концепты или же выделить общечеловеческие, этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные концепты в зависимости от их приоритетности для определенной группы языковых личностей [Карасик, 2007, с. 36]. Представляется, что «ложь», «обман», «истина» являются примерами универсальных концептов, в то время как концепты «правда», «искренность», «клевета» и др., фиксирующие своеобразие русской культуры и особенности ментальности русского народа, могут быть отнесены к неуниверсальным (этноспецифическим) ключевым концептам русской лингвокультуры. С другой стороны, все упомянутые концепты, на наш взгляд, являются концептами-регулятивами, поскольку «в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они в своем системном выражении объясняют культурные доминанты поведения» [Карасик, 2005, с. 98]. Именно регулятивные концепты, по мнению В.И. Карасика, представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа или той или иной группы в его составе [Там же].

Рассматривая концепты с точки зрения системного подхода, необходимо учитывать их включённость в сложную систему связей и взаимопроникновение концептов [Стернин, 2001, с. 58]. Возможны различные исследовательские позиции и взгляды на феномены лжи и обмана сквозь призму изучения концепта: так, на наш взгляд, можно рассматривать языковые знаки «ложь», «вранье», «лесть», «клевета», «притворство» и др. как обозначения имен самостоятельных концептов или же можно признать их гипо-гиперонимические отношения, т.е. воспринимать их как имена того или иного концептуального фрагмента, конституирующего сложное когнитивное образование – концептуальное пространство обмана.

Изучение концепта может предполагать два основных аспекта анализа: рассмотрение его внутренней структуры и выявление внешних «связей анализируемого концепта с другими, близкими ему по сути, концептами» [Скорнякова, 2006, с. 144–145]. Сегодня алгоритм исследовательских процедур при изучении концеп-

тов хорошо отрегулирован, апробирован во многих работах и включает в себя этимологический анализ имен концепта, понятийное моделирование и дефиниционную интерпретацию, опрос информантов, позволяющий уточнить дифференциальные признаки понятия, анализ ассоциативных связей концепта (включая метод ассоциативного эксперимента), анализ средств лексико-фразеологической объективации концепта, а также привлечение большого корпуса контекстов, в которых данный концепт актуализируется. Воспользовавшись основными шагами данного алгоритма, представим наш исследовательский взгляд на структуру концептов «ложь» и «lie», их объективацию в русском и английском языках.

Анализ средств лексико-фразеологической объективации концептов «ложь» и «lie» позволил выделить два основных концептуальных фрагмента в их структуре – активную и пассивную ложь (или ложь умолчанием). Результаты сопоставительного анализа показали, что более распространенной для русской лингвокультуры является так называемая «активная ложь» (рус.: *со/на/лгать, со/на/врать, с/брехать, провраться, довраться, переврать, проврать, долгаться, прилгать, завраться, изолгаться, изовраться, выкручиваться, прилгать, лжесвидетельствовать, подоврать, юлить, по-/кривить, приврать, отступить от истины, быть лживым, дезинформировать, с/фальшивить, отблехаться, говорить неправду, изворачиваться, исказить правду, фальсифицировать, плести кружева, гнать/ толкать туфту, заговаривать зубы, вешать лапшу на уши, вкручивать мозги, по/кривить душой, лить воду, лгать прямо в глаза, мутить воду; англ: *lie, perjure, misinform, give sb lie, distort the truth, talk sb over, tell lies, misinterpret, misrepresent, misquote, pervert, falsify, tell fib, tell a falsehood, fib, tell a story, be mendacious, be false, forswear, muddy the water, give sb a song & dance, lie out of the whole cloth, cast/ put a false colour(s) on sth, prove/ swear that black is white, lie in one's teeth, bear false witness, forge*). В то же время для англоязычной культуры оказалась в большей степени характерна ложь умолчанием или «пассивная ложь» (англ.: *dissemble, dissimulate, quibble, equivocate, prevaricate, withhold, veil, hide, hide the truth, cover up, conceal, keep sth out, blind, hold back, keep (leave) smb in the dark, draw a curtain on smth, cast (draw, throw) a veil over (upon) smth, sweep smth under the carpet, hold (keep, play) cards (a**

thing) close to one's chest (vest), hide away, sweep under the mat, suppress, darken, befog, becloud, keep under one's hat, keep one's mouth shut, hold one's tongue, keep in the shade, keep it dark, play hide-&-seek; рус.: умалчивать, темнить, уйти от ответа, скрывать, утаивать, играть в прятки (жмурки), держать карты к орденам, держать язык за зубами, держать рот на замке, завуалировать, затуманить, недоговаривать).

Важным для анализа национальных особенностей мышления, выявления аккумулярованного в языке культурного опыта народа представляется описание сходств и расхождений в членении континуума действительности. В.А. Костомаров пишет: «Смущает и ставит в тупик американцев наше представление о *вранье*, как бы лежащем между *ложью* и *обманом*: имея в сущности лишь одно слово *lies*, они не могут среди параллельных и соотносительных слов найти понятию *врать*, *враль*, *вранье* адекватного перевода, ибо это и не *swank* – хвастовство, бахвальство, и не *falsehood* – неправда, и не *fib(s)*, *fibbing* – выдумка, и не *nonsense*, *prate*, *idle talk* – безответственная болтовня, и не *twaddle* – пустословие, но все это вместе, но и в то же время не совсем ложь» [Костомаров, 1995, с. 53]. Кроме того, английский язык в подавляющем большинстве случаев обходится использованием лишь одной номинации нейтрального употребления – *'liar'*. Для эмоционально-оценочных номинаций *'лгушилка'*, *'врунишка'* эквивалента в английском нет. Аффиксальные лексемы передаются чаще всего разноструктурными образованиями, как правило, стилистически неотмеченного характера: к примеру, *'завратьсЯ'* – *'to do too much lying'*, *'приврать'* – *'to distort the truth a little'* и т.д.

Понятийное моделирование исследуемых концептов позволяет сделать вывод, что семантическое представление понятий «ложь» и «lie» отмечено национально-культурной спецификой. В результате дефиниционной интерпретации в русском языке в понятии «ложь» выделяются семантические признаки: 1) искажение, противоречие истине, 2) несоответствие действительности, 3) намеренное, 4) оформленное вербально. В английском языке понятие «lie» содержит следующие признаки: 1) утверждение, 2) действие, 3) ложное, 4) сознательное, 5) с намерением обмануть другого. В результате сопоставления конкретизирующих признаков содержательных минимумов понятий «ложь» и «lie» в англоязычных и русских лексикографических изданиях становит-

ся очевидным, что семантическое представление обсуждаемых единиц оказывается различным для русских и английских носителей языка. Во-первых, в английских дефинициях существенным конкретизирующим признаком является признание лжи как вербального (коммуникативного) акта, что для русских носителей языка оказывается менее релевантным. Во-вторых, английские дефиниции расширяют объем понятия «lie»: одним из дифференциальных признаков, выделяемых в понятии «lie», является ‘action’, в русскоязычных дефинициях признак ‘действие’ не зафиксирован. Кроме того, для русского национального сознания релевантным является интенциональный аспект: в понятии «ложь» характеристика, указывающая на умышленность, сознательность, намеренность выделяется всеми проанализированными лексикографическими источниками. Для английского же языка этот признак является менее существенным и выделяется в 43 % проанализированных нами словарных изданий. Наконец, этнокультурная специфика понятий «ложь» и «lie», обнаруженная в дефинициях, проявляется также в том, что применительно к английскому языку существенным является указание на цели и мишени воздействия (направленность действия), в то время как для русского понимания характерным оказывается референтный аспект (искажена ли истина, существует ли несоответствие действительности).

Согласно этимологическому анализу, представленному в [Панченко, 1999], истоки становления значений лексем, обозначающих ложь, кроются в сакральной сфере и оказываются тесно связанными с вербальной деятельностью людей. Анализ древних индоевропейских номинаций со значением лжи позволяет выделить следующие семантические трансформации, восходящие к значениям ‘гореть’, ‘резать’, ‘лить’:

1) ‘лгать’ ← ‘говорить, язык, речь’ ← ‘огонь, гореть’
др. англ. *lieg* ‘огонь’, греч. *legein* ‘говорить’, лат. *lingua* ‘язык’, нем. *lügen* ‘лгать’.

Значение ‘говорить’ могло приобретать негативный оттенок: ‘говорить’ → ‘навлечь несчастье словами’ → ‘навлечь болезнь заговором’ → ‘лгать, обманывать’. Слова со значением ‘говорить’ приобретают отрицательную коннотацию с течением времени: ‘говорить неправду’, и, следовательно, ‘лгать’: лат. *dicere* ‘говорить’, а впоследствии – ‘лгать’.

2) ‘врать, лгать’ ← (‘говорить, издавать звуки’) ← ‘бить, резать’

Слова со значением ‘резать’ часто соотносятся со словами, имеющими значение ‘говорить’, а последнее может приобретать значение ‘лгать’. Например, русское *говорить* и *заговаривать* (*болезнь*) далее приобретает значение ‘обманывать’ во фразеологической единице ‘заговаривать зубы’, отсюда *врач* (лечащий разговором) ← *врать* (‘говорить, заговаривать’ ← *врати). В древности понятие болезни неразрывно связывалось с понятием «обман», болезнь «обманывали», считая ее злым духом. Ср. др.-англ. *сору* – ‘болезнь’, но англ. *cheat* ‘обман’. Современное англ. *to cut* ‘резать’ соотносится с корнем, представленным гот. *qīuþan*, др. англ. *sweran* ‘говорить’. В русском жаргоне *расколоться* употребляется в значении ‘заговорить’.

Многие слова со значением ‘резать, бить’ также имеют производные значения ‘лгать, обманывать’: англ. сленг *to bam* – ‘бить’, а также ‘обманывать’; *to hock* – ‘бить’ (‘схватить’), ‘обманывать’; *to fib* – ‘бить’, ‘обманывать’ (*a fib = a lie*); англ. диал. *to lick* – ‘бить’ и ‘обманывать’.

Слова со значением ‘лгать, обманывать’, соотносимые со значениями ‘бить, резать’, приобретают семантику ‘причинение вреда’, что можно проиллюстрировать также следующими примерами: лат. *dolo* – ‘рубить’, *doleo* – ‘испытываю боль, страдаю’, но *dolus* – ‘хитрость, обман’; др. англ. *lipian* – ‘резать’, но гот. *liutai* – ‘обман’, рус. диал. *лудить* – ‘обманывать’.

Заметим, что значение ‘обманывать, мошенничать’ также соотносится со значениями ‘гнуть’: и.-е. *geu* – ‘гнуть’, но и.-е. **ghauo* – ‘поддельный, фальшивый’. Англ. *dog* в значении ‘притворство’ соотносится с и.-е. **dhug* – ‘гнуть’. Англ. сленг *bucket* в значении ‘обманывать, мошенничать’ соотносится с и.-е. **bheug* – ‘гнуть’ (Ср. рус.: «Ну, ты *загнул...*» в значении ‘*приврал*’).

3) ‘лгать’ ← (‘говорить’) ← ‘лить’

В основе перехода значений от ‘источать жидкость, лить’ к ‘говорить’ лежит древнейшая метафора, уподобляющая поток речи текущей жидкости. Развитие значения глагола ‘лить’ → ‘врать, обманывать’ подтверждается многими языковыми фактами на широком славянском материале: диал. *заливаха* – ‘врун’, ур. *отлить фафуру* – ‘сочинить неправду’, сиб. *заливать в три ручья* – ‘лгать’, *в гору лить* – ‘лгать’; пол. *zalewać* – ‘сочинять,

врать', чеш. (разг.) *nalejvat* – 'обманывать, надувать'. В этой связи уместно вспомнить любопытный факт, который приводит С.М. Толстая: восточнославянское верование приписывает лжи положительное воздействие на процесс литья колоколов, во время которого было принято распускать всякие невероятные слухи и вести. Звон колокола тогда будет громким и разносится так по округе, как расходится молва. «Поэтому, услышав какую-нибудь неправдоподобную новость, говорили: «Ну, видно, где-то новый колокол отливают» [Толстая, 1995, с. 112]. Русское языковое сознание искажение действительности с помощью хвастовства и преувеличения также уподобляет текущей жидкости – *заливать*'.

Кроме перечисленного, обратим внимание, что понятие «ложь» связывалось также в сознании древних с пустотой, поскольку значение 'пустота' нередко переходило в значение 'ложь: лат. *vacuus* – 'пустой' → др. инд. *vakya* – 'ложь, обман'.

Таким образом, выделены основные семантические компоненты значений, ставшие источниками негативной коннотации лжи – зло, нанесение ущерба, вреда, сгибание, искривление, разбиение, разрезание, позволяющие говорить об искажении действительности, реальности, разрушении существующего порядка вещей. Неслучайно, во многих индоевропейских языках встречается противопоставление «прямой» правды и «кривой» лжи, которое имеет мифопоэтические истоки, например, в славянских персонифицированных образах Правды и Кривды. Можно вспомнить также, что мотив соперничества Правды и Кривды имеется в «Сказке о Правде и Кривде», найденной в египетских папирусах, принадлежащей эпохе Рамессидов (более 3000 лет назад), в поздней египетской сказке (1 тыс. до н. э.), где воплощение зла Кривда ослепляет своего старшего брата – Правду, воплощающего добро. Аналогичный мотив содержится в древнерусской «Голубиной (или «Глубинной») книге»: *Это не два зверя собиралися, / не два лютые собегалися: / Это Правда с Кривдой соходилася, / промежду собой они бились-дрались. / Кривда Правду одолеть хочет; Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса. /... А Кривда пошла у нас по всей земле* [Мифы народов мира, 1989]. Со временем мотив спора Правды и Кривды становится распространенным литературным сюжетом, где встречаются персонифицированные образы «нежной», «легко-

верной», «чистой» Правды и «грубой», «коварной», «грязной» Лжи (например, см.: [Высоцкий, 1991, с. 536]).

В обозначениях лжи: др. исл. *lygi* ← и.-е. **leug* ‘сгибать’, др.-ирл. *gai* ← и.-е. **gei* ‘гнуть’ отражается семантическая мотивировка понятия Кривды – «сгибать, делать кривым», что позволяет говорить о лжи как искривляющей, искажающей действительность / реальность. В русском диал. *лукасть* означает ‘гнуть’. От этого же корня существительного *лука* ‘хитрость, обман’ из первоначального ‘кривизна, излучина’ образовано *лукавый* (др.-рус. *лукавь* – ‘извилистый, хитрый, коварный’, *лукуи* – ‘кривой, согнутый’). Отсюда, *лукавый* – один из леших, мелких лесных духов в мифологии древних славян, представлялся согнутым и искривленным, как лук, наделен отрицательными «левыми» признаками».

Обнаруженная сеть метафорических переходов, характерная для английского и русского языков, позволяет объяснить, почему метафорически образное описание лжи происходит по моделям, позволяющим осмысливать ложь как

1) ОГОНЬ: *‘растопить лестью’*, *‘ложь не выгорит’*, *‘лжет, разжигаясь собственной фантазией’*, *‘the falser the gossip, the more it seared’* (букв. ‘прижигает, опалает’), при этом оценка может быть как отрицательной – *‘ложь обжигает’* → причиняет боль → это плохо, так и положительной – *‘согревающая ложь’* → ассоциация тепла, уюта → это приятно;

2) БОЛЕЗНЬ: *‘мучительно сладкий яд ее лести отравил его’*, *‘задохнуться от собственной лжи’*, *‘прививка от лжи’*, *‘ложь у него в крови’*, *‘инъекция лжи’*, *‘истерическое гланье’*; *‘lying is infectious’*, *‘epidemic of ingenious swindles’*, *‘stowaway epidemic’*;

3) ПОКРОВ / ТЕМНОТУ: ‘затемнение’, в частности намеренное, относится к условиям, которые можно охарактеризовать как создание помех пониманию: *‘to blind’*, *‘to darken’*, *‘темнить’* → скрывать от света → создавать помехи пониманию, а также *‘вуалировать’*, *‘veil’*, *‘draw a curtain’* и проч.

Идея утаивания, умалчивания информации или так называемая «пассивная ложь» в английском языке в основе своей имеет представление «покрывания», сокрытия, которое соединяет в себе некий покров и темнота: *‘keep smb in the dark’* (‘скрывать, вводить в заблуждение’, букв. держать в темноте), *‘draw a curtain on smth’* (‘замалчивать’, букв. накинуть занавес), *‘cast a veil over smth’*

(‘обойти молчанием’, букв. накрыть покрывалом), *‘sweep smth under the carpet / rug’* (‘замять, замалчивать’, букв. замести под ковер). Этот образ в английском языке наследует древние мифопоэтические представления, поскольку покрывало в древности символизировало таинство, сверхъестественную силу. В русском языке семантика сокрытия, покрывания как магического действия фразеологически не зафиксирована, отражается в лексемах *‘завуалировать’*, *‘темнить’*, *‘затуманить’*, умалчивание чаще всего представлено фразеологически в виде идеи контроля над основным инструментальным деятелем – языком (ртом) и некоего ограничителя, сдерживающего его инструментальную активность: *‘держат рот на замке’*, *‘язык на привязи’* и *‘держат язык за зубами’*, что соответствует английскому выражению *‘hold one’s tongue’*.

Кроме того, обнаружено, что ЛОЖЬ метафорически осмысляется как СРЕДСТВО ЛОВЛИ / ПЛЕНЕНИЯ: *‘попасться на удочку ее лжи’*, *‘меня опутала сетями лжи’*, *‘ложь – хорошая приманка, если хочешь подсесть правду’* и т.д. Метафора ловли (охоты) соединяется с существующим в обоих языках метафорическим образом ЛОЖЬ ЕСТЬ ОРУЖИЕ, где имеет место осмысление лжи либо как причиняющей физической ущерб: *‘ложь меня убивает’*, *‘его ложь ранила ее’*, *‘the same primarily weapons... lies’*, *‘lie hurts me’*, *‘his lie killed my feelings’*, следовательно, отрицательно маркированных, либо способных защитить, оцениваемых положительно: *‘lies can protect them’*.

Мысль о том, что сложные концепты могут быть постигнуты с помощью нескольких различных метафорических моделей, каждая из которых выявляет один единственный аспект объекта, дает основания предположить, что чем сложнее концепт, тем большее количество метафорических моделей его «обслуживают». Сложность и многоплановость рассматриваемых концептов подтверждается тем, что в обоих языках их культурно-образная специфика основывается на представлениях, связанных не только с огнем, болезнью, потоком жидкости, воздуха, покровом. В русском и английском языках выделяются и такие метафорические модели, как:

ЛОЖЬ ЕСТЬ ПИЩА: *‘навратъся досыта’*, *‘первая порция лжи’*, *‘сладкая / горькая ложь’*, *‘проглотить ложь’*, *‘honeyed words of lie’*, *‘feed on soft corn’*, *‘to swallow the line’* (принять за правду выдуманную историю);

ЛОЖЬ ЕСТЬ ГРЯЗЬ: *‘поливать грязью’, ‘облить помоями лжи’, ‘грязная ложь / инсинуации’, ‘грязный лжец, ‘dirty liar’, ‘fling dirt about’;*

ЛОЖЬ ЕСТЬ СООРУЖЕНИЕ (позволяет осмыслить ложь как строительный материал для деятельности человека вообще и самого обманного поведения в частности): *‘строить отношения на лжи, ‘подпирать еще большей ложью’, ‘нагромождает / возводит одну ложь на другую’, ‘lies upon lies’, ‘public image as a facade that concealed his real self’;*

ЛОЖЬ осмысливаемая в ТОВАРО-ДЕНЕЖНЫХ отношениях: *‘покупаться на ложь’, ‘платить за ложь’, ‘I weighed them – truth against lie, lie against truth’, ‘cheap liar / crook’ и др.*

Кроме перечисленного, ложь соотносима с идеей НИЗА в терминах ориентационной метафоры. Применяя верх-ориентации к концепту Правда, человек осмысливает его с положительными коннотациями, выводя инференцию, что *‘правда → хорошее, добродетель’*: *‘правда – наивысшая ценность’*. Низ-ориентация закрепляет негативные коннотации: рус. *‘унижать себя враньем’, ‘скатиться до вранья’, ‘низкий лжец, ‘Как ты мог опуститься до вранья?’; ‘правда возвышает человека’ (но никогда *‘он возвысился до обмана’), ‘высшая правда’ (но не *‘высшая ложь’); англ. ‘It was a low trick’.*

Наконец, в русском языке также обнаруживаются специфические переосмысления лжи как некой МИСТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ: *магия лжи, тяготение к вранью, искушение солгать*. Такая сущность часто осознается невидимой, неосязаемой, но овладевающей человеком, одурманивающей его или заполняющей собой пространство вокруг него: *все пропитано ложью*.

Как известно, во фразеологических средствах в отличие от лексических средств нефразеологического характера реализуется специфический способ фиксации знаний, вводимых в модель мира адресата при помощи образной гештальт-структуры. Фразеологическое значение тянет за собой «шлейф» образных ассоциаций, на которые настилаются эмотивно-оценочные компоненты, поэтому анализ фразеологических средств объективации концепта позволяют выделить его образную составляющую.

Нами обнаружено, что в русском языке фразеологизируется наивное представление о том, что говорить правду легко и естественно, а для того, чтобы солгать необходимо усилие, вследст-

вие чего при произнесении лжи срабатывают механизмы совести, которые экстерииоризируются в различного рода физиологических симптомах. Легкость, беспардонность, наглость лжи в русском языке обнаруживается в семантике фразеологизмов, которые отсылают к описанию отсутствующей у говорящего физиологической реакции, маркирующей ложь: *'лгать, врать не краснея'*, *'не морщась'*, *'не моргнув глазом'*, *'прямо в глаза'*, *'не кашлянув'*. В основе подобных фразеологизмов находятся структуры знаний, содержащие информацию о проявлении психофизиологической реакции лгущего субъекта.

Как известно, в образном основании языковых средств отмечено мировидение и миропонимание народа, а, следовательно, именно сопоставление образно-мотивированных лексем, несущих культурно-значимую информацию, и позволяет «высветить» обыденный менталитет, «дух народа». У русского и англоязычного народов обнаруживается общее сравнение лживости человека с лисой, которой в английской и русской лингвокультурах конвенционально приписываются признаки: *'хитрость'*, *'лживость'*, *'лицемерие'*, *'льстивость'*.

Анализ компаративных конструкций русского и английского языков показал, что носители русского языка при соизмерении поведения лгущего человека обращают внимание на три имплицитно представленных признака:

1) качественные характеристики лица – *'лжет как на салазках под гору катится'* (легкость + быстрота); *'совралось как с курка сорвалось'* (безволие + неконтролируемость + быстрота + внезапность / неожиданность);

2) количественные характеристики – *'так соврет, что не перелезешь'*; *'соврал, что за пазуху не уберешь'*;

3) причинно-следственные отношения – *'врет, что уши вянут'*.

Английский язык эксплицирует два основных признака:

1) быстрота производимого речевого действия: *'to lie as fast as a dog (or horse) will trot'*; *'to lie as fast as a dog can lick a dish'*;

2) качественные характеристики субъекта сравнения: *'X as false as devil'*, *'X as false as God is true'*, *'as sweet as honey'*.

В обеих рассматриваемых лингвокультурах сложилось достаточно устойчивое представление о близости и взаимосвязанности двух христианских грехов – лжи и воровства:

Кто лжет, тот и крадет – If you lie, you steal.

В английском и русском языках имеются поговорки, где одна и та же идея вербализуется практически одинаково:

Правда – елей, везде наверх всплывает – Oil and truth get upmost at last.

Носители обоих языков имеют приблизительно одинаковые представления о непрочности, недолговечности, «неживучести» лжи. В русском языке – *Ложь ходит на гнилых ногах*, в английском – *ложь шатка: Lie stands on one leg*, не имеет возможности перемещаться: *Lie has no legs / short wings*.

В поговорочном фонде обоих языков находит свое отражение представление об амбивалентной сущности лжи: с одной стороны, поговорочные представления о лжи соотносят ее с грехом, вредоносностью, опасностью, ложь предстает как недолговечное и осуждаемое явление, с другой стороны, ложь осмысливается как обычное, порой выгодное явление, правда без лжи является непривлекательной, а ложь признается предпочтительнее правды.

И русскому, и англоязычному наивному сознанию присущ христианизированный стереотип восприятия лжи как греха: *Неправдой жить – Бога прогневить; Кто неправдой живет, того Бог убьет; От Бога дождь, от дьявола – ложь; Горе от Бога, а неправда – от дьявола; Вся неправда от лукавого; Всякая неправда – грех; Ангел в правде помогает, а бес лжею подстрекает; Лихо будет тому, кто неправду делает кому; If you lie, you steal (He that will lie, will steal); Lying lips are abomination to the Lord; Sin has many tools, but a lie is the handle which fits them all; Truth is God's daughter; A lie is the curse of God; The liar and the murderer are children of the same village; A liar is worse than a thief* и др.

Для носителей обоих языков свойственно воспринимать солгавшего человека как потерявшего доверие окружающих: *Раз солгал, а навек лгуном стал; Кто говорит иногда ложно, тому никогда верить не можно; Вчера солгал, а сегодня лгуном обзывают; Проврался, что прокрался: люди долго помнят; Лживый хоть правду скажет, никто не поверит; Соврешь – не померешь, да вперед не поверят; He who lies once is never believed again; If we tell untruths, no one will believe us even when we do speak the truth; A liar is not believed when he speaks the truth; A false tongue will hardly speak truth; False with one can be false with two.*

Английское языковое сознание выделяет свойство преемственности лжи, способности увеличиваться и приумножаться: *One*

lie begets another (a lie) untill they become a generation; One lie draws ten after it; A lie is like a snowball: the farther you roll it, the bigger it becomes; One lie treads on the heels of another; One lie makes many. Русское лингвосознание обращает внимание на признак жизнестойкости, извечности лжи: *Неправда светом началась, светом и кончится; Будет в поле рожь, будет и в людях ложь; Свет спокон веку неправдой стоит; Не нами стала правда, не нами и закончится.*

В русских пословичных выражениях никак не упоминается полуправда, английские же изречения интерпретируют ее как огромную ложь или хуже целой лжи: *Half the truth is often great lie; Half a truth is worse than a whole lie.*

Будучи непосредственно связанной с различными сферами деятельности человека, ложь, рассматриваемая с утилитарной точки зрения, признается более важной русской лингвокультурой, акцентирующей материальную выгоду и житейскую пользу лжи в противоположность правде: *Правда в лаптях; а кривда, хоть в кривых, да в сапогах; Правдой жить – ничего не нажать; Правду говорить – себе досадить; Правду говорить – никому не угодить; Говорить правду – терять дружбу; Правдою не обуешься; Правдою не оденешься; Правдою сыт не будешь; Не соврешь, и зобу не набьешь; It is better to lie a little than to be unhappy much; The truth begets enmity; Nothing stings like the truth.*

Логический инвариант, который можно сформулировать как «Выбор меньшего зла», характерен для ряда паремических единиц обоих языков. С одной стороны, провозглашается, что *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь; The truth is better than a lie; Better speak truth rudely, than lie covertly,* с другой стороны, отдается предпочтение лжи (в данном случае скорее всего речь идет о так называемой «белой лжи» или лжи во спасение): *Умная ложь лучше глупой правды; Сладкая ложь лучше горькой правды; Лучше ложь ко спасению, нежели правда к гибели; A necessary lie is harmless; A white lie is harmless, so it is a necessary one; A truth that's told with bad intent beats all the lies you can invent; Better a lie that heals than a truth that wounds.*

Такие пословицы, предлагающие альтернативные ситуации, которые отдают предпочтение одному из двух сравниваемых объектов / состояний субъекта, подтверждают амбивалентную специфику лжи в обоих языках. В английском языке, с одной

стороны, честный, хотя и бедный предпочтительнее, чем нечестный, хотя и богатый (*A poor man is better than a liar*), с другой стороны, небольшое количество лжи оказывается более желательным, чем честность, обрекающая на несчастье (*It is better to lie a little than to be unhappy much*), а также лучше признается ложь, которая лечит, чем правда, которая ранит (*Better a lie that heals than a truth that wounds*). Аналогично в русском языке в одном случае отдается предпочтение правде, приносящей страдание (*Лучше горькая правда...*), в двух других предпочтительной оказывается ложь, обеспечивающая душевное спокойствие / удовлетворение (*Лучше умная / сладкая ложь...*).

В целом, как следует из вышеизложенного, пословичные выражения интерпретируют отношение русского и английского языкового сознания к обсуждаемому концепту приблизительно одинаково. Однако обратим внимание, что в только русском языке имеются паремии, которые фиксируют трудность, а порой и невозможность выбора между правдой и ложью, маркирующие особенности русского национального характера: *Правдою жить, от людей отбыть, а неправдою жить, Бога прогневить; Неправдою жить не хочется, правдою жить не можется; С кривдою жить больно, с правдою – тошно; Сказать не велят, утаить нельзя; Правду сказать не могу, а лгать не хочу* и другие. Подобные паремии не только становятся иллюстрацией трудности выбора, с которым сталкивается человек в житейских ситуациях, но и характеризуют свойства русского характера, его склонность к пассивности, нежеланию быть ответственным за принятое решение.

Резюмируем. Задача проникновения в структуру концепта стимулировала исследование в области дописьменной истории концепта, которое показало, что в древних индоевропейских обозначениях лжи выделяются три основных семантических компонента значений, ставшие источником негативной коннотации лжи: нанесение ущерба, сокрытие намерений, искривление / искажение действительности. Эталонность лжи, стереотипность ее восприятия обыденным сознанием проявляется в осмыслении ее как некой «пачкающей» и вредоносной сущности, соприкосновение с которой грязнит, пачкает или причиняет вред, а также как болезни, огня, покрова. Расхождения в метафорическом осмыслении концептов «ложь» и «lie» русским и англоязычным обыденным сознанием проявляются в том, что русской наивной ло-

гике свойственно воспринимать ложь как мистическую сущность, перед которой человек оказывается слабым существом. Исследование ценностной составляющей анализируемых концептов позволяет утверждать, что все, связанное с ложью, актуально для человека и осваивается человеческим сознанием через соотнесение с аксиологической системой, обуславливающей положительные и отрицательные оценки, которые получают множественную интерпретацию по нравственно-этическим и утилитарно-прагматическим критериям. С точки зрения нравственных человеческих канонов и общественного благополучия ложь осуждается и маркирована отрицательно на аксиологической шкале, но так называемая «белая ложь» / «white lie», мотивируемая альтруистическими соображениями, интерпретируется как совпадение интересов агента и реципиента, а значит, с позиций утилитарно-прагматических воззрений может одобряться и оцениваться социумом положительно. Это обуславливает амбивалентную сущность лжи, наличие взаимоисключающих ценностей.

Полное распрямление концептов предполагает обращение ко всему культурному тезаурусу, фиксирующему в языковых знаках то или иное осмысление концепта носителями языков, а также обращение к анализу ассоциативных связей концепта, что может стать перспективой дальнейшего исследования.

1.2. Типология ложных высказываний: извлечения из монографии

О.М. Попчук «Ложное высказывание в системе средств отказа в праве на получение полноценной информации»

(Печатаются с согласия автора)

1.2.1. Социальная коммуникация как один из смысловых типов коммуникации. Теория речевых актов: понятия «искренность» и «неискренность»

(С. 9–11)

Термин «коммуникация» (лат. communication, от communico – делаю общим, связываю, общаюсь) является общенаучным и используется во многих гуманитарных, биологических и технических сферах знания. Коммуникацию как общена-

учное явление можно определить как «опосредованное и целесообразное взаимодействие» [Соколов 2001: 17] не менее двух субъектов. Это взаимодействие может представлять собой движение материальных объектов в трехмерном геометрическом пространстве и в астрономическом времени или движение идеальных объектов (слов, образов) в многомерных умозрительных (виртуальных) пространствах и временах. Умозрительно постигаемый смысл является передаваемым объектом в моделях смысловых типов коммуникации (генетической, психической, социальной) [Там же].

Существует взаимосвязь смысловых типов коммуникации, которая осуществляется через личность (человека), то есть субъекта социальной коммуникации. В результате генетической коммуникации формируются свойственные человеку нейрофизиологические и анатомические предпосылки мыслительной и речевой деятельности: асимметричный мозг, «речевые зоны» в левом полушарии, артикуляционный аппарат для произнесения речевых звуков. Ни психическая, ни социальная коммуникация не была бы возможна без этих предпосылок [Соколов 2001: 17–19].

Социальная коммуникация представляет собой движение смыслов (знаний, эмоций) в человеческом обществе. Она является важнейшей стороной образа жизни индивида. Существующее разнообразие определений речевой коммуникации есть результат большой работы исследователей, позволяющий осветить различные грани процесса человеческого общения и представить коммуникацию как сложный многоаспектный феномен, изучаемый как лингвистическими, так и нелингвистическими теориями.

Теория речевой деятельности и теория речевых актов позволяют описать различные закономерности речевого общения. При этом в рамках теории речевых актов [Остин 1986; Серль 1986 а.; Серль 1986 б.; Серль 1986 в.], связанной с логикой, когнитивной психологией, философией и теорией коммуникации, речевой акт рассматривается как способ решения адресантом определенной задачи и выбор на этой основе оптимальных средств (вербальных и невербальных) ее решения.

Кроме того, в условии эффективности речевого акта, согласно теории речевых актов, входит удовлетворение требования искренности. Обещание, например, действительно только тогда, когда адресант искренне намерен его выполнить и уверен, что он в состоянии это сделать. Условие искренности связывает речевой

акт с намерениями говорящего, а через них с состояниями его сознания (интенциональными состояниями). Рассогласование речевых актов и интенциональных состояний говорит о невыполнении условий искренности, то есть о неискренности.

Термин «неискренность» (как и термин «искренность») был введен в лингвистический обиход Дж. Остином. Дж. Остин определяет неискренность как такие условия осуществления речевого акта, которые делают его неэффективным или «пустым» (void) [Austin 1962]. После Дж. Остина в рамках теории речевых актов исследовались в основном высказывания, условие искренности которых выполнялось. Причиной того, что понятие «неискренность» не получило детальной разработки, стало предписание коммуникантам рациональности (следования истине) и искренности (сознательной приверженности истине), которые стали провозглашаться в теории речевых актов в качестве законов [Searle 1969; Лакофф 1985; Гордон 1985; Grice 1989; Болинджер 1987].

В реальном речевом общении подобные правила, подчас весьма идеальные, часто нарушаются. Как отмечает О.С. Иссерс, максимы общения были сформулированы логиком П. Грайсом не с целью объяснения того, как функционирует дискурс. «Воодушевление, с которым лингвисты стали использовать предложенные П. Грайсом принципы для интерпретации речевого общения в целом и конкретных речевых актов, сменилось впоследствии определенным скепсисом по поводу применения максим к различным типам дискурса» [Иссерс 2006: 65]. Осознание того, что «человеческий фактор» не всегда позволяет подчинить общение всеобщим законам, позволило лингвистам расширить свой взгляд на коммуникацию и включить, например, в круг проблем по ее изучению такое явление, как ложное высказывание.

1.2.2. Паралингвистические средства и их функции в речевой коммуникации

(С. 11–27)

Как уже известно, любой коммуникации свойственна целесообразность. Целесообразность речевой коммуникации заключается в «обмене эмоциональной, волевой и интеллектуальной информацией» [159, с. 303]. Передача эмоциональной, волевой и интеллектуальной информации в акте коммуникации расценивается при этом как воздействие на собеседника (Р.Р. Каспран-

ский, А.П. Назаретян, В.Б. Розов, В.В. Красных). В то время как интеллектуальная информация передается по вербальному каналу, линией связи, по которой движется эмоциональная и волевая информация, в большей степени служит невербальный канал. Вербальная и невербальная коммуникации осуществляются посредством коммуникационных знаков, то есть семиотических средств, позволяющих коммуникантам создавать и воспринимать сообщения.

Системой вербальных знаковых средств является естественный язык, изучаемый с позиций различных лингвистических теорий. Исследование невербальной коммуникации в рамках языкознания пока не имеет столь же глубокой традиции. Само название науки, предметом которой является невербальная коммуникация, находится в стадии определения и становления. Так, широкое значение термина «паралингвистика», отраженное, например, в работе Г.В. Колшанского [86], включает в себе почти все, что сегодня входит в понятие «невербальная семиотика» [Ekman 1972]. Таким образом, на сегодняшний день паралингвистика – это и 1) наука, которая составляет отдельный раздел невербальной семиотики, например, наряду с кинесикой, окулесикой, гапстикой, проксемикой и т.д. [Там же]; и 2) языковедческая дисциплина, занимающаяся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации [86].

В рамках данного исследования просодия, кинесика, такесика и проксемика рассматриваются как паралингвистические средства. Таким образом, невербальный канал обладает следующими паралингвистическими средствами:

- просодия – система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех языковых уровнях [158, с. 558];
- такесика – рукопожатие, поцелуй, похлопывание, объятия;
- кинесика – мимика (выражение лица, визуальный контакт), пантомимика (жесты, позы, телодвижения);
- проксемика – дистанция между партнерами. ...

Параязыковые просодические элементы, участвующие в процессе коммуникации и способствующие организации и передаче смысловой информации, являются, по мнению Г.Е. Крейдлина, одной из составляющих центра паралингвистики как раздела невербальной семиотики [Ekman 1972: 27]. В качестве других составляющих выступают: а) отдельные неречевые звуки, исходя-

щие из ротовой и носовой полостей человека; б) звуковые комплексы, которые возникают и принимают активное участие в разного типа физиологических реакциях и которые в акте коммуникации допускают конвенциональную семиотизацию, или означивание; в) голос и его постоянные качества, голосовые особенности актуально звучащей речи или игры голосом (фонации); г) значимые молчания и паузы [Там же]. ...

Значение человеческого лица в коммуникации трудно переоценить. Выделяют эмотивную, коммуникативную и регулятивную функции мимики. Регулятивная функция мыслится как контактоустанавливающая и контактоподдерживающая (информативность лицевых реакций на сообщение других людей), коммуникативная функция заключается в передаче адресату определенной информации и отражении межличностных отношений. Основной «функцией лица» считается эмотивная, поскольку лицо, прежде всего, – «это место симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений» [Ekman 1972: 165]. ...

Можно выделить два направления исследований выражения лица: 1) когда оно рассматривается как внешнее выражение эмоций, причем сами эмоции задаются, так сказать, списком [Ekman 1972: 17]; 2) когда вводится специальная система координат, по которым оценивается выражение лица [285, 220].

П. Экман считает, что по внешним проявлениям реконструируется и познается внутренний мир человека, к какой бы культуре он не принадлежал. Лицевые выражения, по мысли ученого, представляют собой биологически врожденные двигательные активности и, следовательно, служат надежными диагностическими показателями конкретных эмоций. ...

В лингвистике существует множество классификаций жестов. ... В классификации Г.Е. Крейдлина жесты, которые осуществляются без участия каких-либо других лиц и материальных объектов, называются свободными; а жесты с привлечением таковых – связанными [99, с. 72-73]. ...

По наблюдениям Т.М. Николаевой, жест может выполнять в высказывании одну из трех основных функций: «1) вносить дополнительную информацию, 2) замещать пропущенный вербальный компонент, 3) комбинироваться с вербальными средствами, передавая тот же смысл» [144, с. 367]. Г.Е. Крейдлин помимо

трех указанных называет также следующие функции: 1) противоречия речевому высказыванию; 2) подчеркивания или усиления некоторых компонентов речи; 3) выполнения роли регулятора речевого общения [99, с. 61–63]. ...

Ввиду того, что невербальное поведение является составной частью целостного поведения личности, наибольший интерес к данной проблеме был проявлен, прежде всего, со стороны психологии и смежных с ней наук. Вместе с тем в настоящее время невербальная коммуникация все чаще становится объектом лингвистических исследований. Одной из причин обращения лингвистов к проблемам невербального поведения стал тот факт, что без решения вопросов о том, как происходит невербальная коммуникативная деятельность человека и каково ее соотношение с вербальной деятельностью, невозможно моделирование коммуникативных систем. Кроме того, исследования доказывают, что невербальные сигналы несут в пять раз больше информации, чем вербальные, и в случае, если сигналы неконгруэнтны, люди, как правило, полагаются на невербальную информацию, предпочитая ее вербальной [150, с. 23–26]. Таким образом, «жесты считаются правдивее слов» [145, с. 4]. ...

На основе экспериментальных данных было установлено, что невербальная коммуникация является не факультативной, а обязательной частью речевого акта, при этом в 60 % случаев она опережает реализацию вербальных средств [40, с. 143].

Система человеческого общения представляет собой единство вербальной и невербальной коммуникации. Речевое сообщение не может быть фактом коммуникации без паралингвистического сопровождения. При этом основная функция невербальных средств заключается в передаче/обмене эмоциональной информацией партнеров по коммуникации. В невербальном способе межличностного общения, в свою очередь, состоит коммуникативная функция эмоций [185].

1.2.3. Прагматический аспект и модели коммуникации

(С. 37–43).

Функционирование в процессе речевой коммуникации языковых и паралингвистических средств изучает такой раздел лингвистики, как прагматика. В прагматику включается комплекс вопросов, связанных с адресантом, адресатом, их взаимодействием в процессе речевой коммуникации и ситуацией общения. Цель

прагматических исследований – определение языковых и паралингвистических средств, которые следует употребить в соответствующих социальных условиях для достижения необходимого коммуникативного эффекта (успешности соответствующего речевого акта) [Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика: 2-изд., испр. и доп. / Р.К. Потапова. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 346 с.]. С.212.

В связи с субъектом речи изучаются:

а) явные и скрытые цели высказывания («иллокутивные силы», по Дж. Остину), например, сообщение некоторой информации или мнения, вопрос, приказ, просьба, обещание и т.п.;

б) речевая тактика и типы речевого поведения;

в) установка говорящего или прагматическое значение высказывания: косвенные смыслы высказывания;

г) прагматические пресуппозиции: оценка говорящим общего фонда знаний, интересов, взглядов, психологического состояния адресата и т.д.;

д) отношение говорящего к тому, что он сообщает: 1) оценка содержания высказывания (ирония, многозначительность и пр.); 2) организация высказывания в соответствии с тем, чему в сообщении придается наибольшее значение.

В связи с адресатом речи изучаются:

а) интерпретация речи, правила вывода косвенных и скрытых смыслов из прямого значения высказывания; в этих правилах учитываются контекст, прагматическая ситуация и пресуппозиции;

б) воздействие высказывания на адресата («перлокутивный эффект по Дж. Остину): расширение информированности адресата; изменения в эмоциональном состоянии, взглядах и оценках адресата; влияние на совершаемые им действия и т.п.;

в) типы реагирования адресата на полученный стимул (прямые и косвенные реакции, например, способы уклонения от прямого ответа на вопрос) [Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 1988. – 896 с. – (Язык. Семиотика. Культура). С. 389–390.

Важно отметить, что роль адресата тоже предполагает наличие коммуникативной стратегии. В зависимости от того, проинформирован ли адресат о предстоящем коммуникативном акте, Е.В. Клюев различает неожиданные коммуникативные акты и ожидаемые коммуникативные акты. Коммуникативная стратегия

адресата в значительной степени зависит от того, к какой группе относится соответствующий коммуникативный акт [Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия: Учебное пособие для университетов и институтов / Е.В. Клюев. – М.: Рипол классик, 2002. – 317 с. – (Психологический бестселлер)].

В связи с отношениями между участниками коммуникации изучаются:

а) формы речевого общения (информативный диалог; диалог-спор; диалог-ссора и т.д.);

б) социально-этикетная сторона речи (формы обращения; стиль общения);

в) соотношения между участниками коммуникации в тех или иных речевых актах (напр., просьба и приказ) [Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 1988. – 896 с. – (Язык. Семиотика. Культура). С. 389–390.

Последним фактором, учитываемым в прагматических исследованиях, является ситуация общения. Различаются два вида ситуации: денотативная (предметная) и речевая (реальная обстановка, в которой реализуется речевая коммуникация).

В отношении ситуативной обусловленности акта коммуникации имеют значение следующие признаки:

а) условия протекания речевого акта;

б) наличие/отсутствие предметов, о которых идет речь в момент речевой коммуникации;

в) временная продолжительность/краткосрочность речевого действия;

г) высокая/низкая частотность речевой ситуации;

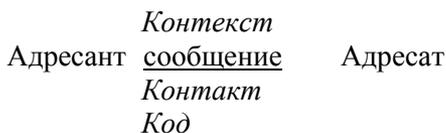
д) способ общения: прямоконтактный, телефон, радиовещание, телевидение [Потапова, 2003: 214].

Невербальный и вербальный каналы в их неразрывном единстве послужили исходной базой для формирования устной коммуникации. Речевая деятельность осуществляется абстрактно мыслящим левым полушарием головного мозга, где расположены «центры речи». Правое полушарие реагирует на невербальные сигналы. В силу того, что невербальный и вербальный каналы работают параллельно, устная коммуникация оказывается двухканальной, а если учесть каналы обратной связи (ОС), то и четырехканальной [Соколов А.В. Метатеория социальной коммуникации / А.В. Соколов. – СПб.: НРБ, 2001. – 352 с.]. С. 108.

Необходимо отметить, что современная коммуникативистика располагает значительным количеством моделей, каждая из которых по-своему отражает структуру, элементы и динамику процесса коммуникации. Рассмотрим некоторые из них. ...

В.П. Морозов предложил психологическую модель коммуникации [137]. Автор представляет коммуникацию как двухканальный процесс, состоящий из вербального и невербального каналов. Особенность данной модели состоит в учете функциональной асимметрии мозга человека, являющейся физиологической основой независимости невербальной функции речи от вербальной.

В анализе акта коммуникации важно учитывать общие черты, а также различия между операциями кодирования, осуществляемыми адресантом, и способностью декодирования, присущей адресату. Значимым так же является отношение данного сообщения к контексту окружающих его сообщений, которые «либо принадлежат к тому же самому акту коммуникации, либо связывают вспоминаемое прошлое с предполагаемым будущим» [218, с. 319]. Предложенная Р.О. Якобсоном схема речевой коммуникации отражает эти основные факторы общения и отображает диалогическую природу данного процесса [217, с.198]:

Общение диалогично по своей природе. Вместе с тем М.С. Каган, отмечая, что выделение в общении двух субъектов «есть чистая условность» [70, с.134], предлагает модель коммуникации, в которой данный процесс предстает как мультисубъектный феномен, опосредованный одним объектом. Данным объектом является тема общения [Там же].

Наиболее полные модели общения и схемы речевого поведения описаны Р.К. Потаповой [158]. Эти модели кроме основных этапов общения включают описание нейроповеденческих программ, контролирующих поведение общающихся в двух каналах: вербальном и невербальном. Автор рассматривает коммуникацию как «цепочку состояний», в которой производство, передача и прием вербального сообщения являются лишь частью общего

процесса коммуникации в целом. Наряду с акустическим каналом при передаче сообщения используется также и визуальный канал. Вместе с тем по акустическому каналу передается не только лингвистическая, но и паралингвистическая информация. В разных ситуациях общения эти каналы взаимодействуют различным образом. Система приемов для осуществления сложного замысла складывается из: а) повторения: невербальная коммуникация дублирует то, что было передано вербально; б) контрадикции: невербальное поведение противоречит вербальному; в) субституции: невербальное поведение выступает вместо вербальных средств передачи сообщения; г) дополнения: невербальное поведение модифицирует или развивает вербальное сообщение; д) акцентирования: невербальное поведение может акцентировать отдельные части вербального сообщения подобно тому, как подчеркивание слов на письме служит их выделению; е) регулирования: невербальное поведение регулирует коммуникативный поток между взаимодействующими индивидами.

Представляет интерес структурная организация коммуникативного акта, предложенная В.В. Красных [Красных 2001: 193–202]. Она выделяет четыре взаимосвязанных компонента каждого коммуникативного акта:

а) экстралингвистический аспект; конситуация – объективно существующая собственно экстралингвистическая ситуация общения и его участники (то есть, кто, что, где, когда);

б) семантический аспект; контекст – имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного коммуникативного акта;

в) когнитивный аспект; пресуппозиция – зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, включая и представления коммуникантов о конситуации;

г) (собственно) лингвистический аспект; речь – продукт непосредственного речепроизводства, то, что продуцируют коммуниканты.

Конситуация и речь представляют собой «поверхностные компоненты» структуры речевого акта, поскольку они эксплицитно присутствуют в любом акте коммуникации. Пресуппозиция и контекст, будучи имплицитно представлены в коммуника-

тивном акте, являют собой его «глубинные компоненты» и образуют некий макрокогнитивный пласт.

Обобщив различные точки зрения, можно сказать, что пресуппозиция – это общий фонд знаний, общий опыт, общий тезаурус, общие предварительные сведения, которыми обладают коммуниканты. В.В. Красных под пресуппозицией понимает зону пересечения когнитивных пространств, она актуализируется в процессе коммуникации, релевантна «здесь» и «сейчас» [Красных 2001: 193–202].

Пресуппозиция и контекст участвуют в определении границ и специфики акта коммуникации опосредованно: через речь, в ней проявляясь и на нее влияя [Там же]. Пресуппозиция и контекст являются одними из тех факторов, которые обуславливают отбор языковых средств, формирующих высказывания коммуникантов.

1.2.4. Средства прямого, косвенного и потенциального отказа в праве на получение полноценной информации/информации как таковой. Типы высказываний, передающих неполноценную информацию

(С. 131–146)

В результате анализа художественной коммуникации выделены способы уклонения от прямого ответа на вопрос. ... Представляется возможным говорить о средствах прямого и косвенного отказа адресанта в праве на получение адресатом полноценной информации/информации как таковой в акте коммуникации. При этом прямым отказом считаются высказывания, в которых заявляется о невозможности (в силу объясняемых или необъясняемых адресату причин) выдачи запрашиваемой информации. Прямой отказ является средством отказа в праве на получение информации как таковой (0 информации). Лингвистическими средствами реализации прямого отказа являются глаголы *мочь, хотеть, говорить, заявлять, сказать*, словосочетание *иметь право* в высказываниях типа: *(Я) не могу/хочу/имею права говорить/сказать/заявлять (об этом)* [здесь и далее курсив Попчук О.М.].

Все остальные способы уклонения от прямого ответа на вопрос считаются средствами косвенного отказа в праве на получение полноценной информации/информации как таковой. При этом переспрос, встречный вопрос, обещание дать ответ на вопрос позже (условие искренности на момент реализации выска-

звания может выполняться или не выполняться) и молчание (игнорирование вопроса) являются средствами отказа в праве на получение информации (0 информации). Высказывание неопределенного (обобщенного) характера и имплицитно-ложное высказывание являются средствами отказа в праве на получение полноценной информации [Попчук 2010: 135].

Что касается ложного высказывания о том, что говорящий не владеет информацией, и ложного высказывания о том, что говорящий забыл информацию, то они являются одновременно и средствами отказа в праве на получение информации как таковой (0 информации), и средствами отказа в праве на получение полноценной информации, поскольку обладают двумя планами информации. С одной стороны, они эксплицитно передают *неполноценную информацию* с целью введения в заблуждение (на самом деле говорящий владеет информацией или помнит ее, а с другой стороны, блокирует выдачу запрашиваемой информации как таковой (0 информации) [Попчук 2010: 135–136].

Рассмотрим лингвистические и паралингвистические средства реализации способов уклонения от прямого ответа на вопрос. Лингвистическими средствами реализации переспроса являются частица *a* в значении вопроса, вопросительное местоимение *что* [здесь и далее курсив О.М. Попчук]. Лингвистическими средствами вопроса, свидетельствующего о якобы непонимании того, о ком (о чем) идет речь, являются вопросительные местоимения *кто, что, какой* и частица *это* в вопросах типа: *Кто это? Что это? Какая ...? Какой ...?* Подобные высказывания в норме сопровождаются таким иллюстративным жестом, как «поднятие бровей». Правдоподобная имитация удивления требует реализации данного мимического жеста параллельно с реализацией речевого высказывания. Характерными лингвистическими средствами переадресации вопроса спрашивающему является союз *a* и местоимение второго лица типа: *А ты? А вы?*

Использование риторического вопроса, выражающего возмущение и указывающего на отсутствие права (по этическим причинам) задавать вопросы подобного рода, может предполагать использование разговорного фразеологизма *какое дело* в вопросах типа: *Какое твое/ваше дело? Какое тебе/вам дело до...?* Подобная реакция на вопрос свидетельствует о том, что произошел запрос информации из проблемной информационной зоны партнера

по коммуникации. Паралингвистическим средством реализации подобных риторических вопросов является нисходяще-резкая мелодика, относящаяся к категории параметров звучания.

Использование высказывания неопределенного (обобщенного) характера предполагает употребление существительных, не обозначающих конкретных лиц (преимущественно во множественном числе: *друзья, знакомые, родственники, коллеги* и т.д.), неопределенных местоимений и других частей речи, способствующих формированию высказывания с низкой степенью информативности.

Обещание (условие искренности которого на момент реализации высказывания или выполняется или не выполняется) дать ответ на вопрос позже предполагает использование таких лингвистических средств, как обстоятельственные наречия, выполняющие функцию наименования времени *потом, позже, завтра, послезавтра* и т.д., существительных, обозначающих дни недели, названия месяцев и т.д., а также глаголов сказать, сообщать и т.д. в высказываниях типа: *(Я) потом/позже/завтра тебе скажу/сообщу.*

Ложное высказывание (использование которого является способом уклонения от прямого ответа на вопрос) о том, что говорящий не владеет информацией, включает в себя ментальный глагол *знать* в отрицательной форме. Данное высказывание имеет невербальный аналог – эмблематический жест *пожать плечами*, который может сопровождать реализацию высказывания. Ложное высказывание (использование которого является способом уклонения от прямого ответа на вопрос) о том, что говорящий забыл запрашиваемую информацию, включает в себя ментальный глагол *забыть* и ментальный глагол *помнить* в отрицательной форме. Данное высказывание может сопровождаться мимическим жестом *хмуриться*, отражающим ментальный процесс попытки вспомнить информацию.

Молчание (игнорирование вопроса) не имеет лингвистических средств реализации. Данный способ уклонения от прямого ответа на вопрос сопровождается производством каких-либо действий, предоставляющих возможность правомерного отказа от визуального контакта коммуниканту, игнорирующему вопрос собеседника. Данные невербальные действия (возможно внешнее полное бездействие, как, например, имитация погруженности в свои мысли) являются в данном случае значимыми, поскольку их значением является *игнорирование вопроса.*

Использование имплицитно-ложного высказывания предполагает реализацию таких приемов, как указание собеседнику на недостаточный уровень его образованности или интеллектуальных способностей; указание (эксплицитное или имплицитное) собеседнику на безосновательность его предположений или упреков и других приемов данного класса. Каждый прием имеет свои лингвистические средства реализации, которые в подобном случае будут являться и средствами реализации имплицитно-ложного высказывания.

Характерным лингвистическим средством реализации имплицитно-ложного высказывания является риторический вопрос, являющийся эмфатическим утверждением или отрицанием. Представляется возможным говорить об определенной зависимости выбора лингвистических и паралингвистических средств реализации приемов речевого воздействия класса приемов-указаний (и соответственно, средств реализации используемых при этом риторических вопросов) от того, какую не предметно-логическую информацию призван передать данный риторический вопрос (иронию, насмешку, возмущение). ... [Попчук, 2010: 136-139].

Таким образом, под неполноценной информацией понимается ложная информация, ответная информация, неадекватная запросу, а также информация, при передаче которой отсутствует вера говорящего в истинность своего утверждения, присутствует намерение ввести слушающего в заблуждение и при этом отсутствует возможность верификации самого высказывания.

Теперь необходимо выделить типы ложных высказываний:

а) имплицитно-ложные высказывания;

б) эксплицитно-ложные высказывания.

Эксплицитно-ложные высказывания, в свою очередь, делятся на:

1) развернутые ложные высказывания (включая высказывания с ложной presupпозицией, относящиеся к плану будущего времени);

2) неразвернутые ложные высказывания (да, нет);

3) ложные высказывания о том, что говорящий не владеет запрашиваемой информацией;

4) ложные высказывания о том, что говорящий забыл запрашиваемую информацию.

Необходимо отметить, что ложное высказывание о том, что говорящий забыл информацию, ложное высказывание о том, что

говорящий не владеет информацией, неразвернутое ложное высказывание и имплицитно-ложное высказывание не могут быть реализованы как реплика-стимул (иницирующая реплика). В качестве реплики-стимула могут выступать такие высказывания, передающие неполноценную информацию, как развернутое ложное высказывание; высказывание, относящееся к плану будущего времени, при реализации которого отсутствует вера говорящего в истинность данного утверждения (не содержащее ложную предположительную и не являющееся обещанием) и обещание, условие искренности которого на момент реализации не выполняется. Способность выступать в качестве реплики-стимула позволяет данным трем типам высказываний являться средствами косвенного отказа в праве на получение полноценной информации не только в ответ на прямой запрос, но и в ответ на потенциальный запрос. Потенциальность запроса информации есть релевантность темы высказывания для адресата.

Наряду с прямым и косвенным отказом в праве на получение адресатом полноценной информации/информации как таковой можно говорить о потенциальном отказе, суть которого сводится к тому, чтобы «не подпустить» партнера по коммуникации к проблемной информационной зоне или переключить внимание партнера с проблемной информационной зоны. *Под проблемной информационной зоной* (ПИЗ) коммуниканта понимается информация, которой владеет данный коммуникант, связанная для него с чувством стыда, вины, а также – с вероятностью понести наказание в случае ее сообщения партнеру по коммуникации. «Проблемность» в данном случае является относительным понятием, поскольку проблемная информационная зона коммуниканта может быть ориентирована на конкретного партнера по коммуникации и изменяться со сменой адресата.

Исследование показало, что обращение одного из коммуникантов к проблемной информационной зоне другого (в зависимости от «степени проблемности» зоны, степени корректности вопроса, характера межличностных отношений между партнерами, характерологических особенностей говорящего и т.д.) вызывает либо выражение отрицательных эмоций у последнего, либо реализацию ответного высказывания «с неохотой»...

Потенциальный отказ в праве на получение информации осуществляется посредством такого приема речевого воздейст-

вия, как переключение (реального или потенциального) внимания собеседника с проблемной информационной зоны.

Одним из лингвистических средств реализации такого приема и, следовательно, средств реализации потенциального отказа в праве на получение информации (в данном случае информации как таковой) является встречный вопрос, который используется коммуникантом непосредственно после реализации им одного из способов уклонения от прямого ответа на вопрос.

После ответного высказывания с низкой степенью информативности (косвенный отказ в праве на получение полноценной информации) герой использует реплику-вопрос с целью переключения внимания партнера по коммуникации с проблемной информационной зоны. Отметим, что потенциальный отказ в праве на получение информации не предполагает последующего прямого или косвенного отказа в ответ на прямой вопрос.

Таким образом, все средства отказа собеседнику формируют систему, которая может быть представлена в виде схемы [Попчук 2010: 131–146].

1.3. Актуализация вербально-невербальных элементов ложных высказываний (на материале художественных произведений английской и американской литературы XX в.)*

**Т.И. Леонтьева,
Л.А. Датчер**

Феномен «ложное высказывание» связан с понятиями «ложь» и «обман», которые являются объектами пристального внимания

* Данное исследование проводилось на втором этапе Государственного контракта № П731 «Особенности функционирования лингвистических и паралингвистических средств реализации ложного высказывания как компонента системы средств отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации (шифр «НК-158П») от 12 августа 2009 г. в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 «Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 года. Для монографии в него были внесены изменения и дополнения.

отечественных и зарубежных ученых. Понятие «ложь» используется в науке, педагогической и социальной практике, криминалистике и в повседневной жизни. Философы рассуждают на тему, что есть ложь, часто обращаются к противопоставлению понятий ложь – истина. Представляется интересным отношение ко лжи немецкого философа И. Канта, который полагал, что любое искажение истины «должно быть названо ложью (пусть даже не в юридическом смысле)». Он утверждал также, что ложь «всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще» [Кант 1994: 257-258]. В отечественной психологии рассматриваются формы и признаки передачи неистинной информации: неправда, полуправда, ложь, обман, вранье и пр. (В.В. Знаков, Н.В. Гладких, А.А. Леонтьев, Н.Н. Панченко, Н.А. Земскова, М.Ю. Коноваленко, О.М. Попчук и др.). Вопросы психологии лжи активно изучаются такими американскими специалистами по этой проблеме, как П. Экман, И. Лесли, Ч. Форд, С.Б. Уолтерс и др. П. Экман, в частности, определяет ложь, или обман, как «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления в своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [Экман 2012: 22-23].

В данном исследовании ложное высказывание представлено как компонент системы отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации / информации как таковой. Под ложным высказыванием понимается высказывание, в котором действительное положение вещей намеренно передается в искаженном виде [Леонтьев, Шахнарович, Батов 1977: 35]. Однако это определение звучит несколько абстрактно, оно не отражает такого различительного признака лжи, как наличие у коммуниканта намерения ввести в заблуждение. О.М. Попчук, исследуя ложные высказывания в русской диалогической речи, так конкретизирует это определение: «высказывание, намеренно искаженно описывающее действительное положение вещей с целью ввести в заблуждение партнера по коммуникации» [Попчук 2006: 7]. Этому взгляду придерживаются также авторы коллективной монографии «Отказ партнеру по коммуникации в праве на получение информации: вербальные и невербальные средства выражения» [Коновалова и др.: 2010].

При рассмотрении ложного высказывания представляется важным тот факт, что ложь, как подчеркивает А.Р. Лурия, изменяет мышление говорящего, оно строится по другому принципу. Это другое мышление «имеет свои формы, свои правила, свои приемы» [Лурия 1927: 92], которые могут быть обнаружены в процессе лингвистического анализа продуцируемых высказываний. Таким образом, ложное высказывание – это высказывание, намеренно передающее информацию в искаженном виде и сопровождающееся изменением мыслительной деятельности говорящего, которое, в свою очередь, приводит к изменению его невербального поведения.

Речевая коммуникация рассматривается как процесс взаимодействия равноправных партнеров, в котором «адресат имеет право на получение полноценной информации в акте коммуникации, а адресант (источник информации) обладает правом не признавать этого права адресата» [Попчук 2006: 9].

Ложное высказывание является не только лингвистическим, но и психологическим и, как следствие, паралингвистическим явлением. Исследованию собственно паралингвистических явлений, а также явлений невербальной семиотики посвятили свои работы Г.В. Колшанский, Г.Е. Крейдлин, П. Экман и др. Согласно Г.Е. Крейдлину, эмоциональное состояние коммуниканта находит последовательное отражение в характеристике речи. Парарысковые просодические элементы, участвующие в процессе коммуникации и способствующие организации и передаче смысловой информации, являются одной из составляющих центра паралингвистики как раздела невербальной семиотики. В рамках классификации Г.Е. Крейдлина эмотивную функцию выполняют параметры звучания и некоторые различители. Целям нашего исследования отвечают параметры звучания и голосовые средства, соотносимые с обманом, манипуляцией, такие как интенсивность звука, длительность пауз, темп речи, ритм, высота тона, истерический плач, рыдания, смех [Крейдлин 2000]. В более поздних работах Г.Е. Крейдлин обращает внимание на семиотическую концептуализацию тела, в которой учитываются целый ряд психических, коммуникативных, когнитивных и культурных свойств соматических объектов. Автор задается вопросом, какую роль они играют в выражении чувств и эмоций, как влияют на создание стереотипов, он предлагает признаковый подход, «который

позволяет единообразно сопоставлять вербальные и невербальные знаковые коды [Крейдлин 2011: 78-79].

Американский психолог П. Экман также пользуется «признаковым подходом», который он применяет для верификации обмана, хотя и отмечает, что нет таких признаков обмана, которые «единственно и сами по себе означали бы, что человек лжет. Существуют только признаки, по которым можно заключить, что слова плохо продуманы или испытываемые эмоции не соответствуют словам» [Экман 2012: 59]. Они могут проявляться в мимике, телодвижениях, голосовых модуляциях, глотательных движениях, в глубоком или, наоборот, в поверхностном дыхании, в длинных паузах между словами, в оговорках, микровыражениях лица, неточной жестикуляции [Там же].

Как и Г.Е. Крейдлин, П. Экман указывает на эмоциональную сторону лжи: «... Спутниками лжи могут оказаться совершенно различные эмоции, но чаще всего переплетаются с обманом три из них – боязнь оказаться разоблаченным, чувство вины по поводу собственной лжи и то чувство восторга, которое порой испытывает обманщик в случае удачи» [Там же: 37].

Говоря неправду, собеседник отказывает партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации или информации как таковой. Возникает вопрос о том, какими средствами пользуются участники коммуникации, продуцируя ложные высказывания, и каковы средства их вербального и невербального выражения.

Объектом исследования данной статьи является ложное высказывание как компонент системы отказа партнеру по коммуникации в праве на получение достоверной информации или информации как таковой в художественном тексте (на материале произведений английской и американской литературы XX в.). Предмет исследования составляют вербальные и невербальные средства реализации ложного высказывания и особенности функционирования этих средств в акте коммуникации.

Основой исследования послужила классификация средств отказа в праве на получение полноценной информации/информации как таковой в акте коммуникации, разработанная О.М. Попчук. Согласно классификации, все средства отказа подразделяются на средства отказа в праве на получение полноценной информации (высказывания, передающие неполноценную

информацию) и на средства отказа в праве на получение информации как таковой (средства, блокирующие выдачу запрашиваемой информации. Причем понятие «неполноценная информация» трактуется шире, чем понятие «ложная информация», и здесь выделяются неложные и ложные высказывания. В свою очередь, ложные высказывания делятся на имплицитные и эксплицитные. Имплицитные ложные высказывания предполагают использование таких приемов речевого воздействия, как, например, указание собеседнику на безосновательность его предположений. К эксплицитным ложным высказываниям относятся развернутое ложное высказывание; неразвернутое ложное высказывание (да, нет); ложное высказывание о том, что говорящий не владеет запрашиваемой информацией (не знаю); ложное высказывание о том, что говорящий забыл запрашиваемую информацию (забыл, не помню) [Попчук 2006: 16-17].

В классификации все средства отказа, блокирующие выдачу информации, делятся на средства прямого, косвенного и потенциального отказа. К средствам прямого отказа относятся категоричные заявления о нежелании вести разговор или поддерживать предлагаемую тему беседы. К средствам косвенного отказа относятся: молчание (игнорирование вопроса), встречный вопрос (вопрос, свидетельствующий о якобы непонимании того, о ком (о чем) идет речь; переадресация вопроса спрашивающему; риторический вопрос, переспрос). К средствам потенциального отказа относится пролонгированное высказывание, переключающее внимание партнера с проблемной информационной зоны (ПИЗ), а также вопрос, переключающий внимание партнера [Там же: 144].

Остановимся на ложных высказываниях, так как они, по нашему мнению, нагляднее всего демонстрируют взаимодействие вербального и невербального аспектов их реализации.

В рамках исследования вербально-невербального контекста ложных высказываний мы исходим из необходимости рассмотрения особенностей данного контекста на материале текстов художественных произведений таких англоязычных авторов XX в., как С. Моэм, Дж.Б. Пристли и И. Шоу. В художественном тексте, как указывает М.М. Бахтин, автор выступает как «человек, критик, психолог или моралист» [Бахтин 2000: 227]. Именно автор «рефлектирует эмоционально-волевою позицию» своего героя [Там же: 226] и создает ситуации, в которых герой выступает ли-

бо в качестве искателя правды, либо лица, пробивающего дорогу к своему успеху с помощью лжи и обмана. Возможность использования художественных текстов в качестве материала для анализа обосновывается теорией возможных миров, «согласно которой истинность/ложность той или иной пропозиции может быть оценена с точки зрения положения вещей не в мире в целом, а в некоем возможном мире, с которым соотносится данная пропозиция», т.е. в вымышленном писателем мире существуют факты реального мира, «система верований принятых в обществе, в котором было создано данное художественное произведение» [Lewis 1983: 261-280].

Кроме того, О.М. Попчук, ссылаясь на Д.А. Романова [Романов 2004], утверждает, что современные исследования в области лингвистики доказывают легитимность использования художественных текстов, т.к. реалистический художественный текст эквивалентен реальности в репрезентации эмоций [Там же].

Для анализа отобранных диалогов, так как в них проявляют себя правила организации речевого взаимодействия и формируется модель поведения, принятая в обществе. В диалоге обычно раскрываются характеры. Он – средство создания образа, причем этот образ воплощает в себе подробное описание внешнего и внутреннего облика персонажа [Солганик 1997: 132]. Мы рассматриваем диалоги в письменной форме, поскольку прагматический контекст позволяет безошибочно вычленять ложное высказывание из общего потока информации, а в художественном произведении зачастую создается модель реальной речевой ситуации. Поиск фрагментов текстов проводился методом сплошной выборки (около 80 п.л. анализируемых текстов и 60 фрагментов текстов-диалогов, 8 из которых включены в данное исследование).

Анализ фактического материала проводился с применением комплексной методики исследования, сочетающей анализ вербальных и невербальных средств выражения ложных высказываний, литературоведческое и стилистическое изучение художественного текста.

«Вербальный» означает «словесный» [Матвеева 2010: 52], и этот термин используется в отечественной литературе в качестве синонима понятия «лингвистический». К вербальным признакам ложного высказывания относятся такие эксплицитные средства, как клишированные ответы, экспрессивная лексика, синтаксиче-

ские компрессии, пропуски логически необходимых элементов, излишние повторы, многословие и др.

Невербальные средства представляют собой знаки, которые несут в себе определенное смысловое содержание. В некоторых случаях невербальные средства выступают синонимами вербальных единиц и способны заменять их в процессе коммуникации. При отказе партнеру по коммуникации в получении полноценной информации/информации как таковой адресант широко использует приемы невербального воздействия, которые подразделяются на экстралингвистические и паралингвистические. К экстралингвистическим относятся паузы, повышение / понижение тона, громкая и быстрая речь, медленная и тихая речь. Паралингвистические включают в себя эмблемы, т.е. изменение мимики, жесты; иллюстрации – произвольные движения тела или его частей. И те и другие свидетельствуют об эмоциональном переживании происходящего [Экман 2009: 236-237].

Вербально-невербальный контекст представляет собой единство и взаимодействие лингвистического выражения ложных высказываний и психофизиологических реакций коммуниканта.

Обращаясь к исследуемому материалу и руководствуясь принятым нами определением ложного высказывания, отметим, что при его реализации в речи мыслительная деятельность коммуниканта резко меняется, отражаясь в его психофизиологических реакциях. Очень показательны в этом плане, например, авторские ремарки, описывающие состояние лгущего человека, в романе И. Шоу «Люси Краун».

Люси, героиня романа, впервые изменившая мужу (Oliver) с молодым человеком (Jeff), при разговоре с супругом испытывает очень сильные эмоции, смятение чувств, прежде всего – чувство панического страха и отчаяния. Муж узнает от сына об ее измене. Он требует от нее объяснений.

“Lucy,” Oliver said, “have you been having an affair?”

Let it happen. Say the normal thing. He was sitting there like the teacher in school, asking her questions, grading her. Suddenly she realized that she had been afraid of him for fifteen years, every minute for fifteen years [Shaw 1989: 103].

Люси, – спросил Оливер, – у тебя роман?

Будь что будет. Держись непринужденно. Он задает вопросы, как учитель в школе, выставляя оценки за ответы. Неожиданно она поняла, что пятнадцать лет жила в ежеминутном страхе перед мужем [пер. А.Е. Герасимова].

Из-за страха быть разоблаченной она погрузилась во внутренний конфликт и беспомощное состояние. Автор передает внутреннюю речь героини, когда муж задает ей вопрос об измене.

Среди всех нежелательных психологических состояний человека Н.В. Вишнякова отмечает страх и тревогу, которые обладают большой разрушительной силой, и причина этого заключается в их глубоком проникновении в подсознание [Вишнякова 2002]. В английском тексте великолепно передано отчуждение Люси от супруга: "He was sitting there like the teacher in school..." – взгляд со стороны чужого ей человека. Автор усиливает напряжение Люси, раскрывая степень ее страха перед этим человеком, он вводит эту мысль с помощью наречия "suddenly", которое является ключом к пониманию всей ситуации. Стилистический прием градации: "she had been afraid of him for fifteen years, every minute for fifteen years" (for fifteen years → every minute for fifteen years), а также повтор красноречивых цифр передают ужас героини перед казнью, которой подвергает ее муж.

Защищаясь, она разражается многословной тирадой выдуманных подробностей из жизни своего молодого любовника, стараясь доказать абсурдность подозрений мужа.

Oliver watched her closely, already almost convinced because he was so ready to be convinced. "You must get over your habit of thinking men are children until they reach the age of fifty," he said mildly.

"Poor Jeff." Lucy was still laughing. "He'd be so proud if he could hear you. Why," she said, feeling her face frozen in the difficult lines of laughter and inventing spontaneously and without plan, "why, all last winter he was going to dances with a girl who's still in high school in Boston. She's a cheer leader. She wears those short skirts and does somersaults at the high school football games every Saturday afternoon and they can't go to bars when they have dates because none of the bartenders will serve them" [Shaw 1989: 104].

Оливер пристально наблюдал за ней, уже почти убежденный в ее невинности, потому что ему так этого хотелось.

– Ты должна избавиться от своей привычки считать детьми всех мужчин, которым еще нет пятидесяти, тихо отметил он.

– Бедный Джеф, – Люси все еще смеялась. – Он бы возгордился, если бы услышал это. А что, – продолжала она, чувствуя, что ее лицо сковала жесткая маска смеха, и, начиная импровизировать наудачу, без всякого плана: «А что, всю прошлую зиму он ходил на танцы с девчонкой – школьницей из Бостона. Она главный болельщик. Носит такую коротенькую юбку, что-то там изображает на футбольных матчах по субботам, и их даже в бары не пускают, потому что бармены отказываются их обслуживать» [пер. А.Е. Герасимова].

Ей почти удается убедить мужа в своей правоте, она даже начинает испытывать удовольствие от собственной лжи, так называемый «восторг надувательства» (Экман), одновременно сознавая, как это гадко. Авторские ремарки в виде автокомментирования героиней своих поступков свидетельствуют о том, как изменяется ее мышление:

Listening carefully to herself with her inner ear she sought and found the proper tone of incredulous amusement. *It's like a dive, she thought. Once you start, there is no turning back, no matter how high it suddenly seems, or how deep the water below, or how frightened you are or how much you regret having started* (Курсив наш – Т.Л.) [Shaw 1989: 104].

Внимательно прислушиваясь к себе внутренним слухом, она искала и находила нужные интонации для выражения искреннего шуточного удивления. Это как прыжок в воду, сравнила она. Начав, уже не можешь вернуться назад, как бы ни пугала высота, как бы глубоко ни было, как бы ты ни пугался, как бы ни сожалел о том, на что уже решился [пер. А.Е. Герасимова].

Почувствовав, что Оливер сдается, она пытается перейти в наступление, вооружившись иронией:

"Is that why you came up here like this?" she asked.

"Yes", said Oliver [Shaw 1989: 104].

– И поэтому ты приехал сюда так внезапно? – спросила она.

– Да, признался муж [пер. А.Е. Герасимова].

Как у всех лгущих, у нее происходит раздвоение сознания. С одной стороны, Люси старается говорить естественно и участливо, с другой стороны, испытывает иррациональное удовольствие, погружаясь все глубже и глубже в ложь:

"That long, long ride alone," said Lucy pityingly. The middle of the dive, going through the air, balancing. "Poor Oliver. Still, if that's the only way I can get you up here, I am satisfied." [Shaw 1989: 104].

– Такой далекий, далекий путь ты проехал один, – сочувствующим тоном произнесла Люси. Это была самая середина прыжка – полет, парение в воздухе. – Бедный мой Оливер. И все же, если это единственный путь заполучить тебя сюда, я довольна [пер. А.Е. Герасимова]. И вновь, комментируя свое жалкое положение лгуни, Люси сознает, как неминуемо она летит в пропасть. Прислушиваясь к своему, неожиданному для нее самой вранью, она испытывает страх, степень которого все возрастает.

Испытывая страх, стараясь балансировать на грани разрыва отношений с мужем, она буквально хватается за соломинку, за те маленькие глотки воздуха, которые помогают ей удержаться на плаву. И она произносит ложь о том, что она якобы рада приезду мужа: "... if that's the only way I can get you up here, I am satisfied."

Ложные высказывания могут принимать форму прямого отказа партнеру по коммуникации в праве на получение информации, что проявляется в категорическом нежелании начинать или продолжать разговор. Косвенный отказ характеризуется либо молчанием, либо иным способом игнорирования вопроса. Что касается потенциального отказа, то он связан с переключением внимания партнера по коммуникации с проблемной информационной зоны [Попчук 2010: 144].

Теперь обратимся к анализу трех типов ложных высказываний в вербальном и невербальном контексте.

1. Прямой отказ, в котором заявляется о невозможности выдачи запрашиваемой информации. При этом причины отказа могут объясняться или не объясняться адресату. Говорящий либо отказывается продолжить коммуникацию, либо начинает разговор о чем-то другом. С лингвистической точки зрения, такой отказ в англоязычной литературе, как правило, осуществляется с помощью модальных отрицательных конструкций типа: I'd rather not to; I'd sooner not; Let's not speak about it; Forget it и др. Рассмотрим фрагмент диалога отца и сына Хантеров из рассказа С. Моэма "The Fall of Edward Barnard" (Падение Эдварда Барнарда). Сын должен был привезти с острова Таити своего друга Эдварда в Чикаго, где его ждала невеста. Тема эта очень непростая и отец долго не решается спросить об Эдварде, но все-таки произносит:

"You haven't brought Edward Barnard back with you."

"No."

Bateman was *silent* for a moment, and his handsome sensitive *face darkened*.

"*I'd sooner not speak about him, dad*," he said at last.

"That's all right, my son. I guess your mother will be a happy woman today [Maugham 1977: 168].

– Ты вернулся без Эдварда Барнарда?

– Да.

Бейтмен *помолчал минутку*, и его *красивое тонкое лицо потемнело*.

– *Давай не будем говорить о нем, отец*, – проговорил он наконец.

– Да, конечно, сынок. Думаю, мама очень обрадуется твоему приезду [пер. наш – Т.Л].

В разговоре между отцом (адресант) и сыном (адресат) полужирным шрифтом выделен прямой *отказ* адресата говорить на предложенную тему, курсивом отмечены невербальные средства планируемого отказа. Предыдущий контекст как бы готовит читателя к тому, что ответ будет неожиданным и, скорее всего, отрицательным. Следует отметить изысканную вежливость англичан, обсуждающих серьезные проблемы подобным образом: форма выражения прямого отказа (полужирный шрифт) отличается вежливостью и деликатностью, что грамматически передается с помощью модального выражения "I'd sooner not + V", значение которого не столь резко и категорично, как, например, русское «Давай не будем об этом говорить». Сама ситуация (контекст) подсказывает способ выражения: в этой семье отлично понимают друг друга с полуслова. Доказательством этого факта является последняя реплика отца в цитируемом отрывке, в которой он извиняет сына за отказ в получении от него полноценной информации и осознает собственную бестактность.

Невербальные средства, используемые автором (выделены курсивом), свидетельствуют о том, что тема, затронутая отцом в разговоре, очень нелегка для адресата, его сострадание «погибающему», по его понятиям, другу выражено с помощью описания его изменившегося настроения (Бейтмен помедлил, его красивое, тонкое лицо омрачилось); это невербальные средства эмблематического характера (изменяется выражение лица). Кро-

ме того, выражение "at last" (наконец) передает волнение сына перед возможностью вопроса о его друге и, конечно же, нежелание отвечать на вопрос и «оттягивание» ответа.

Следующий пример прямого отказа взят из романа И. Шоу "Lucy Crown" (Люси Краун).

Oliver put his glass down and spoke very gently. "What did you say, Tony?"

"I don't want to stay here with mother and Jeff."

"Why?"

"I can't tell you."

Oliver glanced sharply at the boy. He was sitting with *his head bent, staring at his shoes, his hands plunged in his pockets, looking resentful and embarrassed* [Shaw 1989: 96–97].

Оливер поставил бокал и заговорил намеренно тихо.

– Что ты сказал, Тони?

– Не хочу быть под одной крышей с мамой и Джефом.

– Почему?

– Не скажу.

Оливер бросил на ребенка резкий неодобрительный взгляд. Тот сидел, понурился, уставившись на носки туфель, всем своим видом выражая обиду и смущение [пер. А.Е. Герасимова].

В этом акте коммуникации через вербальные средства продемонстрирован прямой отказ партнера по коммуникации в передаче правдивой информации ("I can't tell you").

Авторский комментарий (выделен курсивом) передает отчаяние, решимость и стыд ребенка, чувствующего ужас от того, что случилось (адультер матери), и беспомощность от того, что нельзя, невозможно об этом рассказать. Невербальные элементы (иллюстрации) свидетельствуют о его психофизическом состоянии: опущенная голова, руки в плену карманов; взгляд, устремленный в землю, полный обиды, замешательства и смущения.

2. Косвенный отказ партнеру по коммуникации в получении полноценной информации может осуществляться с помощью встречного вопроса, псевдонепонимания того, о ком / о чем идет речь и т.д. Необходимо добавить, что способом выражения лжи являются также полуправда или двусмысленность (В.В. Знаков), которые также реализуются в определенном вербально-невербальном контексте.

В следующем примере из романа Дж.Б. Пристли "Angel Pavement" (Улица ангела) возлюбленная Тарджиса Лина Голспи, которую он привел в театр, смотрит не на него, а бросает взгляды на какого-то парня, отчего Тарджис ужасно страдает. Он пытается выяснить с ней отношения, хотя и понимает, что делает это неловко.

At last, during the interval, he caught her smiling, yes, actually smiling, at the chap. Instantly, *he felt miserable, then angry, then miserable again.*

He could stand it no longer. "Do you know that chap there?" he asked trying to appear light and easy.

"Which one? What are you talking about?"

"Well, you keep smiling at him – I mean, that one there, the chap who's just had a permanent wave, by the look of him."

"Oh, the one who keeps looking around. He seems to think he knows me, doesn't he? He's rather attractive, as a matter of fact."

"Well, I suppose as long as you think so, it's all right, isn't it?" said Turgis *bitterly. He could feel a pain, a real pain, as bad as toothache, somewhere inside him* [Priestley 1974: 278-279].

Наконец в антракте он перехватил ее улыбку, предназначавшуюся этому незнакомому мужчине. Он сразу же почувствовал себя глубоко несчастным, потом разозлился, потом снова опечалился.

Наконец он не выдержал.

– Это ваш знакомый? – спросил он, пытаясь говорить легким и непринужденным голосом.

– Кто? О ком вы говорите?

– Вы все время улыбаетесь вон тому, высокому. Сразу видно, что он только что сделал себе перманент.

– А, тот, что все оглядывается? Он, кажется, принимает меня за какую-то свою знакомую. Красивый малый.

– Что ж, раз вы это находите, значит, так оно и есть, – сказал Тарджис с горечью. Он ощущал внутри боль, настоящую физическую боль, мучительнее зубной [пер. М. Абкиной].

В этой любовной игре ложное высказывание девушки построено на полуправде. С одной стороны, она не отрицает того факта, что какой-то юноша действительно существует и даже

своим видом показывает ей, как будто бы знает Лину. Но в то же время она уходит от прямого ответа на вопрос Тарджиса о том, действительно ли она с этим парнем переглядывалась. Ее высказывание риторично: в нем героиня использует уловки, делающие критерий истинности неприменимым из-за двусмысленности сообщения. Желая переключить внимание собеседника на другую тему, она сама задает ему вопросы и бросает как бы невзначай реплики о довольно привлекательной внешности юноши. Трудно понять, говорит ли она правду или лжет. Герой может принять ее щебетанье за чистую монету, однако его терзают сомнения.

Автор романа использует экспрессивные лингвистические средства для характеристики героини. Во-первых, она переспрашивает своего спутника о том, кого конкретно он имеет в виду, т.е. отвлекает его внимание от сути вопроса и при этом прибегает к многословию. Ее вопросы следуют один за другим, они вонзаются, словно стрелы, в тело бедного Тарджиса. Во-вторых, она и не думает о том, чтобы ответить на его вопрос, ей, вероятно, кажется, что она очень умело действует в данных обстоятельствах. Автор вкладывает в ее уста фразы, которые должны бы успокоить героя, так, она пытается рассуждать об этом юноше и о его привлекательности. Жестокость ее реплик заключается в их синтаксическом оформлении. Все они носят вопросительный характер: "question tags" (разделительные вопросы) следуют один за другим. Этот тон пытается поддержать и Тарджис, хотя понятно, каким униженным он себя чувствует. Невербальными средствами (они выделены в тексте курсивом), с помощью авторских ремарок переданы и боль, и страдание молодого человека. Автор не скупится на экспрессивные средства и стилистические приемы для доказательства этого факта. Так, он прибегает к повтору слова "miserable" и градации (приему нарастания) при описании душевного состояния Тарджиса: *he could feel a rain, a real rain* (градация), а также к стилистическому сравнению при описании этой боли: *as bad as toothache*.

Итак, можно утверждать, что ложное высказывание Лины Голспи относится к категории косвенного отказа, так как она сознательно искажает истину и осуществляет это с целью ввести собеседника в заблуждение. Кроме того, девушка задает встречный вопрос, свидетельствующий о якобы непонимании того, о ком именно идет речь: "Which one? What are you talking about?" Фак-

тически вопрос переадресован Тарджису, который, как мы поняли из этого акта коммуникации, невыносимо страдает. Это намеченная ложь. Лина явно ведет нечестную игру.

К средствам косвенного отказа относятся также такие маркеры ложных высказываний, как риторические вопросы, игнорирование реплик адресанта, молчание, недосказ и т.п.

3. Потенциальный отказ в праве на получение информации заключается в том, чтобы «не подпустить» партнера по коммуникации к проблемно информационной зоне или переключить внимание партнера с проблемной информационной зоны. «Под проблемной информационной зоной коммуниканта понимается информация, которой владеет данный коммуникант, связанная для него с чувством стыда, вины, а также с вероятностью понести наказание в случае ее сообщения партнеру по коммуникации. "Проблемность" в данном случае является относительным понятием, поскольку проблемная информационная зона коммуниканта может быть ориентирована на конкретного партнера по коммуникации и изменяться со сменой адресата» [Попчук 2006: 14].

Каковы средства реализации потенциального отказа? В результате исследования приемов речевого воздействия выделяются следующие: переключение реального или потенциального внимания собеседника с проблемной информационной зоны. Примеров потенциальных отказов в англоязычной литературе находим довольно много. Обратимся к пьесе Дж.Б. Пристли "Dangerous Corner" (Опасный поворот). В уважаемой семье Роберта и Фреды после радиопередачи по Би-Би-Си «Не будите спящую собаку» гости и хозяева решают обсудить тему правды и полуправды. Провоцирует разговор друг семьи – писательница Мисс Мокридж, которая поняла, что в семье есть тайна, которую ей хочется выведать. Муж (Роберт) готов к этому обсуждению, но его жена (Фреда) избегает говорить о том, что, по всей вероятности, составляет ее тайну.

Miss Mockridge [who obviously likes a discussion]: I'm not convinced, Miss Peel. I'm ready to welcome what you call half the truth – the facts.

ROBERT: So am I. I'm all for it.

FREDA [enigmatically]: You would be, Robert.

ROBERT: What do you mean by that, Freda?

FREDA [nonchalantly]: Anything, nothing. Let's talk about something more amusing. Who wants a drink? Drinks, Robert. And cigarettes [Priestley 1989: 14-15].

Мисс М. [которая явно хочет вызвать присутствующих на спор]: Меня вы не убедили, Мисс Пиил. Но готова приветствовать то, что вы называете полуправдой, т.е. факты.

Роберт. Я тоже. Я полностью стою за это.

Фреда (каким-то загадочным тоном). Ты так полагаешь, Роберт?

Роберт. Что ты хочешь этим сказать?

Фреда (беззаботно). Да так, ничего. Давайте поговорим о чем-нибудь веселом. Кто желает выпить? Налей же, Роберт. И предложи папиросы [пер. В. Метальникова].

Обратим внимание на то, что Фреда явно уклоняется от прямого ответа, но при этом она загадочна и притворно беззаботна. На прямой вопрос мужа о том, что она имеет в виду, Фреда отвечает загадкой, импликацию которой можно воспринять «Как хотите, так и понимайте». Здесь налицо не только неискренность, но и явное сокрытие правды. Достигается это с помощью туманной антонимической фразы "anything, nothing" и сменой темы разговора. Отказ Фреды предоставить полноценную информацию Роберту (или хотя бы какую-нибудь информацию, полуправду, например) реализуется путем переключения его внимания с проблемной информационной зоны на глупый, никчемный разговор. Таким образом, собеседница уклоняется от необходимости говорить правду. Уклончивые ответы Фреды сопровождаются невербальными элементами паралингвистического характера. Это авторские реплики "enigmatically" (загадочно) и "nonchalantly" (беззаботно, беспечно, легко), которые помогают читателю понять, насколько еще далека трагедия (самоубийство Роберта) и как уверенно чувствует себя пока Фреда. Она явно отвлекает внимание мужа на пустяки, автор прибегает в данном случае к такому явлению стилистического синтаксиса, как эллиптические предложения: "Drinks, Robert. And cigarettes." Данная парцелляция создает особый ритм, впечатление игры и веселья, т.е. всего того, что необходимо Фреде для оправдания своей неискренности. Прямолинейная, серьезная реплика-просьба Роберта "I'm all for it" контрастирует с притворно легкомысленным ответом Фреды. Ро-

берт не получил нужной ему информации и, как следует из дальнейшего течения событий, немного сбит с толку.

Если в приведенном выше примере героиня переключает внимание адресата с проблемной информационной зоны с помощью императива: "Let's talk about something more amusing" (Давайте поговорим о чем-нибудь веселом), то в следующем фрагменте этот прием звучит более решительно. В данном отрывке подруга жены Олуэн, которая знает правду, но не желает рассказать о ней, не только переключает внимание Роберта с проблемной информационной зоны, но и блокирует последующую информацию.

ROBERT: Olwen, I'm going to be rather rude, but I know you won't mind. You know you suddenly stopped telling the truth then, didn't you? You're absolutely positive that this is the box Martin showed you, just as Freda is equally positive it isn't.

OLWEN: *Well, does that matter?* [Priestley 1989: 15].

Роберт. Олуэн, я, может, буду невежлив, но уверен, вы не посетуете. Вы только что, вдруг, прекратили говорить правду и хорошо осознаете это. Вы ведь совершенно уверены, что это та коробка, которую вам показывал Мартин, точно так же, как Фреда убеждена в противном.

Олуэн. Ну, допустим, а какое это имеет значение? [пер. В. Метальникова].

Олуэн отказывает Роберту в праве на получение достоверной информации с помощью отвлекающего маневра. Фактически она отвечает вопросом на вопрос, чем провоцирует отказ от дачи правдивых сведений (выделен полужирным шрифтом). К такому приему языковой игры люди прибегают тогда, когда хотят намеренно скрыть реальную ситуацию, либо для того, чтобы не обидеть собеседника, либо для того, чтобы спасти себя от разоблачения. В данном случае задача Олуэн уйти от ответственности, притвориться ничего не знающим человеком, для которого выспрашиваемые детали якобы не имеют значения. Экстралингвистическим невербальным элементом в данном коммуникативном акте является повышение тона, которое естественно для вопросительного предложения, тем более что в него вложен и сильный эмоциональный заряд, импликатура: «А не пора ли прекратить весь этот разговор?»

В результате проведенного нами исследования на материале англоязычных художественных произведений были выявлены вербальные и невербальные признаки ложных высказываний. Комплексный анализ вербального и невербального контекстов показал, что каждому виду отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации/информации как таковой присущи специфические лингвостилистические, экстралингвистические и паралингвистические особенности.

Прямой отказ лингвистически выражается отрицательными модальными структурами и такими невербальными средствами, как молчание, повышение или понижение тона голоса, изменение мимики и жестов и стремление избежать визуального контакта.

Косвенный отказ характеризуется использованием встречных вопросов, разделительных вопросов, многословием, употреблением экспрессивной лексики, стилистическим сравнением, повторами, градацией, иронией. К невербальным средствам косвенного отказа относятся такие эмоциональные реакции, как раздражение, состояние агрессии, волнение, быстрый темп речи.

Потенциальный отказ отличается преобладанием речевых структур, переключающих внимание собеседника с проблемной информационной зоны: императив, парцелляция, антонимические фразы. Невербальными спутниками потенциального отказа являются наличие импликатур, психофизические реакции, такие как покраснение, чувство стыда и чувство вины.

Комплексный анализ невербальных средств реализации ложных высказываний различных видов с позиции лингвистики является до сих пор малоизученным аспектом и представляет интерес для дальнейших исследований в области стилистики, литературоведения, теории аргументации и лингвистической экспертологии.

1.4. Элементы вербального поведения литературного персонажа, скрывающего правду

С.А. Аншакова

1.4.1. Вербальные (речевые) маркеры обмана

Исследуя обман с точки зрения языкового выражения, мы можем увидеть все его многообразие в деталях. Вербальное поведение человека, продуцирующего ложные высказывания, облада-

ет рядом лингвистических признаков, выявление которых позволит глубже охарактеризовать явление лжи, что впоследствии может уточнить и расширить существующие классификации его видов. Рассматривая ложь с позиции прагматики, настоящее исследование¹ ставит целью изучение ложных высказываний на английском языке. В соответствии с определением, данным О.М. Попчук, ложное высказывание понимается как компонент системы средств отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации [Попчук, 2006].

Для выявления вербальных признаков обмана целесообразно обратиться к художественной литературе. Отличаясь богатой образностью, используя разнообразные стилистические приемы, стиль художественного произведения создает ситуации для актов коммуникации, описывает душевные переживания и эмоциональное состояние персонажей во время их речевого взаимодействия. Именно языковыми средствами художественное произведение погружает читателя в атмосферу своего мира и позволяет ему воспринять ложь персонажей во всей своей полноте и яркости.

Так, в ходе исследования были проанализированы следующие произведения английских писателей XIX века: социально-психологический роман «Джен Эйр» (1847) Шарлотты Бронте, философский роман «Портрет Дориана Грея» (1891) Оскара Уайлда, детективные рассказы Артура Конана Дойла «Скандал в Богемии» (1891), «Союз рыжих» (1891), «Пять апельсиновых зернышек» (1891), «Голубой карбункул» (1892), «Пестрая лента» (1892). В данных англоязычных текстах была произведена сплошная выборка диалогов, содержащих ложные высказывания или неложные высказывания с низкой степенью информативности. В результате выборки было обнаружено около пятидесяти

¹ Настоящее исследование проводилось на втором этапе Государственного контракта № П731 «Особенности функционирования лингвистических и паралингвистических средств реализации ложного высказывания как компонента системы средств отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации» (шифр «НК-158П») от 12 августа 2009 в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 «Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

диалогов, которые в дальнейшем подверглись лингвистическому анализу на предмет выявления элементов вербального поведения говорящего, использующего различные средства отказа в праве на получение полноценной информации / информации как таковой.

Как известно, к вербальным (речевым) маркерам обмана относятся уклончивые ответы, многословие и языковые оговорки. Анализ показал, что наиболее частотными являются *уклончивые ответы*, которые свидетельствуют о нежелании одного из партнеров по коммуникации дать прямой, искренний и достаточно информативный ответ. Уклончивый ответ одного из собеседников характеризуется его стремлением прекратить беседу или сменить тему разговора. Приведем пример из рассказа А.К. Дойла «Пестрая лента».

“My stepdaughter has been here. I have traced her. What has she been saying to you?”

“It is a little cold for the time of the year,” said Holmes.

“What has she been saying to you?” screamed the old man furiously.

“But I have heard that the crocuses promise well,” continued my companion imperturbably.

“Ha! You put me off, do you?” said our new visitor, taking a step forward and shaking his hunting-crop [Doyle, 1887: 218].

Этот отрывок – диалог между сыщиком Шерлоком Холмсом и его посетителем, мистером Ройлоттом. Мистер Ройлотт хочет выяснить, что именно его падчерица сказала Холмсу. Сыщик уклоняется от ответа, намеренно и демонстративно сменив тему разговора. Он говорит о погоде и цветах. Сыщик дает собеседнику понять, что ничего ему не скажет. Холмс дважды игнорирует вопрос посетителя, отказав ему в праве на получение информации, что приводит его собеседника в бешенство. Этот пример уклончивого ответа интересен тем, что у читателя создается ощущение, будто люди говорят на разных языках, будто Холмс не слышит или не понимает мистера Ройлотта. Этим также достигается юмористический эффект.

Приведем следующие два примера уклончивого ответа из рассказа А.К. Дойла «Союз Рыжих».

"As a rule," said Holmes, "the more bizarre a thing is the less mysterious it proves to be. It is your commonplace, featureless crimes which are really puzzling, just as a commonplace face is the most difficult to identify. But I must be prompt over this matter."

"What are you going to do, then?" I asked.

"To smoke," he answered. "It is quite a three pipe problem, and I beg that you won't speak to me for fifty minutes" [Doyle, 1887: 142].

На вопрос доктора Ватсона («что вы собираетесь делать?») Холмс отвечает: «курить». Из ситуации понятно, что Ватсон надеялся получить информацию относительно действий, которые предпримет Холмс для раскрытия дела. На это указывает заявление Холмса: «с этим случаем нужно покончить как можно скорее», которое заинтриговало доктора. Вместо того чтобы сказать что-то конкретное и удовлетворить любопытство Ватсона, Холмс прибегает к языковой игре. Его ответ также содержит эпитет «задача на три трубки», в котором скрыт намек на то, что ему нужно какое-то время подумать. Отрицательная форма будущего времени глагола «speak» указывает на то, что сыщик не хочет продолжать разговор и просит Ватсона не беспокоить его.

В следующем примере доктор также не получает полноценного ответа на свой вопрос («зачем вы стучали по камням мостовой»), поскольку Холмс нравоучительно пресекает попытку друга начать беседу. В своей речи Холмс использует устойчивое обращение «мой дорогой» и побуждает Ватсона обследовать улицы, что лингвистически выражено повелительным наклонением английского глагола *let*.

"Why did you beat the pavement?"

"My dear doctor, this is a time for observation, not for talk. We are spies in an enemy's country. We know something of Saxe-Coburg Square. Let us now explore the parts which lie behind it" [Doyle, 1887: 143].

Бывают случаи, когда уклончивый ответ сопровождается *многословием*. Это можно проиллюстрировать отрывком из произведения О. Уайлда «Портрет Дориана Грея»:

"But do you approve of it, Harry?" asked the painter, walking up and down the room and biting his lip. "You can't approve of it, possibly. It is some silly infatuation."

"I never approve, or disapprove, of anything now. It is an absurd attitude to take towards life. We are not sent into the world to air our moral prejudices. I never take any notice of what common people say, and I never interfere with what charming people do. If a personality fascinates me, whatever mode of expression that personality selects is absolutely delightful to me. Dorian Gray falls in love with a beautiful girl who acts Juliet, and proposes to marry her. Why not? If he wedded Messalina, he would be none the less interesting. You know I am not a champion of marriage. The real drawback to marriage is that it makes one unselfish. And unselfish people are colourless. They lack individuality. Still, there are certain temperaments that marriage makes more complex. They retain their egotism, and add to it many other egos. They are forced to have more than one life. They become more highly organized, and to be highly organized is, I should fancy, the object of man's existence. Besides, every experience is of value, and whatever one may say against marriage, it is certainly an experience. I hope that Dorian Gray will make this girl his wife, passionately adore her for six months, and then suddenly become fascinated by someone else. He would be a wonderful study" [Wilde, 1996: 61].

Данный пример – отрывок беседы между лордом Генри и художником Бэзиллом о намерении Дориана взять в жены актрису. Бэзил интересуется мнением Генри относительно решения Дориана. Генри не дает прямого ответа, его речь многословна, он пускается в рассуждения о вреде брака, эгоизме людей и цели существования человека. Лишь в конце своего монолога он касается Дориана и строит предположения о будущем его брака. Философские размышления Генри характеризуются использованием антонима, который он подбирает к слову Бэзила «одобрить», оценочной лексикой, которая не имеет прямого отношения к теме разговора: «нелепое отношение», «прекрасная личность», «бесцветные люди». В речи Генри имеет место сослагательное наклонение, использование местоимения *one* в качестве подлежащего для обозначения неопределенного лица в предложении, которое соответствует неопределенно-личному предложению в русском языке. Что касается синтаксиса, можно заметить повтор слова «никогда» и неоднократное использование условных предложений. Все эти лингвистические средства придают неопределенность ответу Генри и расплывчатость его суждению. Герой так и

не сказал Бэзилу напрямую, одобряет он решение Дориана или нет.

Языковые оговорки – это еще один речевой маркер обмана. В проанализированных текстах они встречались крайне редко. Приведем пример из произведения «Портрет Дориана Грея».

By the way, Dorian, you ran off very early last night. You left before eleven. What did you do afterwards? Did you go straight home?"

Dorian glanced at him hurriedly and frowned. "No, Harry," he said at last, "I did not get home till nearly three."

"Did you go to the club?"

*"Yes," he answered. Then he bit his lip. "No, I don't mean that. I didn't go to the club. I walked about. I forget what I did.... How inquisitive you are, Harry! You always want to know what **one** has been doing. I always want to forget what I have been doing. I came in at half-past two, **if you wish to know the exact time**. I had left my latch-key at home, and my servant had to let me in. **If you want any corroborative evidence on the subject**, you can ask him."*

Lord Henry shrugged his shoulders. "My dear fellow, as if I cared! Let us go up to the drawing-room. No sherry, thank you, Mr. Chapman. Something has happened to you, Dorian. Tell me what it is. You are not yourself tonight."

*"Don't mind me, Harry. I am irritable, and out of temper. I shall come round and see you to-morrow, or next day. Make my excuses to Lady Narborough. **I shan't go upstairs. I shall go home. I must go home**" [Wilde, 1996: 144].*

Пример содержит диалог между Гарри и Дорианом. Гарри хочет узнать, почему Дориан ушел рано накануне. Его интересует, где он был и что делал. Дориан допускает оговорку после того, как Генри спрашивает, ходил ли он в клуб. Сначала Дориан отвечает «да», потом «нет», он говорит, что прогуливался, и сразу добавляет, что не помнит. Языковая оговорка героя указывает на его состояние, он смущен и не чувствует себя комфортно. Чтобы скрыть страшную правду об убийстве Бэзила, он старается уклониться от ответа, о чем свидетельствует его восклицание («Как вы любопытны, Гарри!»), с оценкой характера собеседника. Речь Дориана содержит неопределенно-личное местоимение *one*, условные предложения, повелительное наклонение, формы будущего времени глаголов. Данные лингвистические средства

отвлекают собеседника от темы разговора, они характеризуют уклончивый ответ, цель которого скрыть правду.

В результате лингвистического анализа коммуникативных актов были выявлены морфологические, синтаксические и лексические средства отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации или информации как таковой. Далее рассмотрим каждую из перечисленных групп в отдельности.

1.4.2. Синтаксические средства отказа

В проанализированных произведениях были обнаружены следующие синтаксические маркеры обмана: повторы, синтаксическая компрессия, транспозиция (переосмысление) синтаксических конструкций, восклицательные предложения, вопросительные предложения, которые являются встречными вопросами (ответами вопросом на вопрос), повествовательные отрицательные предложения, условные предложения.

Повтор состоит в повторении звуков, слов, морфем или синтаксических структур в пределах достаточно тесного контекста. Повтор придает речи большую экспрессивность, акцентирует внимание слушающего на определенном фрагменте высказывания. Приведем пример из произведения «Портрет Дориана Грея»:

“What was your reason for refusing to exhibit my picture?”

*The painter shuddered in spite of himself. "Dorian, **if I told** you, you might like me less than you do, and you would certainly laugh at me. I could not bear your doing either of those two things. **If you wish** me never to look at your picture again, **I am content**. I have always you to look at. **If you wish** the best work I have ever done to be hidden from the world, **I am satisfied**. Your friendship is dearer to me than any fame or reputation" [Wilde, 1996: 91].*

В данном коммуникативном акте имеет место повтор синтаксической структуры условного предложения, который использует в своей речи художник Бэзил. Отвечая на вопрос Дориана, он пытается акцентировать внимание на том, что не будет смотреть на портрет, не будет претендовать на то, чтобы показать его на выставке. Художник постепенно переходит на тему дружбы, стараясь уйти от объяснения причины, по которой он не хотел экспонировать портрет раньше.

Следующий маркер обмана – это синтаксическая компрессия. Приведем несколько примеров данного явления из произведения Ш. Бронте «Джен Эйр».

“What have you been doing during my absence?”

*“**Nothing particular; teaching Adele as usual.**”*

“And getting a good deal paler than you were – as I saw at first sight. What is the matter?”

*“**Nothing at all, sir.**”*

“Did you take any cold that night you half drowned me?”

*“**Not the least.**”*

“Return to the drawing-room: you are deserting too early.”

“I am tired, sir.”

He looked at me for a minute.

“And a little depressed,” he said. “What about? Tell me.”

*“**Nothing – nothing, sir. I am not depressed.**”*

*“But I affirm that you are: so much depressed that a few more words would bring tears to your eyes – indeed, they are there now, shining and swimming; and a bead has slipped from the lash and fallen on to the flag. If I had time, and was not in mortal dread of some prating prig of a servant passing, I would know what all this means. Well, tonight I excuse you; but understand that so long as my visitors stay, I expect you to appear in the drawing-room every evening; it is my wish; don’t neglect it. Now go, and send Sophie for Adele. **Good-night, my –**” He stopped, bit his lip, and abruptly left me [Brontë, 1994: 179-180].*

Приведенный отрывок содержит диалог между мистером Рочестером и гувернантки Джен Эйр. Мистер Рочестер пытается узнать, что расстроило Джен. На его настойчивые вопросы девушка дает очень немногословные ответы. В данном случае синтаксическая компрессия выражена эллипсисом (использованием односоставных предложений). Такие предложения являются малоинформативными, их использование вызвано подавленным душевным состоянием девушки, ее сильными эмоциональными переживаниями и желанием прекратить коммуникацию. Для речи мистера Рочестера также характерна синтаксическая компрессия, а именно использование апозиопезиса. При прощании с Джен он обрывает высказывание по причине нерешительности («спокойной ночи, моя...»).

Следующий отрывок также содержит эллипсис. Беседуя с мистером Риверсом, Джен Эйр вызвать его на откровенный разговор о любящей его Розамунде. Она показывает ему портрет Розамунды и задает вопрос: «что, этот портрет похож?». Прекрасно понимая, о чем спрашивает Джен, мистер Рочестер старается скрыть свои чувства и дает уклончивые ответы, используя односоставные предложения.

“Is this portrait like?” I asked bluntly.

“Like! Like whom? I did not observe it closely.”

“You did, Mr. Rivers.”

He almost started at my sudden and strange abruptness: he looked at me astonished. “Oh, that is nothing yet,” I muttered within. “I don’t mean to be baffled by a little stiffness on your part; I’m prepared to go to considerable lengths.” I continued, “You observed it closely and distinctly; but I have no objection to your looking at it again,” and I rose and placed it in his hand.

“A well-executed picture,” he said; “very soft, clear colouring; very graceful and correct drawing.”

“Yes, yes; I know all that. But what of the resemblance? Who is it like?”

Mastering some hesitation, he answered, “Miss Oliver, I presume” [Brontë, 1994: 367].

Еще один диалог между мистером Рочестером и Джен, приведенный ниже содержит апозиопезис. Высказывание Джен относительно обедов с мистером Рочестером обрывается по причине ее нерешительности и скромности.

“Will it please you to dine with me today?” he asked, as we reentered the gates.

“No, thank you, sir.”

“And what for, ‘no, thank you?’ if one may inquire.”

“I never have dined with you, sir: and I see no reason why I should now: till—”

“Till what? You delight in half-phrases.”

“Till I can’t help it” [Brontë, 1994: 268].

Другой синтаксический маркер обмана – **транспозиция синтаксических структур**, которая представляет собой употребление синтаксических структур в несвойственных им значениях с

дополнительными коннотациями. Приведем пример из произведения «Портрет Дориана Грея».

"I thought it was you, or rather your fur coat, as you passed me. But I wasn't quite sure. Didn't you recognize me?"

"In this fog, my dear Basil? Why, I can't even recognize Grosvenor Square. I believe my house is somewhere about here, but I don't feel at all certain about it. I am sorry you are going away, as I have not seen you for ages. But I suppose you will be back soon?" [Wilde, 1996: 117]

На вопрос Бэзила: «а вы-то разве не узнали меня?», Дориан отвечает вопросом, который выполняет функцию утверждения: «в таком тумане, милый мой Бэзил?». В данном случае один из партнеров по коммуникации вынуждает своего собеседника догадаться об ответе. Используя вопрос в функции утверждения, Дориан скрыл информацию о том, что узнал Бэзила и не хотел начинать с ним беседу.

Восклицательные предложения, а также **вопросительные предложения**, которые являются встречными вопросами (ответами вопросом на вопрос) также относятся к синтаксическим маркерам ложного высказывания. Приведем два примера из произведения «Портрет Дориана Грея».

And now tell me – reach me the matches, like a good boy – thanks – what are your actual relations with Sibyl Vane?"

Dorian Gray leaped to his feet, with flushed cheeks and burning eyes.

"Harry! Sibyl Vane is sacred!" [Wilde, 1996: 43]

Данный отрывок содержит короткие восклицательные предложения, которые использует в своей речи Дориан, отвечая на вопрос Гарри: «как далеко зашли ваши отношения с Сибиллой Вэйн?». Восклицания Дориана свидетельствуют о его эмоциональном волнении, сильных чувствах, которые он переживает в этот момент. Восклицательные предложения делают его ответ уклончивым, позволяют избежать прямого ответа.

В следующем отрывке содержится встречный вопрос. Беседуя на философские темы, Гарри спрашивает у Дориана о том, какая польза человеку приобрести весь мир, если он теряет собственную душу. Дориан, не дав ответа, задает встречный вопрос:

«почему вы задаете мне такой вопрос, Гарри?». Это свидетельствует о том, что Дориан что-то скрывает.

"By the way, Dorian," he said after a pause, "what does it profit a man if he gain the whole world and lose – how does the quotation run? – his own soul?"

The music jarred, and Dorian Gray started and stared at his friend.

"Why do you ask me that, Harry?" [Wilde, 1996: 170]

Отказ в праве на получение информации очень часто формируется с помощью **повествовательных отрицательных предложений**. Приведем несколько примеров из произведений «Голубой карбункул» А.К. Дойла и «Портрет Дориана Грея» О. Уайлда.

Пример 1:

"It is straight enough. I should like to know who sold you the geese which you supplied to the Alpha."

*"Well then, **I shan't tell you.** So now!"*

"Oh, it is a matter of no importance; but I don't know why you should be so warm over such a trifle." [Doyle, 1887: 206]

Пример 2:

"Besides, I want you to tell me why I should not go in for philanthropy."

"I don't know that I shall tell you that, Mr. Gray. [Wilde, 1996: 17]

Пример 3:

"You will sit to me again?"

"Impossible!"

"You spoil my life as an artist by refusing, Dorian. No man comes across two ideal things. Few come across one."

"I can't explain it to you, Basil, but I must never sit to you again. There is something fatal about a portrait. It has a life of its own. I will come and have tea with you. That will be just as pleasant." [Wilde, 1996: 94].

Данные примеры содержат следующие повествовательные отрицательные предложения: «я не скажу вам», «не думаю, что скажу вам это», «я не могу вам этого объяснить». Такие предло-

жения представляют собой прямой отказ партнеру по коммуникации в праве на получение информации.

С целью скрыть информацию от собеседника литературные герои часто *используют условные предложения*. Приведем несколько примеров из романа «Портрет Дориана Грея».

Пример 1.

"But I certainly shall not run away, now that you have asked me to stop. You don't really mind, Basil, do you? You have often told me that you liked your sitters to have someone to chat to."

Hallward bit his lip. "If Dorian wishes it, of course you must stay. Dorian's whims are laws to everybody, except himself" [Wilde, 1996: 17].

Желая остаться и поговорить с Дорианом, Гарри задает художнику вопрос: «ты ведь не будешь возражать, Бэзил?». Бэзил уклончиво отвечает, используя условное предложение: «конечно, оставайся, если Дориан этого хочет». Так Бэзил скрывает свое отрицательное отношение к дружбе Дориана и Генри. На самом деле он хочет, чтобы Генри ушел.

Пример 2.

"Not look at my own work! You are not serious. Why shouldn't I look at it?" exclaimed Hallward, laughing.

"If you try to look at it, Basil, on my word of honour I will never speak to you again as long as I live. I am quite serious. I don't offer any explanation, and you are not to ask for any. But, remember, if you touch this screen, everything is over between us" [Wilde, 1996: 90].

Отвечая на вопрос Бэзила: «Почему я не должен смотреть на него?», Дориан ставит ему условие, в результате чего его речь звучит угрожающе. Условные предложения, которыми пользуется Дориан, имплицитно указывают на его нежелание показывать портрет, а значит, что ему есть что скрывать.

1.4.3. Морфологические средства отказа

Анализ коммуникативных актов литературных персонажей позволил выделить следующие морфологические маркеры обмана: неопределенно-личное местоимение *one* в позиции подлежащего, неопределенное местоимение *some* и его производные, наречия *so*

значением вероятности, отрицательные местоимения *nothing*, по, повелительное наклонение, формы будущего времени.

Нередко ложные высказывания характеризуются употреблением **местоимения *one*** для обозначения неопределенного лица, при этом *one* служит подлежащим. Такие предложения соответствуют неопределенно-личным предложениям в русском языке.

Следующий отрывок из произведения «Портрет Дориана Грея» содержит неопределенно-личное местоимение *one* в позиции подлежащего ***и отрицательное местоимение *nothing****.

"How serious you both are!" she cried. "What is the matter?"

"Nothing," he answered. "I suppose one must be serious sometimes. Good-bye, Mother; I will have my dinner at five o'clock. Everything is packed, except my shirts, so you need not trouble" [Wilde, 1996: 53].

Озабоченная серьезным видом своей матери и брата, Сибилла спрашивает: «в чем дело?». Брат сначала отвечает ей односложно, а затем говорит: «иной раз надо и серьезным быть». Такие морфологические средства являются признаками отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации. Они говорят о том, что брат не хочет сейчас начинать разговор о любовном увлечении сестры, он хочет скрыть то, о чем беседовали они с матерью в отсутствие Сибиллы. Чтобы прекратить разговор с Сибиллой, брат обращается к своей матери и меняет тему разговора.

Использование **неопределенного местоимения *some* и его производных**, а также **наречий со значением вероятности** указывает на нежелание говорящего дать полную информацию собеседнику. Приведем пример из произведения «Джен Эйр».

"Did you hear that loud laugh? Who is it?"

"Some of the servants, very likely," she answered: "perhaps Grace Poole" [Brontë, 1994:108].

Ответ миссис Фэйрфакс на вопрос Джен уклончив, на что указывает использование неопределенного местоимения *some* и наречий со значением вероятности *likely* и *perhaps*. Миссис Фэйрфакс скрывает от Джен присутствие сумасшедшей женщины в доме. Она намеренно предполагает, что смеялась горничная по имени Грейс Пул, что является ложью.

Следующий пример из романа «Портрет Дориана Грея» со-держит производные слова от неопределенного местоимения some.

"It is extraordinary to me, Dorian," said Hallward, "that you should have seen this in the portrait. Did you really see it?"

*"I saw **something** in it," he answered, "**something** that seemed to me very curious."*

"Well, you don't mind my looking at the thing now?"

Dorian shook his head. "You must not ask me that, Basil. I could not possibly let you stand in front of that picture." [Wilde, 1996: 93]

Беседа с Бэзиллом, Дориан не дает прямого ответа на его во-прос относительно портрета. Он говорит, что заметил в нем что-то странное.

Следующий пример уклончивого ответа из романа «Джен Эйр» содержит большое *количество глаголов в форме повели-тельного наклонения*.

"What awful event has taken place?" said she. "Speak! let us know the worst at once!"

*"But **don't pull me down or strangle me,**" he replied: for the Misses Eshton were clinging about him now; and the two dowagers, in vast white wrappers, were bearing down on him like ships in full sail.*

*"All's right! – all's right!" he cried. "It's a mere rehearsal of Much Ado about Nothing. Ladies, **keep off,** or I shall wax danger-ous."*

And dangerous he looked: his black eyes darted sparks. Calming himself by an effort, he added –

*"A servant has had the nightmare; that is all. She's an excitable, nervous person: she construed her dream into an apparition, or some-thing of that sort, no doubt; and has taken a fit with fright. Now, then, I must see you all back into your rooms; for, till the house is settled, she cannot be looked after. Gentlemen, **have the goodness to set the ladies the example.** Miss Ingram, I am sure you will not fail in evinc-ing superiority to idle terrors. Amy and Louisa, **return to your nests** like a pair of doves, as you are. Mesdames" (to the dowagers), "you will take cold to a dead certainty, if you stay in this chill gallery any longer" [Brontë, 1994: 206].*

Не желая объяснять гостям, что действительно произошло, мистер Рочестер придумывает историю. Его ложь сопровождается наставлениями и просьбами, которые выражены глаголами в форме повелительного наклонения: «не тормошите вы меня, еще задушите», «не теснитесь вокруг меня», «будьте добры, покажите дамам пример», «возвращайтесь в ваши гнездышки». В данном случае повелительное наклонение указывает на то, что говорящий хочет прекратить дальнейшее выяснение обстоятельств и закончить коммуникацию.

Формы будущего времени встречаются в высказываниях, относящихся к плану будущего времени. Часто условие искренности таких высказываний не выполняется. Приведем пример из романа «Портрет Дориана Грея».

"It was curious my not wanting to know her, wasn't it?"

"No; I don't think so."

"My dear Harry, why?"

"I will tell you some other time. Now I want to know about the girl" [Wilde, 1996: 44].

Дориан хочет знать, почему нежелание познакомиться с девушкой не кажется Гарри необычным. Гарри уходит от ответа, используя форму будущего времени: «объясню как-нибудь потом». Сказав это, он быстро меняет тему.

1.4.4. Лексические средства отказа

В ходе лингвистического анализа коммуникативных актов были обнаружены следующие лексические маркеры обмана: антонимы, лексические единицы с оценочным значением, не относящиеся или косвенно относящиеся к теме разговора (к тому, о чем хочется знать собеседнику), а также такие стилистические приемы, как: эпитеты, метафоры, ирония, которые содержат намеки и скрывают информацию.

Отрывок из романа «Портрет Дориана Грея» содержит антонимичную пару «плохой – хороший».

*"Have you really a very **bad** influence, Lord Henry? As **bad** as Basil says?"*

*"There is no such thing as a **good** influence, Mr. Gray. All influence is immoral – immoral from the scientific point of view"* [Wilde, 1996: 17–18].

Отвечая на вопрос Дориана, относительно плохого влияния на людей, лорд Генри использует антоним слова «плохой» – «хороший». Сменив акцент, он рассуждает о благотворном влиянии и тем самым не дает прямого ответа на поставленный вопрос.

Следующий отрывок из романа «Джен Эйр» содержит метафоры.

"Will Grace Poole live here still, sir?"

"Oh yes! don't trouble your head about her – put the thing out of your thoughts."

"Yet it seems to me your life is hardly secure while she stays."

"Never fear – I will take care of myself."

"Is the danger you apprehended last night gone by now, sir?"

*"I cannot vouch for that till Mason is out of England: nor even then. **To live, for me, Jane, is to stand on a crater-crust which may crack and spue fire any day.**"*

"But Mr. Mason seems a man easily led. Your influence, sir, is evidently potent with him: he will never set you at defiance or wilfully injure you."

*Oh, no! Mason will not defy me; nor, knowing it, will he hurt me – but, unintentionally, **he might in a moment, by one careless word, deprive me, if not of life, yet for ever of happiness**"* [Brontë, 1994: 215].

Джен Эйр обеспокоена тем, что мистеру Рочестеру небезопасно продолжать жить с Грейс Пул в одном доме. Вместо того, чтобы все объяснить, мистер Рочестер говорит загадками, делая свою речь метафоричной: «жить для меня, Джен, – значит стоять на тонкой коре вулкана, она каждую минуту может треснуть, и пламя вырвется наружу», «он в любую минуту может одним неосторожным словом лишит меня навеки если не жизни, то счастья». Под этими метафорами он скрывает правду о том, что держит в своем доме сумасшедшую жену, которая представляет опасность для общества.

Метафора как средство отказа партнеру по коммуникации в праве на получение информации содержится и в следующем отрывке из романа «Портрет Дориана Грея».

"You must give me some answer to these horrible charges that are made against you. If you tell me that they are absolutely untrue from beginning to end, I shall believe you. Deny them, Dorian, deny them! Can't you see what I am going through? My God! don't tell me that you are bad, and corrupt, and shameful."

Dorian Gray smiled. There was a curl of contempt in his lips. "Come upstairs, Basil," he said quietly. "I keep a diary of my life from day to day, and it never leaves the room in which it is written. I shall show it to you if you come with me" [Wilde, 1996: 122].

Бэзил призывает Дориана к тому, чтобы тот развеял слухи о его дурной славе. Вместо прямого ответа, Дориан приглашает собеседника последовать за ним и произносит метафору: «Я веду дневник, в нем отражен каждый день моей жизни. Но этот дневник я никогда не выношу из той комнаты, где он пишется». В этой метафоре имплицирована страшная правда о Дориане. Под дневником Дориан имеет в виду свой портрет, который мистическим образом претерпевает изменения и отражает ту жестокость и бесчестье, которая свойственна Дориану. Так, метафорой он завуалировал информацию, которую хотел получить Бэзил.

Ирония может быть использована в речи с целью прекратить беседу и тем самым отказать партнеру по коммуникации в праве на получение информации. Приведем пример из рассказа А.К. Дойла «Пестрая лента».

"I know you, you scoundrel! I have heard of you before. You are Holmes, the meddler."

My friend smiled.

"Holmes, the busybody!"

His smile broadened.

"Holmes, the Scotland Yard Jack-in-office!"

Holmes chuckled heartily. "Your conversation is most entertaining," said he. "When you go out close the door, for there is a decided draught" [Doyle, 1887: 218].

Сыщик Шерлок Холмс использует иронию в беседе с мистером Ройлоттом. Ройлотт ведет себя грубо и дерзко, призывая Холмса к ответу. Не получив никакой информации, Ройлотт оскорбляет собеседника. На это сыщик отвечает: «Общение с вами очень занимательно. Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит». Ирония Холмса по поводу беседы с мисте-

ром Ройлоттом, говорит о том, что посетитель ему не приятен и он желает закончить этот бессмысленный разговор.

В ходе исследования были проанализированы коммуникативные акты литературных героев с целью выявления элементов вербального поведения говорящего, использующего различные средства отказа в праве на получение полноценной информации или информации как таковой. Лингвистическому анализу подверглись случаи уклончивых ответов, многословия и языковых оговорок. В результате анализа были определены синтаксические, морфологические, и лексические маркеры ложных высказываний и неложных высказываний, передающих неполноценную информацию.

Так, к *синтаксическим маркерам* обмана относятся: повторы, синтаксическая компрессия, транспозиция синтаксических конструкций, восклицательные предложения, вопросительные предложения, которые являются встречными вопросами, повествовательные отрицательные предложения и условные предложения. *Морфологическими маркерами* обмана стали: использование неопределенно-личного местоимения *one* в позиции подлежащего, неопределенного местоимения *some* и его производных, наречий со значением вероятности, отрицательных местоимений *nothing*, *no*, повелительного наклонения и форм будущего времени. *Лексическими маркерами обмана* являются антонимы, лексические единицы с оценочным значением, не относящиеся или косвенно относящиеся к теме разговора, эпитеты, метафоры, ирония, которые скрывают информацию и содержат лишь намеки.

Перечисленные маркеры являются элементами вербального поведения говорящего при отказе партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации или информации как таковой. Они представляют собой средства формирования обмана в английских литературных произведениях XIX века.

1.5. Лингво-психологический анализ примеров лжи и обмана

С.В. Мясникова

В современном мире, ложь настолько естественна, что она давно проникла во все сферы человеческой деятельности. Каждый человек хоть раз в жизни оказывался обманутым и сам же не

раз обманывал других. Ложь существует на свете. Она в нас и вокруг нас. На это нельзя закрывать глаза. В псалме 115 Библии говорится: «Всякий человек ложь» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 624]. Другими словами, это означает, что человек есть существо, которое умеет думать, смеяться, говорить и в то же время способное лгать.

Нет никакой разницы в том, к какому социальному слою, к какой расе относится человек. Проблема лжи была актуальна ещё во времена античных философов и мудрецов и до сих пор остаётся злободневной. И зародилась она с того момента, когда на Земле появился человек. Ведь наш социум не может существовать без обмана. Как бы сильно ни изменялся мир вокруг нас, ложь была в прошлом и процветает в наши дни. Цель данной работы – проанализировать феномен лжи и обмана с точки зрения морали на материале текста Библии. Для исследования приводятся примеры, взятые как из Нового завета Библии, так и из Ветхого завета. Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи:

- 1) осуществить анализ определения лжи различными авторами;
- 2) рассмотреть категории обмана и лжи;
- 3) проанализировать такие понятия, как ложь во благо, ложь во спасение, белая ложь, добродетельный обман;
- 4) проанализировать отношение Бога ко лжи.

Как отмечают отечественные и зарубежные специалисты по исследованию лжи и обмана (Г. Крейдлин, И. Давыдова, О. Попчук, П. Экман, Д. Роу, И. Лесли и др.), человеческое общество не может жить без обмана, лгут даже маленькие дети.

Несмотря на интерес к данной проблеме и множество исследований разных авторов, нет однозначной формулы распознавания лжи, так же как нет и однозначной классификации типов лжи.

В отечественной психологии феномен лжи изучался в работах Д.И. Дубровского, в зарубежной психологии знамениты исследования Пола Экмана, Чарльза Форда, подробно описывающие все тонкости обмана. Обман и ложь для П. Экмана синонимы. Автор в книге «Психология лжи» обозначает ложь как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды [Экман, 2010: 159].

В толковом словаре В.И. Даля дается следующее определение: «Ложь – то, что солгано, слова, речи, противные истине. Лгать – врать, говорить или писать ложь, неправду, противное истине» [Даль, 1955: 241]. П.И. Юнацкевич и В.А. Кулагин в книге «Психология обмана» рассматривают ложь как средство сохранения коммуникации «в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов» [Юнацкевич, Кулагин, 2000: 51].

Психологи разграничивают такие понятия как ложь, обман, неправда. В.В.Знаков выделяет в отдельные категории: обман, ложь, неправду и вранье. Обман он относит к более изощренной форме лжи. Общим между ложью, обманом является сознательность и наличие цели. Также существуют и различия. Так, Г.В. Грачев пишет: «Существуют определенные различия в разграничении лжи и обмана. Когда мы говорим об обмане, то, прежде всего, подразумеваем процесс, действие. Что касается понятий “ложь”, “неправда”, то они прежде всего используются в качестве оценок информации не вызвавшей доверия» [Грачев, 2003: 132].

Таким образом, анализируя работы психологов можно прийти к выводу, что психологи определяют ложь, как словесный психосоциологический акт воздействия на другого человека, при помощи которого проявляется попытка внушить собеседнику информацию, не соответствующую истине. Ложь – это всегда волевое действие. В сознании человека, который говорит неправду, присутствуют истинные и ложные представления. Между ними происходит борьба, в результате которой личность, преследуя собственные цели, выбирает обман, а не правду. В своих книгах П. Экман и И.О. Вагин выделяют две основные формы лжи, такие как: *умолчание* и *искажение*.

По мнению П. Экмана, при умолчании лжец скрывает истинную информацию, но не сообщает ложной. При искажении же лжец предпринимает некие дополнительные действия – он не только скрывает правду, но и предоставляет взамен ложную информацию, выдавая ее за истинную. Зачастую только сочетание умолчания и искажения приводит к обману, но в некоторых случаях лжец может достичь успеха и просто не говоря всей правды [Экман, 2010: 159].

По мнению И.О. Вагина, большинство людей не принимают этот вид лжи за непосредственно ложь. Человек не выдаёт искажённой информации, но и не говорит реальной. Однако стоило

бы присмотреться к такому виду обмана. Например, когда врач не сообщает пациенту, что тот смертельно болен, или муж не считает нужным говорить своей жене, что обеденные часы работы он проводит в квартире её подруги. Достаточно часто, освещается только часть информации, а ненужная остаётся за кадром. Такой метод умолчания принято называть «частичным освещением или избирательной подачей материала» [Вагин, 2004: 250].

Не всякий считает умолчание ложью. Многие люди принимают за ложь только откровенное искажение действительности. Обманывающие предпочитают умолчание. Это более выгодно, т.к. смолчать легче, чем обмануть, для этого ничего не надо делать, в то время как при искажении без хорошо разработанной «легенды» всегда есть шанс оказаться уличенным. Умолчание предпочитают еще и потому, что оно менее предосудительно, чем искажение. Оно пассивно, а не активно. К тому же хотя и то и другое может в равной мере повредить жертве обмана, чувство вины, испытываемое лжецом в случае умолчания, гораздо меньше. Умолчание всегда легче оправдать в случае раскрытия правды. Обманщик может сказать, что сам ничего не знал, или забыл, или намеревался открыться позже [Экман, 2010: 159].

Анализ научной литературы показал, что проблема лжи, её феномен, является актуальным для современной науки и имеет большое практическое значение.

Ложь, обман и неправда являются как социальными, так и психологическими составляющими функционирования человека в обществе.

Как уже говорилось выше, ложь зародилась с появлением человека на Земле. Проанализируем примеры лжи на материале текста Библии. Библия – это книга, заключающая в себе богооткровенные истины о спасении человечества. Библия говорит нам не о том, как движутся небесные тела, а о том, как нам взойти на духовное небо. Вальтер Скотт писал: «Это дар Бога людям, любящим и почитающим Его Слово». Поэт Байрон отмечал: «В этой святейшей Книге – тайна всех тайн» [Архиепископ Вениамин (Пушкарь), 2006: 10]. Библия переведена на 1120 языков и диалектов. Она была написана через избранных Богом людей, называемых пророками и апостолами. В Библии 77 священных книг. 50 книг – Ветхого Завета и 26 – Нового Завета. Все книги Ветхого Завета были написаны на древнееврейском языке, а книги Нового Завета на древне-

греческом. На славянский язык Библия была переведена с греческого святыми братьями Кириллом и Мефодием. На русский язык Библию переводили и с еврейского языка – Ветхий Завет, и с греческого – Новый Завет. Закончен перевод в 1876 году и называется Синодальный перевод. Для уяснения правильного смысла Священного Писания очень важно обращаться к древним толковникам, к святым отцам, таким как св. Иоанн Златоуст и другие.

В своем произведении «Священный мусор» Людмила Улицкая много размышляет на тему веры, Библии, христианства. Так она пишет: «Откуда столько ненависти в религии любви? Как принять первородный грех – каждый раз об этом думаю, когда держу на руках новорожденного младенца: он ни в чем не виноват! Откуда у Всеблагото родится мысль испытать Авраама повелением принести в жертву, убить сына? Неужели любовь к Богу должна проходить через такие немилосердные испытания?» [Улицкая, 2014: 167]. Больше вопросов, чем ответов. Но в качестве ответа можно привести слова Владыки Вениамина. Так, он пишет в «Священной Библейской Истории», что не все в Библии предлагается для подражания. «Она (Библия) приводит нам также ужасающие примеры заблуждения и падения, по которым можно изучать психологию греха, чтобы возненавидеть его и не допускать его в своей жизни» [Архиепископ Вениамин (Пушкарь), 2006: 14].

Рассмотрим пример из Библии, где Господь заповедует Адаму не есть от древа познания добра и зла.

«И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 2]. Здесь следует изумиться необычайному человеколюбию Божию, которое открывается нам в этом кратком речении: «И заповедал», сказано. Смотри, какую честь Бог оказал человеку в самом начале. Не сказано: приказал, или повелел, но что? – «И заповедал». Как друг беседует с другом, заповедуя о чем-либо необходимом, так и Бог обращается с Адамом, как бы желая такую честь расположить его к исполнению заповедуемого им. Как бы так Бог говорил Адаму: «Я не требую от тебя чего-либо трудного и тяжкого: позволяю пользоваться всеми деревьями, и заповедаю не касаться только одного этого; но и наказание определяю большое, чтобы ты, хотя вразумляемый страхом,

соблюл данную мною тебе заповедь» [Иоанн Златоуст. Восемь слов на книгу Бытия]. Заповедь, данная Адаму, состоит из благословения, запрещения и угрозы. Благословение это: Ты имеешь все древа в раю, запрещение: Не ешь только от одного. И дан человеку путь испытания. После запрещения идет угроза. Угроза смерти за преслушание показывает, что человек естественно не был смертен, что смерть есть лишение всего, что составляло жизнь человека невинного. Человек имел жизнь духовную, когда ходил во свете лица Божия и мог возрасть во благе духовном. Бог угрожает человеку смерти не как отмщением, но как естественным следствием преслушания. В книге Л. Улицкой «Священный мусор» автор пишет: «Прочитав внимательно текст из Книги Бытия, где впервые речь идет о лжи, мы обнаруживаем, что все четверо участников описанного события вели себя далеко не безукоризненно: Бог слегка отклонился от истины, сообщив юной паре, что плодов от злоплучного дерева есть нельзя, «чтобы вам не умереть». Напрашивается предположение, что Творец не полностью предупредил их о последствиях, более того, пригрозил смертью, которая предполагала всего лишь изгнание из рая. То есть Творец покривил душой» [Улицкая, 2014: 167]. Мы не можем согласиться с позицией Л. Улицкой, которая считает, что Творец сказал неправду. В данном случае нельзя слова Творца «ибо в день, в который ты вкусишь от него смертию умрешь» понимать дословно. Более того в английском переводе это звучит не так категорично: “You are free to eat from any tree in the garden; but you must not eat from the tree of the knowledge of good and evil, for when you eat of it you will surely die” [Holy Bible. New International Version. International Bible Society, 1984: 2]. «И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь» [Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета, 1992, с.23]. Мы полагаем, что здесь имеется в виду смерть духовная, которая и наступила после грехопадения Адама и Евы. Позиция Л. Улицкой представляется нам лишенной понимания глубокого смысла изгнания из рая. Согласно святоотеческим толкованиям на Книгу Бытия «Когда днем смерти назначается самый день вкушения от древа познания, сие можно разуметь и так, что день знаменует здесь вообще время после грехопадения, или так, что в день первого грехопадения совершается смерть» [Иоанн Златоуст.

Восемь слов на книгу Бытия]. Таким образом, наступила смерть духовная, что и повлекло в конечном итоге смерть телесную. Люди перестали быть бессмертными. Далее Улицкая пишет: «Сатана, хотя и объявлен отцом лжи, сказал нечто более похожее на правду: «Не умрете. Будете, как Боги, знающие Добро и Зло» [Улицкая, 2014: 167]. Мы также не можем согласиться с данным высказыванием, т.к. в данном случае имеет место ложь, высказанная Змеем-обольстителем. Хотя он сказал: «Будете, как боги», – но сделались ли они богами? Как не сделались богами, так и не получили они тогда и знания добра и зла. Он лжец и не говорит ничего истинного. Нет в нем истины. «Не будем же приводить свидетельства врага; мы увидим из самого дела, почему оно называется древом познания добра и зла. И прежде, если угодно, рассмотрим то, что такое добро и зло? Что же такое добро? Послушание. А что такое зло? Непослушание», пишет Иоанн Златоуст в книге «Восемь слов на книгу Бытия» [Иоанн Златоуст Восемь слов на книгу Бытия]. Этот пример, как видим, не является примером лжи со стороны Бога, тем не менее, текст Библии не избежал примеров лжи и обмана, т.к. эта книга не только о Нём, но и об обычных людях, а им, как утверждается, не чужда ложь. Напротив, следующий эпизод, взятый из Ветхого Завета, об Исааке и его сыновьях, наглядное тому подтверждение.

Когда Исаак состарился и притупилось его зрение, он призвал своего старшего сына Исава и сказал взять колчан и лук и идти в поле добыть дичи для отца и приготовить кушание, и потом Исаак благословит его до своей смерти. Исааку было 137 лет. Намерение Исаака было благословить своего первенца. Еда была только приготовлением к обряду благословения. Исаак хотел ободрить и возбудить дух пищею и питием.

Ревекка, мать Иакова и Исавы слышала все и сказала Иакову, младшему сыну пойти в стадо, взять два козла, и мать приготовит пищу из них. А Иаков понесет эту пищу и обманом получит благословение. У Исавы, старшего брата руки были в волосах, а у Иакова тело гладкое и поэтому он боялся быть разоблаченным и получить проклятие от отца. Поэтому Ревекка обложила руки и гладкую шею Иакова кожей козлят. И Иаков так и сделал и пришел к отцу и добился благословения. Потом Исаак сказал Иакову: «Подойди, я ощупаю тебя, сын мой, ты ли сын мой Исав или нет?» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 27]. Иаков подошел к Исааку, отцу своему; он ощупал его, и

сказал: «Голос, голос Иакова, а руки, руки Исавовы» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 27]. И не узнал его, потому что руки его были, как руки Исава, брата его, в волосах; и благословил его. Затем пришел старший сын с ловли своей и попросил у отца благословения, но Исаак сказал: «Брат твой пришел с хитростью и взял благословление твое» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 28].

В этой речи толкователи находят тройкую ложь и осуждают Иакова. Сам Иаков называет свой поступок обманом «Может статься, ошупает меня отец мой; и я буду в глазах его обманщиком» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 27]. «What if my father touches me? I would appear to be tricking him» равно как и Исаак «Брат твой пришел с хитростью и взял благословление твое». “Your brother came deceitfully and took your blessing” [Holy Bible. New International Version, 1984: 21]. Однако Исаак не осудил Иакова, ибо не отнял хитростью похищенного благословения. Таким образом, и Ревекка, и Исаак, и Иаков участвуют в общей лжи. Это пример распланированной и преднамеренной лжи. Иаков откровенно лжет, Ревекка является подстрекательницей лжи, а Исаак (отец) только догадывается о лжи.

Следующий пример также является примером лжи и приводит к братоубийству. После изгнания из рая у Адама и Евы стали рождаться дети. Первого сына они назвали Каином, а второго Авелем. Каин занимался земледелием, а Авель пас стада. Они приносили жертву Богу: Каин – плоды земные, а Авель – лучшее животное из своего стада. Авель был добрый, он приносил жертву от чистого сердца, с любовью и верою в Спасителя. Бог принял жертву Авеля и дым от нее вознесся к небу. Каин был жестокий человек, он приносил жертву без любви и страха Божьего, и Господь не принял его жертвы. После этого Каин стал завидовать своему брату, вызвал Авеля в поле и убил его. Бог спросил Каина: «Где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 4]. “Then the Lord said to Cain, “Where is your brother Abel?” “I don’t know,” he replied. “Am I my brother’s keeper?” [Holy Bible. New International Version. International Bible Society, 1984: 3].

В этом ответе можно видеть уклончивый ответ на прямой вопрос Бога. Каин не говорит правды, лжет, и Бог знает это «Что ты сделал? Голос брата твоего вопиет ко Мне от земли». «What have

you done? Your brother's blood cries out to me from the ground" [Holy Bible. New International Version. International Bible Society, 1984: 3]. И наказывает его за братоубийство, произнося приговор: «И ныне проклят ты от земли. ... Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». "Now you are under a curse... You will be a restless wanderer on the earth" [Holy Bible, 1984: 3].

Святитель Иоанн Златоуст также отмечает, что Каин продолжает лгать и после братоубийства. Так, святитель пишет в своей книге «Восемь слов на книгу Бытия»: «Для чего и по совершении убийства, когда спрашивают тебя, негодуешь и лжешь?» [Иоанн Златоуст. Восемь слов на книгу Бытия].

Следующий пример из Библии. У Иакова было двенадцать сыновей. Из всех сыновей Иаков больше всего любил Иосифа за послушание. Братья стали завидовать Иосифу и возненавидели его. Братья также ненавидели его за сны, которые он им рассказывал, как солнце, луна и одиннадцать звезд поклонялись ему. Братья решили убить Иосифа и бросить в ров. Но один из братьев предложил бросить Иосифа в сухой колодец живьем, т.к. он все равно погибнет с голоду. В это время проезжали мимо них купцы, и они продали им Иосифа за двадцать сребреников. Затем они взяли одежду Иосифа, вымазали ее кровью теленка, принесли к отцу и сказали: «Мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда, или нет». "We found this. Examine it to see whether it is your son's robe" [Holy Bible, 1984: 30].

Иаков узнал одежду Иосифа и поверил в обман. «Это одежда сына моего; хищный зверь съел его». "It is my son's robe. Some ferocious animal has devoured him" [Holy Bible, 1984: 30]. Как зависть довела Каина до братоубийства, так и братья Иосифа, завидуя любви отца к нему, готовы были убить его. Святитель Иоанн Златоуст считает, что сыновья Иакова не заслуживают никакого снисхождения за свою жестокость к брату и за обман отца.

«Что вы, безумные, обманываете самих себя? Хотя бы и успели вы обмануть отца, но не скроетесь от того неусыпного Ока, которого более всего надлежало бы вам страшиться. Но такова природа человеческая, особенно же такова беспечность многих людей!» [Иоанн Златоуст. Восемь слов на книгу Бытия].

Следующий пример лжи взят из Нового Завета и повествует об одном из учеников Иисуса Христа, который его предал. Петр был одним из учеников Иисуса Христа и клялся ему, что он ни-

когда не предаст его. «Хотя бы надлежало мне и умереть с тобой, не отрекусь от тебя». “Even if I have to die with you, I will never disown you” [Holy Bible, 1984: 741].

Когда Иисуса Христа увели на суд, Петр сидел во дворе. Его три раза спрашивали о том, знает ли он Иисуса Христа, и он три раза отрекся от него.

«... не знаю что ты говоришь» “ I don’t know what you are talking about” “I don’t know the man” [Holy Bible, 1984: 741]. В это время запел петух и вспомнил Петр слова Спасителя: «... в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 95]. Стыд и раскаяние овладели Петром и, вышедши со двора, он горько заплакал о своем тяжком грехе лжи.

Все вышеперечисленные примеры обмана и лжи являются распланированными и преднамеренными. Они представляют собой худший порок человеческой природы и однозначно должны быть осуждены. Для дальнейшего рассуждения о лжи и обмане, необходим экскурс в другие виды обмана.

Так, существует обособленный от других видов обман, который совершается из благих побуждений человека. Д.И. Дубровский называет его «добродетельный обман». Согласно автору, при добродетельном обмане субъект искусно лжет, сообщает неточную или неверную информацию, скрывает известные ему факты, говорит полуправду, умалчивая о главном, но при этом руководствуется добрыми намерениями. Он искренне убежден, что только таким путем способен принести в данной ситуации пользу обществу, группе или отдельному человеку, что в противном случае он нанесет им ущерб. В отличие от недобродетельного обмана, используемого для реализации эгоистического интереса, этот вид обмана выражает такие интересы субъекта, которые совместимы с общечеловеческими ценностями, принципами нравственности и справедливости [Дубровский, 2010: 54].

Русский философ В.С. Соловьев также считал возможным нравственную ложь «во спасение». Она употребляется для спасения себя от неминуемой клеветы и не несет в себе негативного отношения. Следует конкретнее рассмотреть данные понятия:

- ложь во спасение;
- ложь во благо;
- белая ложь.

Каждая ложь сама по себе несет свое значение, но и в то же время сливается одна с другой.

Ложь во спасение выгодна только самому человеку, который ее произносит. Но задачи этой лжи в процессе использования являются разными. Именно цель ухода от обязанности или ответственности является ложью во спасение. Примером может быть случай, когда человек, не имея желания заниматься определенным делом, говорит, что он не может, списывая свой отказ на физическое состояние.

Белая ложь используется при разговоре с целью морального благополучия собеседника. То есть, оставаясь вежливым, без обиды и огорчения, можно произносить столь приятные для человека слова и комплименты, которые на самом деле не являются правдивыми. Данного типа ложь не рассматривается слушателем враждебно. Ведь каждый из нас желает видеть себя в лучшем свете. «Как ты хорошо выглядишь! Просто очарование!», – говорит девушка усталой, замученной, сонной подруге. Это пример белой лжи.

Ложь во благо звучит в тех случаях, когда просто необходимо ее использовать для безопасности слушателя. Эта ложь полезна лишь только для того, кому она адресована. Задача ее состоит в том, чтобы не нарушить благополучие собеседника. «Тебе этого лучше не знать!» – вот слова, характеризующие ложь во благо.

Как видим, схожесть двух видов лжи, белой лжи и лжи во благо очень похожа, разграничить их трудно. Но все-таки, посмотрев на соответствующую реакцию слушателей, можно сделать выводы. После раскрытия белой лжи у вашего собеседника появится лишь незначительное неудобство.

Ложь во благо и белая ложь направлены исключительно на собеседника, без ожидания собственной выгоды.

Тесно переплетаются также ложь во спасение и ложь во благо. Тяжело судить за ложь. Возможно, это и не ложь, а спасенье. Распознать ложь непросто. Но не только причина бывает разной, а и сама ложь не однозначна. Какой результат она принесет? Никто не в силах предугадать.

Так, картину добродетельного обмана или, как называют его некоторые священники «военной хитрости», мы видим в следующих двух примерах, взятых из Библии.

Рассмотрим пример добродетельного обмана. Господь помог Иисусу Навину ввести еврейский народ в землю обетованную. При вступлении в эту землю евреям надо было перейти реку

Иордан. Им также надо было взять город Иерихон, у которого были высокие и крепкие стены. Иисус Навин был опытным вождем и хотел получить сведения о силе гарнизона. С этой целью он послал в разведку двух воинов. Эти воины зашли в дом блудницы, которую звали Раав и спрятались там, чтобы наблюдать за городом. Раав была женщина сообразительная, она сразу догадалась, кто такие эти воины, но отказала им в гостеприимстве. Она верила, что Бог израильтян есть истинный Бог. А люди, жившие в городе и следившие за всеми подозрительными личностями, узнали об их присутствии и донесли царю. Царь послал стражу в дом Раав с целью задержать незнакомцев. Раав спрятала воинов на крыше дома в снопах льна, а посланным от царя сказала: «Точно приходили ко мне люди, но я не знала, откуда они; когда же в сумерки надлежало затворять ворота, тогда они ушли; не знаю, куда они пошли; гонитесь скорее за ними, вы догоните их» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 231]. “Yes, the men came to me, but I did not know where they had come from. At dusk, when it was time to close the city gate, the men left. I don't know which way they went. Go after them quickly. You may catch up with them” [Holy Bible, 1984: 158]. Стражи дали себя провести хитрой женщине и кинулись в погоню за «беглецами». А Раав помогла разведчикам выбраться из дома. Три дня спустя они добрались до своего лагеря и сообщили Иисусу Навину все, что узнали. В данном примере Раав, произнеся ложное высказывание, спасла жизнь воинам и тем самым помогла израильскому народу ступить на берег земли обетованной, т.е. это был добродетельный обман.

Следующий пример взят из книги Ветхого Завета о Повивальных бабках в Египте. Египетские фараоны начали бояться, что еврейский народ станет сильнее египтян и что он восстанет против них. Видя, как быстро размножается израильский народ, египетский фараон приказал убивать всех рождающихся мальчиков. Он сказал: «Когда вы будете повивать у Евреянок, то наблюдайте при родах: если будет сын, то умерщвляйте его, а если дочь, то пусть живет» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 58]. Но повивальные бабки не запятнали себя детоубийством и оставляли детей в живых, так как больше боялись Бога, чем фараона. Царь Египетский призвал повивальных бабок и сказал им: «Для чего вы делаете такое дело, что оставляете детей в живых?» Повивальные бабки сказали фа-

раону: «Еврейские женщины не так, как Египетские; они здоровы, ибо прежде нежели придет к ним повивальная бабка, они уже рожают» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 58]. Таким образом, повивальные бабки спасли жизнь многих рождающихся детей. Итак, в этих случаях описана явная ложь «Божьих» людей, причем с одобрения Господа.

Итак, существующее многообразие определений и классификаций лжи указывает на сложность данного явления. Ложь рассматривается как явление социальное, психическое и лингвистическое. Ложь повсюду и мы также находим примеры лжи в Книге Книг. Однако на ложь в Библии нужно смотреть с учетом контекста, т.к. из анализа вышеприведенных примеров видно, что не всегда ложь является распланированной и преднамеренной. Но тем не менее, очень сложно говорить о моральной стороне добродетельного обмана, ведь есть прямая Божья заповедь: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 79]. «Не крадите, не лгите и не обманывайте друг друга» [Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета, 1992: 127]

Нужно понять, зачем была дана Богом та или иная заповедь, чтобы ее правильно применять в своей жизни. В этой заповеди Бог дает наказ не лгать и не обманывать «друг друга». То есть нельзя врать в повседневной жизни окружающим тебя людям. Все заповеди даны Господом для нашего же блага. Ложь не может являться частью жизни и элементом характера человека. От нее плохо всем людям, которые живут рядом с человеком-вруном. Отсюда и заповедь, запрещающая ложь. Она означает, что ни в коем случае нельзя себя успокаивать, искать себе оправдание, называя бытовую или корыстную ложь «ложью во спасение». Господь ненавидит такую ложь и взыщет с обманщика. Лживость – это порок, разрушительно влияющий на всякую добродетель. Таким образом, есть все основания говорить об обосновании морального запрета «не лги».

Часть 2. ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ЛЖИ НА КОММУНИКАЦИЮ

2.1. Разрушающее воздействие лжи и конфликта на характер взаимоотношений между членами семьи

(на материале пьесы Т. Уильямса
«Кошка на раскалённой крыше»)

**Т.И. Леонтьева,
И.М. Ермоленко**

Семья (англ. family; нем. Familie) определяется в большинстве источников как малая группа, основанная на браке или кровном родстве, и как институт, члены которого связаны общностью быта, взаимной ответственностью и взаимопомощью. Семья рассматривается также как социальный институт, в котором существуют определённые социальные нормы, права и обязанности, регулирующие отношения между супругами, родителями и детьми [Большой словарь по социологии].

Семья является уникальным институтом, который характеризуется полифункциональностью, на это указывают авторы различных трудов по социологии, психологии семейной жизни и др. Так, наиболее важными представляются хозяйственная, репродуктивно-воспитательная, эмоциональная, ценностно-ориентационная и другие функции [Лобан 2008]. Однако в настоящее время брак чаще всего основывается на эмоциональных связях, а не на хозяйственно-материальных. Такое положение вещей можно объяснить инфантилизацией молодого населения, неспособностью брачующихся понять огромную ответственность, которую они принимают на себя, создавая семью. Вирджиния Сатир, пишет о семье как о ежедневном огромном труде, который может сравниться с работой объединившихся производств, где постоянно идёт борьба за первенство [Сатир 1993].

С этим молодым семьям трудно смириться. Напротив, усиливается тенденция создания нерегистрируемых семейных союзов, очень недолгих и столь же непрочных, отсюда увеличение числа разводов, повторных браков и новых разводов. А разводы, как считают психологи, ослабляют иммунную систему, как мужчины, так и женщины; разведённые более подвержены болезням, чем супруги, имеющие нормальную семью. Особенно от семейных конфликтов и разводов страдают дети. Дети из конфликтных семей не имеют положительного опыта сотрудничества, взаимных уступок и решений, они, как правило, обречены впоследствии на собственные неудачные браки [Сысенко 1989: 5].

По оценкам специалистов, в 80–85% семей происходят конфликты, а в остальных 15–20% возникают ссоры по различным поводам [Понятие семейного конфликта].

Понятием «конфликт» оперируют многие области знания – социология, психология, педагогика, юриспруденция, лингвистика, поскольку противоречия и столкновения возникают практически во всех сферах человеческой жизни: профессиональной, личной, бытовой. Под конфликтом (от лат. *conflictus* – столкновение) обычно понимается ситуация, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов [Щербинина 2012: 92], в результате которого одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против её интересов, предпринимает ответные действия против первого участника [Волкова 2009: 10]. Важно отметить, что конфликт предполагает наличие двух сторон и может возникнуть только на базе коммуникативного контакта.

Н.В. Гришина, описывая сегодняшнюю ситуацию, отмечает, что конфликтная проблематика актуализируется как в реалиях общественной жизни, так и в сознании общества. Она подчёркивает необходимость создания механизмов и институтов регулирования конфликтов, тем более что потребность людей в психологической помощи велика. Это создаёт новые возможности для исследовательской и практической работы в области конфликтов [Гришина 2008: 51].

Одной из самых распространённых форм конфликта является семейный конфликт, проблемами семейных конфликтов занимаются специалисты различных областей знания, включая психологов, педагогов, социологов и лингвистов. Специалисты трактуют семейный конфликт как определённые отношения между членами семьи, порождённые противоречиями её развития и функционирования как системы. Рассматриваются такие вопросы как форма, способ выражения, проявления и разрешения противоречий внутри семейного союза, изучаются конфликты между супругами, родителями, детьми и конфликты с представителями старшего поколения [Херсонский, Дворяк 1991].

Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей семейного конфликта на материале пьесы Т. Уильямса «Кошка на раскалённой крыше». В задачи исследования входит проведение лингвокультурного и лингвостилистического анализа средств выражения лжи, лицемерия, конфликта и агрессии в американской семье 60-х годов XX века. Задачей является также выявление аксиологических ценностей американской семьи, которые отражают менталитет нации.

Пьеса представляет собой психологическую драму, в которой история одной американской семьи отражает модель человеческих отношений как таковых. В качестве ведущего методологического принципа, использованного в статье, выступает междисциплинарный подход, в котором приоритетными являются литературный, лингвокультурологический, прагматический, семантико-стилистический, психолингвистический анализ диалогического дискурса. Диалогический дискурс предполагает наличие не менее двух участников: говорящего и слушающего (адресанта и адресата). Дискурс рассматривается нами в терминах Э. Бенвениста и Н.Д. Арутюновой, согласно которым речь представляет собой «социально направленное действие» [Арутюнова 1990: 136], а дискурс – как «функционирование языка в живом общении» [Бенвенист 2009: 296].

Представляется вполне естественным, что кроме лингвистических (вербальных) действий, диалогический дискурс сопровождается невербальными (жестами, мимикой) [Экман 2012: 69], что особенно наглядно выражено в драматургических произведениях, где авторские ремарки, предназначенные актёрам, помога-

ют читателю вызывать в воображении поведение героев в той или иной ситуации.

Интересно отметить, что все герои пьесы чего-то недоговаривают друг другу, они не могут найти общего языка, раскрыть душу. И результатом такого общения является либо сокрытие правды, либо явная ложь, которая становится жизненной установкой членов семейства Большого Папы Поллита. В контексте данной пьесы наблюдается «непрямота» (слово предложено А. Вежбицкой) в речи героев. Они явно самоутверждаются, отказываясь от искренности и непосредственности, проявляя американский культурно-специфический этноцентризм. А. Вежбицкая утверждает, что англоцентрические ценности американской культуры настолько индивидуальны, что каждый человек может свободно говорить всё, что ему вздумается. Общая англо-американская установка на личную независимость каждого и индивидуализм превалируют даже в семейных отношениях [Вежбицкая 2006: 213–214]. Следует отметить, что вся пьеса представляет собой конфликтную ситуацию, а все диалоги пронизаны ложью. Лейтмотивом всей пьесы можно считать диалог Большого Папы и Брика, в котором они рассуждают о фальши, пропитавшей всю их жизнь. Брик задает отцу вопрос: “Have you ever heard the word “mendacity”? You know what it means?” [Williams 2007: 71]. / «Слышал такое слово «фальшь»? Знаешь, что оно означает?» Ответ Большого Папы – это горькая исповедь о жизни, прошедшей во лжи. Этой лжи и фальши было так много, что он мог бы написать об этом целую книгу: “I could write a goddam book on it and still not cover the subject anywhere near enough!” [Williams 2007: 72]. / «Я мог бы написать об этом целую чёртову книгу и всё равно не исчерпал бы эту тему». Большой Папа даёт определение “Mendacity is one of them five-dollar words that cheap politicians throw back and forth at each other.” [Williams 2007: 71]. / «Фальшь – это одно из тех пятидолларовых словечек, которыми дешёвые политики швыряются друг в друга». Его характеристика политиков как “cheap”, а их высказываний как “five dollar words” убедительно показывает осознание того, в каком обществе они живут, того, что пронизанное ложью и фальшью общество возвращает эти отвратительные явления в его собственной семье.

В один ряд с ложью и фальшью Большой Папа ставит притворство: “Pretences! Ain’t that mendacity?” [Williams 2007: 72]. / «Притворство! Разве это не фальшь?» Большой Папа считает, что вся его жизнь – это притворство. Его отношение к жене: “I haven’t been able to stand the sight, sound, or smell of that woman for forty years now!” [Williams 2007: 72]. / «Я вот уже сорок лет одного вида, звука, голоса этой женщины не переносу!»; к старшему сыну и его семье: “Pretend to love that son of a bitch of a Gooper and his wife Mae and those five same screechers out there like parrots in a jungle?” [Williams 2007: 72]. / «Притворяться, что мне приятен мой сукин сын Гупер или его жена Мэй, да ещё пятерка их крикунов, которые верещат там, как попугаи в джунглях!»; к церкви: “Church! – it bores the Bejesus out of me but I go! – I go an’ sit there and listen to the fool preacher!” / «А церковь! Это же скука смертная, но я хожу туда! Иду и торчу там, сижу и слушаю нудную проповедь дурака священника!» Его мнение о фальши и притворстве священнослужителей поддерживается ремаркой автора пьесы, описывающей присутствующего на семейном торжестве священника (“*Suddenly Reverend Tooker appears in the gallery doors, his head slightly, playfully, fatuously cocked, with a practiced clergyman’s smile, sincere as a bird-call blown on a hunter’s whistle, the living embodiment of the pious, conventional lie*” [Williams 2007: 76] (курсив здесь и далее Т. Уильямса). / «Внезапно в дверях на галерею появляется его преподобие Тукер; он склонил голову набок, придав лицу глуповато-игривое выражение, и улыбается заученной священнической улыбкой, такой же искренней, как птичий свист, издаваемый охотничьим манком, – живое воплощение благочестивой, вежливой лжи». Достается от Большого Папы и клубам – месту общения сливок общества: “Clubs! – Elks! Masons! Rotary! – *crap!*” [Williams 2007: 72]. / «А все эти клубы? Тьфу!» Он подводит черту под всей своей жизнью: “I’ve lived with mendacity!”. / «Я всю жизнь прожил среди этой фальши!» Настоящее чувство Большой Папа испытывает только к своему сыну Брику: “You I do like for some reason, did always have some kind of real feeling for – affection – respect – yes, always... You and being a success as a planter is all I ever had any devotion to in my whole life! – and that’s the truth...” [Williams 2007: 72]. / «Вот ты мне почему-то действительно по сердцу, я всегда питал к тебе настоящее чувство... привязанность... уважение... Ты да моя чу-

десная плантация – вот и всё, чем я сколько-нибудь дорожил всю свою жизнь! Это истинная правда...». Он продолжает сентенцией “*I’ve lived with mendacity!*” «Я жил среди этой фальши!» и задает вопрос своему любимому сыну: “*Why can’t you live with it? Hell, you got to live with it, there’s nothing else to live with except mendacity, is there?*” [Williams 2007: 72]. / «Почему же не можешь ты? Черт побери, куда ведь не денешься, приходится жить фальшиво, раз кругом одна фальшь. Чем же тогда ещё жить?» Но Брик предпочитает лжи и притворству алкоголь (“*This! – Liquor...*”) [Williams 2007: 72]. / «Вот этим! Выпивкой...» Это его способ убежать от фальшивой жизни (“*I want to dodge away from it*”). / «Я хочу убежать от этого». Брик обманывает сам себя, убеждая себя и отца в том, что он пьет, чтобы заглушить в себе отвращение к атмосфере фальши и притворства, в которой живет их семья. Однако Большой Папа считает, что хотя они с сыном никогда не лгали друг другу: “...there is at least two people that never lied to each other” [Williams 2007: 74]. / «... есть по крайней мере два человека, которые никогда друг другу не лгали», оба они погрязли во лжи, а алкоголизм сына – это всего лишь попытка усыпить свою совесть. Подсознательно Брик считает себя виновным в смерти своего лучшего друга Капитана (Skipper), но старается одурманить свой мозг с помощью виски, чтобы ни о чем не думать. Главная его задача – напиться до полного бесчувствия, чтобы услышать так называемый «щелчок»: “*The click I get in my head when I’ve had enough of this stuff to make me peaceful...*” [Williams 2007: 27]. / «Щелчок у меня в голове, после которого я успокаиваюсь». Большой Папа решается высказать то, что так глубоко прячет в себе его сын: “... we have tracked down the lie with which you’re disgusted and which you are drinking to kill your disgust with, Brick. You been passing the buck. This disgust with yourself” [Williams 2007: 81]. / «... мы добрались до той лжи которая внушает тебе отвращение и отвращение к которой ты заглушаешь вином. Ты перекладываешь с больной головы на здоровую. Ведь твоё отвращение к фальши – это не что иное, как отвращение к себе», он упрекает Брика в его нежелании смотреть правде в лицо. Брик возражает отцу: “*Who can face truth? Can you?*” [Williams 2007: 81]. / «Кто может глядеть правде в лицо? Ты можешь?» И с безнадежностью подводит итог: “*Mendacity is a system that we live in. Liq-*

uor is one way out an' death's the other...." [Williams 2007: 83]. / «Фальшь – это система всей нашей жизни. Вино – один выход из неё, смерть – другой...».

Авторское коммуникативное намерение, стремление показать отрицательное отношение ко лжи определяет лексическое наполнение приведённого выше фрагмента текста словами mendacity (8), lie (6), lying (9), liars (3), to pretend and pretence (3). В скобках указано количество данных слов, использованных персонажами во время анализируемого разговора. Лексический выбор автора ярко демонстрирует деструктивное влияние лжи и конфликта на характер взаимоотношений между членами семьи, на их языковое сознание и подчёркивает трагедию личностей, живущих во лжи. Большой Папа неспокоен, он не знает, кому из двух сыновей можно было бы оставить свою землю и богатство.

Ложь в семейных отношениях освещалась нами ранее [Леонтьева 2012]. Ложь проявляется в высказываниях, которые характеризуются имплицатурой, т.е. скрытым смыслом адресанта, иногда совершенно противоположным произносимому тексту [Грайс 1985: 219-220]. Дополнительный иллюкутивный смысл выявляется в контексте конситуации [Матвеева 2010: 157]. Ложное высказывание в рамках конситуации проявляется как окказиональный косвенный речевой акт (КРА), который нарушает конвенциональный ход мысли. От получателя сообщения требуются дополнительные интерпретативные усилия, простого понимания недостаточно [Дементьев 2006: 104-105]. В предыдущих работах нами отмечалось, что сознание лгущего человека меняется, ложь оказывает деструктивное влияние на характер и мыслительную деятельность говорящего. Ложь усугубляет конфликт в семейных отношениях, а иногда приводит к непоправимым последствиям [Леонтьева 2012: 193].

Семейный конфликт, как и любой другой, имеет языковую и речевую репрезентацию [Анохина 2008: 135]. Кроме того, как указывалось выше, особую ценность приобретает анализ невербальных средств, сопровождающих реплики героев или их высказывания. К анализу привлекается также теория речеповеденческих тактик [Верещагин, Костомаров 2005: 519].

Рассмотрим пример полилога с тремя действующими лицами: двух невесток Большого Папы, Маргарет и Мэй, и Брика, мужа Маргарет.

MAE (*outside*): May I enter a moment?

MARGARET: Oh, *you!* Sure. Come in, Mae.

(*Mae enters bearing aloft the bow of a young lady's archery set.*)

MAE: Brick, is this thing yours?

MARGARET: Why, Sister Woman – that's my Diana Trophy. Won it at the intercollegiate contest on the Ole Miss campus.

MAE: It's a mighty dangerous thing to leave exposed round a house full of nawmal rid – blooded children attracted t' weapons.

MARGARET: «Nawmal rid – blooded children attracted t' weapons» ought t' be taught to keep their hands off things that don't belong to them.

MAE: Maggie, honey, if you had children of your own you'd know how funny that is. Will you please lock this up and put the key out of reach?

MARGARET: Sister Woman, nobody is plotting the destruction of your kiddies. – Brick and I still have our special archers' licence. We're goin' deer-huntin' on Moon Lake as soon as the season starts. I love to run with dogs through chilly woods, run, run, leap over obstructions-

(*She goes into the closet carrying the bow.*)

MAE: How's the injured ankle, Brick?

BRICK: Doesn't hurt. Just itches.

MAE: Oh, my! Brick – Brick, you should've been downstairs after supper! Kiddies put on a show. Polly played the piano, Buster an' Sonny drums, an' then they out the lights an' Dixie an' Trixie puhfawmed a toe dance in fairy costume with *spahklus!* Big Daddy just beamed! He just beamed!

MARGARET (*from the closet with a sharp laugh*): Oh, I bet. It breaks my heart that we missed it! [Williams 2007: 29]

Мэй (*снаружи*): Можно войти на минуточку?

Маргарет: А, это ты! Конечно. Заходи, Мэй.

(*Входит Мэй, неся перед собой на вытянутых руках женский лук.*)

Мэй: Брик, эта вещь твоя?

Маргарет: Что ты, Сестрица, это мой приз – «Трофей Дианы». Получила его как победительница межфакультетских состязаний лучников в старом добром Миссисипском университете.

Мэй: Очень опасно оставлять подобную вещь неубранной в доме, где полно нормальных, живых детей, которых тянет к оружию.

Маргарет: «Нормальным, живым детям, которых тянет к оружию» следовало внушить, что чужое трогать нельзя. Мэй. Мэгги, золотко, если бы у тебя у самой были дети, ты бы знала, как смешно то, что ты говоришь. Будь так добра, запри это и убери подальше ключ.

Маргарет: Сестрица, дорогая, никто не покушался на жизнь твоих деток. У нас с Бриком есть специальное разрешение на охоту с луком. Как только начнется охотничий сезон, мы махнем на озеро Мун – охотиться на оленей. Люблю бежать вслед за гончими, вдыхать лесную прохладу, бежать, бежать, перепрыгивать через препятствия... (*Заходит с луком в большой стенной шкаф.*)

Мэй: Как твоя щиколотка, Брик?

Брик: Не болит. Просто чешется.

Мэй: Подумать только! Брик... слушай, Брик, вы много потеряли, что не были внизу после ужина! Ребятишки устроили целое представление. Полли играла на пианино, Бастер и Сонни – на барабанах, а потом потушили свет, и Дикси с Трикси в газовых платящих исполнили танец на пуантах с бенгальскими огнями! Большой Папа прямо-таки сиял! Он так весь и светился!

Маргарет (*из шкафа, с ироническим смехом*): О, еще бы! Я безумно огорчена, что мы пропустили это зрелище!

Начнём анализ с конситуации. Отношения между двумя женщинами напряжённые, поскольку каждая преследует собственные, далеко не бескорыстные цели. Большой Папа умирает от рака, и нужно удержаться на раскалённой крыше, чтобы отхватить большую часть наследства. В приведённом фрагменте с первых мгновений ощущается негативное отношение героинь друг к другу, скрытый конфликт. Реплика Маргарет начинается с междометия (Oh) и в сочетании с обращением “*you*”, выделенным курсивом, является вербальным графическим маркером конфликта, подчёркивающим пренебрежительное отношение одной героини к другой. Мэй упрекает Маргарет за то, что та бросила без присмотра оружие – лук в доме, полном детей. В ответ Маргарет насмешливо передразнивает её (‘*Nawmal rid-blooded children attracted t’weapons*’) и переключается на рассказ о столь любимой ею охоте, полностью игнорируя все опасения Мэй. Но и Мэй не остаётся в долгу – переносит свое внимание на Брику, ей непременно надо упрекнуть их в том, что они не имеют детей. И лучшая из тактик, в её понимании, это хвастовство «talentami» своих детей, которые выступали перед Большим Папой. Речевая тактика упрёка вербализуется с помощью повторов – сначала имени Брики, а затем в рассказе о детях она повторяет дважды фразу о том, как был доволен Большой Папа (Big Daddy just beamed! Не just beamed!). Восклицательные конструкции отражают истинную невероятную экзальтацию мамы, выдающей желаемое за действительное. Всем известно, что Большой Папа терпеть не может внуков, детей своего старшего сына (см. выше его разговор с Бриком). Мэй идёт на явную ложь, а то, что она повторила фразу “just beamed” ещё больше подчёркивает её ложь. В ответ снова звучит насмешка Маргарет (Oh, I bet. It breaks my heart that we missed it!). Её фраза обогащена авторской ремаркой (*with a sharp laugh*), это невербальное средство помогает понять, насколько различны картины мира у этих дам. Маргарет не намерена сглаживать зарождающийся конфликт, напротив, она продолжает насмехаться, теперь по иному поводу. Обратимся к тексту.

MARGARET: But Mae? Why did y' give dawgs' names to all your kiddies?

MAE: *Dogs'* names?

(Margaret has made this observation as she goes to raise the bamboo blinds, since the sunset glare has diminished. In crossing she winks at Brick.)

MARGARET [*sweetly*]: Dixie, Trixie, Buster, Sonny, Polly! – Sounds like four dogs and a parrot ... animal act in a circus!

MAE: Maggie?

[Margaret turns with a smile]

Why are you so catty?

MARGARET: 'Cause I'm a cat! But why can't you take a joke, Sister Woman?

MAE: Nothin' pleases me more than a joke that's funny. You know the real names of our kiddies. [Williams 2007: 29-30]

Маргарет: Но вот чего я не пойму, Мэй, зачем ты дала всем своим деткам вместо имен собачьи клички?

Мэй: Собачьи клички?

(С этими словами она идет поднимать бамбуковые шторы, так как яркий закатный свет уже померк. По пути она подмигивает Брику.)

Маргарет (*ангельским голосом*): Дикси, Трикси, Бастер, Сонни, Полли! Звучит так, словно это четыре собачки и попугай... цирковой номер с дрессированными животными!

Мэй: Мэгги!

(Маргарет оборачивается с улыбкой на губах.)

Почему ты такая злоющая – царапаться, как кошка?

Маргарет: Потому что я кошка! А вот почему ты, Сестрица, шуток не понимаешь?

Мэй: Ошибаешься, остроумные шутки я просто обожаю. Тебе хорошо известны настоящие имена наших малышей.

Словесное манипулирование Маргарет звучит как агрессивная атака. В данном случае Мэй оказывается в невыгодной для себя ситуации, но она пытается «держать лицо» и повторяет унижительный для себя вопрос Мэгги, это чувствуется уже потому, что она правильно произносит слово “*dogs*” (невербальное графическое средство, используемое автором для привлечения внимания к ситуации). Маргарет по-прежнему насмехается, она подмигивает (невербальный маркер насмешки) Брику – (*winks*) и говорит неприятные для Мэй вещи, сравнивая её детей с дрессированными животными в цирке (*four dogs and a parrot ... animal act in a circus!*). Всё это она произносит ангельским голосом (*sweetly*) и с улыбкой (*with a smile*) – невербальные маркеры насмешки. А детей называет kiddies (детки), хотя все они для неё «бесшие уроды» (*no-neck monsters*).

Ложь и непрямота (импликация) практически всех персонажей (родственников) превращает семью в группу монстров (антигруппу), старающихся распять друг друга. Даже маленькие дети, перенимая манеру родителей, либо стреляют в неугодных им родственников: (*A little girl, Dixie, bursts into the room, wearing an Indian war bonnet and firing a cap pistol at Margaret and shouting: 'Bang, bang, bang!'*) [Williams 2007: 45]. / «В комнату врывается маленькая девочка Дикси в головном уборе индейского воина и с игрушечным пистолетом в руке; она стреляет пистонами в Маргарет и кричит: «Бах, бах, бах!» (*Dixie fires cap pistol at Margaret three times.*) / «Дикси трижды стреляет в Маргарет» из своего пистолета, чем вызывает гневный крик с инвективой со стороны Маргарет: MARGARET: *Stop, you stop that, monster! You, little no-neck monster!* [Williams 2007: 45]. / «Перестань, перестань сейчас же, уродина! Ах, ты маленькая бесшеяя уродина!», либо выкрикивает оскорбления в адрес Мэгги, не имеющей детей:

DIXIE [*with a precocious instinct for the cruellest thing*]: *You're jealous! – You're just jealous because you can't have babies!* [Williams 2007: 45]

Дикси (с преждевременно развившейся способностью уязвить побольнее) Вы завидуете! Вы завидуете, потому что не можете рожать детей!

Становится понятным, что родители обсуждают «взрослые» проблемы в присутствии детей, чем воспитывают в них агрессию. Дети, как и взрослые, вовлечены в семейные конфликты и подвергаются деструктивному влиянию лжи. Ребенок использует «взрослые» слова, автор подчеркивает с помощью курсива прилагательное “jealous”, пытаясь больнее уколоть ненавистную тетю. Стилистический повтор этого эпитета подтверждает злую злобу девочки, это настоящая фурия. Авторские ремарки способствуют пониманию нездоровой атмосферы в семье, где даже дети имеют преждевременно развитую способность унижать и оскорблять взрослых.

Американцы, в отличие от некоторых европейских наций, будучи прагматиками, признают так называемую «белую ложь», считая её безвредной [Вежбицкая]. Авторы данной статьи согласны с явлением «белой лжи», её определённой пользы. Кстати, она характерна и для русской действительности, достаточно вспомнить рассказ Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» [Толстой 1983]. В этом рассказе родственники Ивана Ильича, пытаясь

поддержать умирающего, откровенно лгут ему, говоря, что лекарства ему помогают, что он хорошо выглядит и пр.

Именно такую ложь позволяет себе в конце пьесы Маргарет, жена Брика. Зная о большой любви, даже обожании Большого Папы к своему мужу, она объявляет о том, что ждёт ребёнка. Рассмотрим конситуацию, в которой происходит это высказывание, и постараемся понять, одна ли белая ложь присутствует в нём, нет ли там лжи во спасение, собственного спасения? Нам представляется, что весть о скорой смерти Большого Папы вызвала только алчные чувства во всех, остающихся в живых, кроме его жены, которая – единственная! – восклицает: “I can’t hear it, oh! God! Oh, Brick! Brick, baby!” [Williams 2007: 104]. / «О, я не могу это слышать! Боже! О, Брик! Брик, сынок!» Обратим внимание на тот факт, что она в своём неизбывном горе разговаривает не со старшим сыном, а с Бриком, к которому питает особую любовь. И только мы, читатели, видим благодаря авторским ремаркам, что Брик уже не способен отвечать на любовные чувства с чьей-либо стороны: (*He averts his face from her sobbing kisses.*) / «Он уклоняется от её поцелуев». Маргарет, которой явно сочувствует Т. Уильямс, ведёт сложную игру, включающую ложь во спасение своего положения в семье, хотя она в какой-то мере и жалеет отца своего мужа, говоря “God, bless his soul.” [Williams 2007: 123]. / «Бог, упокой его душу».

Вновь обратимся к тексту:

MARGARET: Big Daddy, I haven’t given you my big present yet, but now I will, now’s the time for me to present it to you! I have an announcement to make!

MAE: What? What kind of announcement?

GOOPER: A sports announcement? Maggie?

MARGARET: Announcement of life beginning! A child is coming, sired by Brick, and out of Maggie the Cat! I have Brick’s child in my body, an’ that’s my birthday present to Big Daddy on this birthday! [Williams 2007: 128].

Маргарет: Большой Папа, я ещё не сделала Вам главный подарок, но сейчас пришло время и я его сделаю. У меня есть объявление!

Мей: Что ещё за объявление?!

Гупер: Наверное, спортивное?

Маргарет: У нас с Бриком будет ребёнок! Мой и Брика. Вот это и есть мой подарок Большому Папе на его день рождения!

Её ложь продолжается после этого объявления: одним из средств является уклонение от ответа на прямой вопрос Гупера назвать имя гинеколога:

GOOPER: May we know his name, please?

MARGARET: No, you may not, Mister – Prosecutin’ Attorney! [Williams 2007: 128]. / Нельзя ли узнать его имя? – Нет, нельзя господин адвокат!

Оставшись наедине с Бриком, в своей лжи она признаётся сама: “I told a lie to Big Daddy, but we can make that lie come true”, чем в конце концов добивается добрых слов от Брика: “I admire you, Maggie.” [Williams 2007: 132]. / Маргарет, я восхищен тобой!

Разрушающее влияние лжи и постоянных конфликтов в семье особенно ярко представлено автором на примере старшего сына Большого Папы – Гупера. Мы видим, как меняется манера его поведения, когда он слышит громкий, душераздирающий крик отца от боли. Он не проявляет сыновних чувств, а хладнокровно требует от своей жены принести портфель, и та мигом его предоставляет. При этом он произносит фразу специально для матери:

GOOPER: All right, Big Mama. A family crisis brings out the best and the worst in every member of it [Williams 2007: 98]. / Не волнуйтесь, Мама! В кризисной ситуации сразу ясно, кто хороший человек, а кто нет (в каждом из нас проявляются как самые лучшие, так и самые скверные качества).

Это элемент культурной обусловленности самооправдания и самоуверенности и способности всё снести на своём пути. Если следовать логике А. Вежбицкой, к этому герою применимо американское слово *self-assertion* (курсив А. Вежбицкой), подтверждающее этноцентричность героя, позиционирование своего «я» выше всего земного. Вербализуя свою картину мира и действуя невербально (портфель и вынутый из него готовый документ, так называемый «план», поскольку Большой Папа не оставил завещания), ненавистный Большому Папе Гупер проявляет лицемерие.

GOOPER: I’m askin’ for a square deal an’ by God I expect to get one. But if I don’t get one, if there’s any peculiar shenanigans goin’ on around here behind my back, well I’m not a corporation lawyer for nothin’! ... I know how to protect my own interests [Williams 2007:

121]. / Я просто требую справедливости и, видит Бог, я ее добыю. ...

В этом мини-конflikте, «милрой семейной сцене» героиня полностью утрачивает человеческие качества: сыновнюю любовь, сострадание, сочувствие, совесть.

Междисциплинарный подход к анализу диалогических и полилогических дискурсов позволяет сделать вывод о том, что ложь и конфликт в семейной жизни, отражённой Т. Уильямсом в его пьесе, к сожалению, являются повседневной жестокой реальностью. В конфликтных ситуациях героини прибегают к таким формам деструктивного вербального выражения, как инвективы, сниженная лексика, грубые оценочные обращения, заведомо ложные высказывания. Вербальная агрессия персонажей, а также их физическое (невербальное) проявление негативного отношения друг к другу разрушающе действуют на семью, самих героев и подрастающее поколение.

Аксиологические характеристики американской семьи сводятся к иждивенчеству и потере уважения и заботы к старшим членам семьи. Измены, ложь, пристрастие к спиртному не только деструктивно влияют на всех членов семьи, но и разрушают человеческие личности. Становится очевидным тот факт, что наибольшую ценность американской культуры представляют деньги.

2.2. Мотивирующие факторы лжи в семейной жизни (лингвистические и экстралингвистические средства выражения)

Т.И. Леонтьева

В последнее время представителями разных профессий, теорий и даже верований все больше высказывается мысль о том, что человек не может обходиться без лжи. Она сопровождает нашу жизнь с самого рождения и до последнего часа, хотя согласно русской традиции, в свой смертный час человек, как правило, честен перед самим собой и перед Богом. Среди вопросов, поставленных в данном исследовании, отметим такие, как: «Что заставляет человека прибегать ко лжи?» «Есть ли безобидная ложь?» «Может ли ложь привести к конфликту в семье или сломать семейные отношения?»

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, представляется необходимым рассмотреть проблемы психологического, лингвистического и экстралингвистического характера формирования ложных высказываний в ситуации семейного конфликта. Материалом исследования служат конфликтные диалоги из драмы А.П. Чехова «Иванов». Используемый в данной работе когнитивный подход позволяет формулировать новые выводы на основе психологического и лингвистического анализа высказываний конфликтующих супругов, а также изучения их невербального поведения.

В представленном материале используется комплексный анализ литературного содержания, объединяющий лингвистический, экстралингвистический и паралингвистический анализ конфликтных речевых актов, включающих ложные высказывания. Для осуществления такого анализа составлен алгоритм действий, включающий в себя литературное описание речевых актов, их вербальных и невербальных свойств. Данная методология расширяет рамки межкультурного понимания различий лингвистических и паралингвистических черт высказывания и формирования стереотипов поведения представителей различных наций в определенных ситуациях общения.

Новизна данного исследования видится в попытке рассмотрения взаимосвязи двух психологически нерелевантных стратегий человеческого поведения: конфликта и лжи, а также поведенческих моделей участников семейных ссор на примере русской художественной литературы.

Итак, обратимся к анализу литературного материала, предва- рив его некоторыми теоретическими рассуждениями о понятии конфликта и природе лжи.

В лингвистике понятие «конфликт» соотносится с понятиями «речевой конфликт» и «конфликтный коммуникативный акт» и рассматривается с позиции участников – отправителя речи (адресанта) и получателя (адресата), а также противоречий, которые существуют между ними. Речевой конфликт является, прежде всего, речевым актом, т.е. минимальной единицей речевой деятельности [Серль, 1986: 151]. Речевой конфликт – это состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в процессе которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия

вербальными и прагматическими средствами. Материальное выражение конфликтных отношений субъектов речи в акте коммуникации в виде конкретных языковых и речевых структур является отражением докоммуникативного состояния сторон. Экспликация существующих между двумя сторонами противоречий происходит чаще всего на вербальном и невербальном уровнях, поэтому актуальным становится изучение речевого поведения участников данного типа взаимодействия с точки зрения средств и способов выражения имеющихся противоречий в коммуникативной фазе развития конфликта. Результат конфликтного взаимодействия может быть различным, поэтому важным этапом является изучение последствий конфликтного взаимодействия, а именно посткоммуникативного состояния его участников [Романов, 1988: 39].

Речевой конфликт в развитии полностью отвечает понятию коммуникативного акта как двунаправленного процесса обмена речевыми актами, совершаемыми коммуникантами по принципу иллюкутивного вынуждения (Дж. Остин, Дж. Серль, Р.О. Якобсон и др.). Согласно Р. Якобсону, в понятийный аппарат включается термин «конфликтный коммуникативный акт», исследование которого строится с учетом его прагматической природы в рамках социально-ролевых и межличностных отношений и с учётом широкого социально-культурного и психологического контекста [Якобсон, 1985: 321]. Как отмечает А.А. Романов, конфликт возможно рассматривать в разных аспектах: в когнитивном, прагматическом, лингвокультурологическом [Романов, 1988: 60]. Так почему же возникает конфликт?

Конфликтный диалог является результатом различий в мировосприятии коммуникантов и определяется фактором коммуникативного диссонанса – явления, впервые описанного с психологической точки зрения социальными психологами, в частности, Леоном Фестингером. По его теории, когнитивный диссонанс, несовместимость одного элемента нашего сознания с другим элементом заставляет нас действовать тем или иным образом [Фестингер, 1999: 15-16]. Поскольку речевое общение – это тоже деятельность, а несовместимость может проявляться на межличностном уровне, можно утверждать, что когнитивный диссонанс воздействует на ход общения в целом и на выбор речевых стратегий и речевых средств [Иванова, 1999: 81].

Конфликт – парный поведенческий акт, поэтому его необходимо рассматривать с позиций двух субъектов общения. Это специфическое взаимодействие партнёров, протекающее по одному из двух возможных вариантов развития дискурса. Первый – конгруэнция – представляет собой нарастающее подтверждение взаимных ролевых ожиданий партнёров, быстрое формирование у них общей картины ситуаций и возникновение эмпатической связи друг с другом [Шибутани, 1999: 180]. Второй – конфронтация – есть, напротив, одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнёров в понимании или оценке ситуации и возникновение антипатии друг к другу. Как отмечает А.Б. Добрович, согласно конвенциональным нормам общения, чувство антипатии должно скрываться, и имеющиеся расхождения следует вербализовать в корректной форме [Добрович, 1996: 73]. В случае конфликтного общения не соблюдается ни первое, ни второе. Конфронтация происходит не просто в результате несоблюдения общающимися норм, конвенций, правил речевого поведения. Внешнее проявление конфликта обусловлено более глубокими, неречевыми факторами, которые являются источником насильственного, агрессивного поведения [Якобсон, 1985: 325].

Установка на конфликт, конфронтацию характеризует выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с использованием негативных средств стимуляции речевого взаимодействия, с доминированием роли говорящего, с сосредоточенностью на самом себе в высказывании, с нарушением коммуникативных норм поведения, с нарушением языковых норм, конвенций и правил общения [Блакар, 1987: 104].

Ложь в семейных отношениях обсуждалась нами ранее [Леонтьева, 2011: 255–267]. Было предложено определение ложного высказывания: это высказывание, намеренно передающее информацию в искаженном виде и сопровождающееся изменением мыслительной деятельности говорящего, которое, в свою очередь, приводит к изменению его невербального поведения. В статье рассматривались проблемы порождения лжи на материале англоязычной литературы. В частности анализировались случаи обмана, вызванного адюльтером. В настоящей статье высказывается предположение о том, что ложь в семье, особенно ложь, вызванная изменой одного из супругов, может привести к кон-

фликтной ситуации, результаты которой могут оказаться необратимыми и привести к непоправимой беде. Каким образом ложь усугубляет конфликт? Какие лингвистические, экстралингвистические и паралингвистические средства выражения лжи в конфликтном диалоге присущи русскому тексту? Почему же люди лгут, оправдывая себя, какие формы принимает мышление лгущего человека, страдает ли тот, кто явно обманывает и есть ли выход из этого конфликта?

Материалом исследования послужили диалоги из пьесы А.П. Чехова «Иванов», написанной им в 1887 году специально для театра А.Ф. Корша. Это была первая пьеса Чехова, поставленная на сцене. Интересно отметить, что создавал её автор как комедию, новаторскую, нетрадиционную, нарушающую каноны современной драматургии. Главный герой, по задумке автора, «обыкновеннейший человек, совсем не герой». Чехов сам признавался, что «не вывел ни одного злодея, ни одного ангела, никого не обвинил, никого не оправдал...». Однако в постановке театра Корша (премьера состоялась 19 ноября 1887 года) Чехов был разочарован игрой большинства актеров, хоть пьеса и имела «невероятный успех», по словам М.П. Чехова. Но любимый актер А.П. Чехова переехал в Петербург, и автор готовил пьесу к постановке в петербургском Александринском театре. Комедия была превращена им в драму, тоньше и глубже стали образы Иванова и Сарры. В январе 1889 г. Чехов приехал в Петербург, чтобы присутствовать на репетициях, он очень волновался, артистами был недоволен, однако вопреки его опасениям, пьеса имела большой успех [Пересыпкина, 1979: 686–688]. Итак, обратимся к тексту.

Выбранный отрывок взят из финальной картины третьего действия пьесы «Иванов», в котором конфликт вызван неверностью мужа, Николая Иванова своей жене, еврейской женщине Сарре, которая сменила религию и получила в Православии имя Анна. Жена узнает о том, что молодая девушка Саша, которой увлечен её муж, тайно навестила Иванова в их поместье. Анна требует от Николая правды об их отношениях. Разговор перерастает в конфликт, и милые образованные, чуткие, еще недавно так любившие друг друга люди нарушают все традиции и конвенции. Иванов не может сдержать нахлынувших на него эмоций и в конце разговора буквально уничтожает жену сообщением о том, что она умирает. Это настоящий удар для Анны, ведь она верила сво-

ему доктору, который всячески поддерживал её надежды на выздоровление. В целях подробного анализа отрывок разделен на три части.

В первом фрагменте взволнованная Анна, узнавшая о том, что ее муж встречается с молодой подругой прямо у них в поместье, требует от Николая ответа.

А н н а П е т р о в н а (*после паузы*). Зачем она сейчас приехала?

Пауза.

Я тебя спрашиваю: зачем она сюда приехала?

И в а н о в. Не спрашивай, Анюта...

Пауза.

Я глубоко виноват. Придумывай какое хочешь наказание, я все снесу, но... не спрашивай... Говорить я не в силах.

А н н а П е т р о в н а (*сердито*). Зачем она здесь была?

Пауза.

А, так вот ты какой! Теперь я тебя понимаю. Наконец-то я вижу, что ты за человек. Бесчестный, низкий... Помнишь, ты пришел и солгал мне, что ты меня любишь... Я поверила и оставила отца, мать, веру и пошла за тобою... Ты лгал мне о правде, о добре, о своих честных планах, я верила каждому слову...

И в а н о в. Анюта, я никогда не лгал тебе...

А н н а П е т р о в н а. Жила я с тобою пять лет, томилась и болела, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты был моим кумиром... И что же? Все это время ты обманывал меня самым наглым образом...

Как отмечалось выше, конфликтный коммуникативный акт имеет докоммуникативное состояние сторон. И данный конфликт начался не в момент обмена репликами, а готовился давно: муж, неспособный зарабатывать деньги, недовольный и собой, и жизнью, и своей супругой, ищет способа хоть как-то прожить, не страдая материально. Его жена все вечера остается одна, так как Иванов уезжает каждый вечер к Лебедевым, неловко объясняя Сарре причину своих отъездов необходимостью отсрочить выплату долга. Психологическое состояние героев плачевно: Сарра больна и неинтересна мужу, а он не может выйти из долгов. Ситуация усугубляется тем, что у Лебедевых юная дочь Саша, которая очень увлечена Ивановым, а он слабо противится этой неожиданной любви.

Развитием конфликта можно считать уже первый фрагмент, в котором явно просматривается различие в мировосприятии коммуникантов. Конфликтность начальной реплики Сарры, в которой слышится недовольство и раздражение, передается такими лингвистическими средствами, как повтор предложения «Зачем она *сейчас сюда приехала?*», причем повтор не полный, а с варьированием лексики «Зачем она *здесь была?*» и параллельными конструкциями, цель которых подчеркнуть настойчивость героини. Напряжение усиливается с помощью угрозы, скрытой во фразе: «*Я тебя спрашиваю: зачем она сюда приехала?*» Ответы Иванова на эти вопросы изобилуют императивными конструкциями с отрицанием «не»: *не спрашивай*. В своем директивном акте просьбы адресант откровенно отказывает собеседнице в праве на получение правдивой информации, да и вообще информации как таковой. Этот прямой отказ свидетельствует о его неготовности говорить с женой на такую щепетильную для него тему, что лингвистически передается апофеозом, используемым после каждой его фразы и внутри его реплик. Паузация является экстралингвистическим приемом [Крейдлин, 2002: 2], и в этом разговоре передает нерешительность и хезитацию героя. В начале диалога Иванов надеется на мирный исход разговора, избегая диалога-конфронтации, об этом, в частности, свидетельствует его ласковое обращение к жене с помощью имени «*Анюта*», признание собственной вины «*Я глубоко виноват*», императивы «*Придумывай*, какое хочешь наказание», покорность «*я все снесу*», повтор просьбы «*Не спрашивай...*». Чувствуется, что он флегматик, обращен внутрь себя и закрыт от собеседника. Он пока еще спокоен, пытается уйти от ответа путем обращения внимания на свое бессилие «*говорить я не в силах*». Однако уход от ответа, утаивание правды тоже является формой лжи, так как адресант остается в неведении. Вспомним, что П. Экман различает две основные формы лжи: молчание и искажение [Экман, 2012: 21].

Реакция Анны – натиск. Она повторяет свой вопрос о причине прихода Саши уже в третий раз, но в ответ молчание. Ее страдание выливается в поток упреков, их повышенная эмоциональность становится ясной благодаря восклицанию «А, вот ты какой!», и которая насыщает ее высказывание сарказмом. Авторский комментарий «*сердито*» является паралингвистическим средством, говорящим о ее повышенной возбудимости в данный

момент. Она усугубляет конфликт тем, что называет Николая *бесчестным, низким* человеком, автор вкладывает в ее уста слова с такой негативной оценочной коннотацией, что даже спокойному, флегматичному мужу становится не по себе. Правда, которую он слышит о себе, об Анне, о ее жертвенности и особенно ее обвинение его во лжи, повергает его в шок. Не особенно задумываясь о том, хорошо или плохо он относился к жене, он пытается оправдаться и здесь реплика «*Анюта, я никогда не лгал тебе...*» производит на Анну совершенно противоположный эффект. Теперь она уже не сомневается, что он как раз лгал, об этом свидетельствует синонимичный повтор «обманывал», усиленный оскорбительным для него перенесенным эпитетом «наглый». Чередой речевых актов, создаваемых коммуникантами, не выполняется своего предназначения, и это то, что Б.Ю. Городецкий называет коммуникативной неудачей [Городецкий 1989: 64].

Рассмотрим второй фрагмент диалога.

И в а н о в. Анюта, не говори неправды. Я ошибался, да, но не солгал ни разу в жизни... В этом ты не смеешь попрекнуть меня...

А н н а П е т р о в н а. Теперь все понятно... Женился ты на мне и думал, что отец и мать простят меня, дадут мне денег... Ты это думал...

И в а н о в. О боже мой! Анюта, испытывать так терпение... (Плачет.)

А н н а П е т р о в н а. Молчи! Когда увидел, что денег нет, повел новую игру... Теперь я все помню и понимаю. (Плачет) Ты никогда не любил меня и не был мне верен... Никогда!

И в а н о в. Сарра, это ложь!... Говори, что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

А н н а П е т р о в н а. Бесчестный, низкий человек... Ты должен Лебедеву и теперь, чтобы увильнуть от долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как меня. Разве не правда?

И в а н о в (задыхаясь). Замолчи, ради бога! Я за себя не ручаюсь... Меня душит гнев, и я...я могу оскорбить тебя...

При продолжении разговора чувства героев накаляются, хотя Иванов предпринимает еще одну попытку оправдаться перед женой. Его попытки как-то помириться с ней опять сводятся к при-

знанию малой вины и замалчиванию главной – измены. Лингвистически его реплика *«не говори неправды»* выражена с помощью двух отрицаний, это частый прием в конфликтных ситуациях. Автор поддерживает его целой серией отрицаний: *«не солгал»*, *«ни разу в жизни»*, *«ты не смеешь»*. Накопление отрицания в речи персонажа свидетельствует о взволнованности, даже гнев Николая, им движет и чувство вины, и боязнь быть разоблаченным, и нежелание соглашаться с женой, чувствующей его ложь. Но в данном речевом контексте это многословие не помогает, для Анны оно является подтверждением его вины. Чувствуя, что она больше не любима, она воспринимает каждое его слово, как намеренную ложь и уже не может адекватно воспринимать Николая. Ее сознание давно уже изменилось, в данный момент она просто выливает на него все обиды, которые формировались в докоммуникативный период. Реплика *«Теперь все понятно»* является непосредственным продолжением саркастического замечания *«А, вот ты какой!»* и повтором фразы, произнесенной ранее. Ее гнев выражается с помощью таких вербальных средств, как оскорбительные слова *«бесчестный, низкий человек»*, прямого обвинения в его заинтересованности в деньгах при женитьбе, в повторении слова *«никогда»*, подчеркивающего отсутствие любви и надежды. Николая же особенно задело обвинение в том, что он жаждал денег, показателем этой обиды служит его обращение к Богу и страх за свою несдержанность: *«О боже мой! Анюта, испытывать так мое терпение...»*. Автор поддерживает вербальные маркеры его психофизиологического состояния на тот момент невербальным экстралингвистическим приемом, а именно сценической ремаркой *«Плачет»*. Эта поза является признаком беспомощности и безнадежности Иванова что-то изменить, потому что он действительно виноват, хотя и не хочет признавать этого.

Нарастание напряжения передается гневным императивом Анны *«Молчи!»*, использованием идиомы, оскорбительного для Иванова характера *«Повел новую игру»*, кумуляцией негативных структур *«Ты никогда не любил меня и не был мне верен... Никогда!..»* Эффект несоответствия моделей мира, взглядов на брак *«Ты был моим кумиром»*, с одной стороны, и *«Ты ... не был мне верен»*, с другой, приводит к провалу коммуникации. Психофизиологическое состояние Анны на данный момент также переда-

ется А.П. Чеховым как отчаянно безнадежное, что становится ясно из его невербальной ремарки «*Плачет*». Поскольку она плачет от гнева и безысходности, происходит изменение тона ее голоса, в нем проявляются эмоции, вызванные гневом, а в таком случае высота голоса возрастает (Экман 2012: 79), и этот экстралингвистический фактор выдает ее полное отчаяние.

Именно в этот момент Николай Иванов меняет стратегию поведения: теплое имя «*Анюта*» он заменяет официальным «*Сарра*» и переходит в наступление, теперь уже он обвиняет Сарру во лжи. Его возмущение очевидно из эмоционального крика «*Сарра, это ложь!*» и повторением слова «ложь» в конце реплики «... *не оскорбляй меня ложью...*». Налицо нарушение одной из максим кооперативного общения, а именно *качества*, т.е. сообщения правдивой и аргументированной информации (Мильруд 2005: 24).

Конфликт продолжается повторением оскорбительных эпитетов по отношению к Иванову «*Бесчестный, низкий человек...*» и прямым обвинением его в неверности. Лингвистически это передается унижительной для Николая идиомой «*увильнуть от долга*», Анна явно удерживает коммуникативную инициативу в этом диалоге и не церемонится с выражениями. Но главное ее обвинение «...*хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как меня*» звучит как приговор, и Иванов взрывается. Вербальное подтверждение его ярости становится явным из весьма экспрессивного императива «*Замолчи, ради бога!*» и из явного намека на то, что он может сорваться и наговорить лишнего. Он сам выражает свое психофизиологическое состояние: «*Я за себя не ручаюсь... Меня душит гнев, и я... я могу оскорбить тебя...*». Эмоциональное выражение «душит гнев» и заикание «я... я» свидетельствуют о его неуправляемости и о возможности несчастья. Невербальный компонент «задыхаясь» помогает вообразить силу его возмущения, мы становимся свидетелями разных пресуппозиций, оттого герои и не могут найти общего языка. Иванов явно не признает своей вины, в то время как Анна в ней уверена. Он не может контролировать свои чувства, и трагический конец уже близок. Герой пьесы нарушает принцип кооперации, а ведь согласно этому принципу, говорящий выражает именно то, что он хочет сказать и тогда он будет понят другим

коммуникантом. Конфликт нарастает и, наверное, скоро достигнет апогея.

Посмотрим, верна ли наша догадка.

А н н а П е т р о в н а. Всегда ты нагло обманывал, и не меня одну... Все бесчестные поступки сваливал ты на Боркина, но теперь я знаю – чьи они...

И в а н о в. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня с языка сорвется слово! Меня так и подмывает сказать тебе, что-нибудь ужасное, оскорбительное... (*Кричит.*) Замолчи, жидовка!...

А н н а П е т р о в н а. Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...

И в а н о в. Так ты не замолчишь? (*Борется с собою.*) Ради бога...

А н н а П е т р о в н а. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

И в а н о в. Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...

Пауза.

А н н а П е т р о в н а (*садится, упавшим голосом*). Когда он сказал?

Пауза.

И в а н о в (*хватая себя за голову*). Как я виноват! Боже, как я виноват! (*Рыдает.*)

З а н а в е с

В этом, последнем эпизоде Анна вновь использует когнитивную среду «во зло» и не дает Николаю уйти от разговора естественным путем. Автор вновь прибегает к штампу «*нагло обманывал*» и повторению фразы о его бесчестности «*Бесчестные поступки*». Использование отрицательной приставки «*бес*» к слову «*честный*» звучит как приговор и окончательное мнение Анны.

В этом речевом конфликте каждый сознательно и активно действует в ущерб другому, эксплицируя свои действия вербальными, а также экстралингвистическими и паралингвистическими средствами. В этом эпизоде языковые элементы иллюстрируют такую высокую степень напряженности между персонажами, что она приводит к трагическому концу. Лингвистические (вербальные) средства, используемые автором, это высокоэмоциональные слова, которые превращают конфликт в скандал. Следует назвать повторяемые Ивановым императивы: «*Сарра, замолчи, уйди*»,

«Замолчи, жидовка!». Женщина вынуждена кричать от ужаса, так как муж позволяет себе осыпать ее неподобающими словами, оскорблять ее. Так, слово «жидовка» звучит не просто оскорбительно, оно жестоко по отношению к той, которая отказалась от иудейской веры ради любви, тем самым доказав свою любовь к нему. Кроме того, переход от нежного имени «Анюта» на грубое (в данной ситуации, именно в силу перехода) «Сарра» также является выпадом против ни в чем не повинной жертвы. Она выражает активный протест против приказов мужа замолчать, остановиться, уйти и отвечает с вызовом и ненавистью **«Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...»**. Эмоциональный накал этой реплики заставляет героя бороться с собой, но не совладав со своими чувствами, он объявляет жене, что она умирает.

Отчаяние ситуации становится понятным благодаря невербальным маркерам, раскрывающим психическое состояние коммуникантов, а также экстралингвистическими средствами, которыми автор характеризует их голоса. После реплики мужа **«Так знай же, что ты ... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь ...»**. Наступает ужасная пауза, после которой Анна Петровна **«садится»** и задает вопрос **«упавшим голосом»**. Упавший голос свидетельствует об изменении не только голоса, но и о реальном упадке душевных сил, о настоящем страдании Анны. О психофизиологическом состоянии Иванова говорит такой паралингвистический маркер, как **«хватает себя за голову»**, все тело Николая начинает страдать, как только он сказал жестокую правду своей жене. Это – знаковое телодвижение, иллюстративный жест [Крейдлин 2011: 81], он выражает преувеличенную, «вселенскую скорбь». Думается, что в этом паралингвистическом жесте и в последующем рыдании Иванова, которым завершается Третье Действие пьесы, проявляется загадочность русской души. Никакого восторга наш герой не испытывает от этой правды, и то, с какими мучениями он к ней шел, и как сейчас себя чувствует, показывает, что он искренне раскаивается. Вообще чувство раскаяния и отчаяния после совершения греха характерно для русского человека и поныне. Мы не можем не заметить противоречие в характере Иванова: с одной стороны, у него есть желание унижить и морально уничтожить человека, что он фактически и

делает, а, с другой, у него тут же начинает развиваться комплекс вины и уколы совести.

Читатель становится свидетелем того, как в процессе речевого конфликта меняется способ мышления Иванова. Будучи аристократом, высокообразованным и хорошо воспитанным человеком, он забывает и о манерах и этике в момент неконтролируемой ярости. Разве мог он повести себя так, если бы были другие условия? Подтверждается тезис А.Р. Лурии об изменении мышления человека лгущего или скрывающего правду [Лурия 1927: 12].

Тем не менее, автору данного исследования последняя сцена представляется как моральное падение Иванова. Всеми вербальными и невербальными средствами А.П. Чехов подводит нас к осознанию «греха» своего героя, который он (герой), кстати, мгновенно осознает сам. И хотя А.П. Чехов писал, что ни злодеев, ни ангелов в его пьесе нет, с позиции человека XXI века Иванов действует в этой сцене, как злодей. Такое мнение может объясняться тем, что прошло почти полтора века с момента написания пьесы, а в каждом времени с накоплением объема пониманий рождаются новые конвенции и представления.

В заключение подведем итог сказанному выше. Во-первых, можно сделать вывод о том, что конфликт в семье между мужем и женой рождается по причине супружеской измены одного из супругов. Именно это обстоятельство и считается докоммуникативной фазой развития конфликта и конфликтного речевого акта. Прагматический анализ показывает, что в процессе речевого конфликта нарушается речевой этикет, забываются формулы общения, предписываемые обществом для установления речевого контакта между коммуникантами. Во-вторых, нарушается функционально-семантическое поле единиц доброжелательного, и вежливого общения, диалог ссорящихся супругов превращается в открытую конфронтацию. Интересно отметить, что в России того времени, когда была написана пьеса, положение женщины было зависимо, и подобные конфликты заканчивались трагически. Тот, кто повинен в трагедии, испытывал настоящий шок и не справлялся с переживаниями своей вины. Ложь в семье усиливает напряженность и ведет к разрыву связей, к потере доверия, к разрушению жизни.

Интегральный подход к исследованию лингвистических, экстралингвистических и паралингвистических средств поведения

конфликтующих супругов в коммуникативном акте позволяет выделить целую гамму вербальных и невербальных средств. Вербальные: на морфологическом уровне – отрицательные приставки; на лексическом и фразеологическом уровнях – слова с негативной стилистической окраской и выражения с отрицательной коннотацией; на синтаксическом уровне – отрицательные структуры, императивы, повторы, недосказы. К невербальным маркерам можно отнести следующие паралингвистические средства: выразительные жесты и позы, психофизиологическое состояние борьбы человека с самим собой, злобу, ярость; экстралингвистическими маркерами, найденными в результате проведенного анализа, являются изменение тона голоса, заикание, паузация, плач, крик, шепот.

2.3. Дискурсивное воплощение инвективной личности в современных англоязычных романах

О.Н. Гнезdecko

В данном разделе раскрываются ключевые для инвективного персонажного дискурса механизмы манипулятивного воздействия на собеседника. Они определяют особенности динамики конфликтного речевого взаимодействия, устанавливают основной репертуар стратегий и тактик построения инвективного типа дискурса, включая типичный для них арсенал коммуникативных средств. *Материалом анализа* выбраны англоязычные художественные произведения современного американского писателя Стивена Кинга, своеобразие романов которого связано с мастерством автора раскрывать психологическое состояние героев. Последние страдают от унижения в ситуациях конфликтного взаимодействия. Приближенные к обстоятельствам реальной действительности эмоционально окрашенные сегменты конфликтных ситуаций отображают реальное спонтанное общение.

Формирование *исследуемого корпуса* осуществлялось путём сплошной выборки дискурсивных фрагментов из англоязычных произведений Стивена Кинга. Они отвечают критериям конфликтного взаимодействия: противоречие, шантаж, манипулирование, гнобление, выражение недовольства и неповиновения, ультиматум и пр.

В фокусе внимания ученых – разные аспекты проявления деятельности языковой личности в конфликте: бытовом, официально-деловом, политическом или любом другом. По проблематике конфликтного общения был проведен ряд исследований в сфере менеджмента [Экман; Карнеги 2009; Кови 1990; Трамп 2010]. На книжном рынке существует много предложений для желающих овладеть навыками успешной коммуникации и сформировать умения контролировать собственные эмоции. Между тем, нельзя утверждать, что эти труды содержат объективную информацию, поскольку опираются исключительно на жизненный опыт авторов и их размышления, а следовательно, не представляется возможным рассматривать достижения этих авторов как научный факт. На основе изучения общенаучной и специализированной литературы методологической базой исследования служит *когнитивно-дискурсивная парадигма* языкознания. Предметом её исследования является вербальное общение в единстве деятельностного и результативного начал – целенаправленного, мотивированного явления в социокультурном контексте.

Дискурсивное поведение языковой личности в конфликте детально рассматривалось в аспекте изучения фаз его развития [Эдмондсон 1981; Загер 1981; Х. Хене 1982; Форманова 2013; Черненко 2008], типологии построения преодоления коммуникативных неудач [Ермакова, Земская 1993], гармонизации общения [Третьякова 2003]) как вербальными, так и невербальными средствами поведения в разных типах дискурса [ВБиркенбил 1997; Кашкин 2000; Потапенко 1998; Серякова [2009; 2012; 2011; 2009].

На современном этапе развития лингвистики сформировалась новая область – лингвоперсонология [Нерознак 1996], – предметом изучения которой является взаимосвязь *эмоций, когниций и прагматических намерений* дискурсивного поведения человека. Целью изучения такой взаимосвязи в художественных произведениях является диагностирование и портретирование определённых типов языковых личностей через выявление закономерностей взаимодействия их вербального и невербального поведения.

В современной науке существуют многочисленные классификации языковых личностей, в основе которых лежат разные критерии, в том числе, по типу доминантной установки [Норакидзе 1975; Узнадзе 2001], дискурса [Карасик 2002; 2007; Сухих 2004],

коммуникативного стиля [Гембел 1997; Серякова 2011; 2012; Солощук 2009]. С учётом критерия *эмоционального поведения* индивида в ситуации конфликта К.Ф.Седов [2007: 57], О.Н.Гнездечко [2007: 41] выделяет *куртуазный, рационально-эвристичный, инвективный* типы языковой личности (см. рис. 1.1):

Рис. 1.1. Типы языковой личности

Для первого типа характерна прямая вербальная агрессия, для второго – эмоция обиды и тяготения к этикетности, для третьего – здравый смысл и ирония. Разнообразие языковых форм, используемых в состоянии конфликта, сводятся к трём типам речевых стратегий: *инвективному, куртуазному, рационально-эвристичному* [Горелов, Седов1997: 130].

Инвективная языковая личность является *инвектором* в терминах О.В.Саржиной [2002: 231-232] и характеризуется прагматическим намерением доминировать над партнером по коммуникации (*инвектумом*), что позволяет инвектору повысить свой статус. Вербальные и невербальные средства (*инвективы*) с семой унижения маркируют речевые тактики, провоцирующие конфликтное взаимодействие. Таким образом, *инвективное поведение* говорящего – явление социальной и коммуникативной дискредитации инвектума посредством конфронтационного дискурса (*инвектора*). Инвективным личностям свойственна категоричность, склонность к нарушению принципа кооперации, следовательно, они тяготеют к конфликтности. Коммуникативный конфликт несёт в себе реализацию эмоциональной разрядки [ibid], снятие напряжения, эффект которого подобен *катарсису*. Этот термин древние греки трактовали как психолингвистическое очищение, которое приносит облегчение. Прибегая к *инвективной стратегии*, языковая личность разряжается при помощи прямой вербальной и/или невербальной агрессии, например:

(1) *"The local economy sucks!" Roger exclaimed violently, and set his pilsner glass down with a bang* (Cujo, p. 23).

Роджер демонстрирует инвективную стратегию поведения. Это проявляется с помощью восклицательной конструкции *The local econom y**sucks!*** и инвективы *sucks* (обзначенной авторским курсивом), а также неязыковыми средствами: *set his pilsner glass down with a bang*. Речь инвектора эмоциональна и сурова: *exclaimed violently*. Для инвектора типчна импульсивность, поскольку в иррациональной ситуации стресса эмоции преобладают над рациональными проявлениями. Наследственно закреплённые рефлекторные реакции и инстинкты, навыки и привычки, приобретённые говорящим в течение жизни, направлены на удовлетворение физиологических, социальных, духовных и других потребностей организма его личности. Следующий пример иллюстрирует *куртуазную стратегию*:

(2) *"Okay, Tad?"*

"Yes," Tad said, and then forced himself to say it. "But it was there, Daddy.

Isawit. Really"(Cujo, p. 5).

Тэд часто обижается на родителей, которые не верят в существование монстра, прячущегося ночью в его шкафу. В который раз ему приходится соглашаться с ними, как бы страшно мальчику не было оставаться наедине в темной комнате. Авторский комментарий *forcedhimselftosayit* свидетельствует о внутренней борьбе героя.

(3) *"George Meara, you're an old fart," Aunt Evvie said, giving the word a juicy Maine resonance which **built it into something that was both cataclysmic and ludicrous: faaaaaat*** (Cujo, p. 12).

Тётка Эвви реализует стратегию рационально-эвристичного типа, задействуя смеховой катарсис, представленный в виде иронии. Она завершает конфликт, используя инвективу *oldfart* с прагматическим намерением унизить оскорбительным словом и в то же время перевести обиду в шутку. Об этом свидетельствует авторский комментарий – *built it into something that was both cataclysmic and ludicrous*. Говорящий обращается к собеседнику не только по имени, но и по фамилии, что в неформальной атмосфере обращает на себя внимание адресата. Хотя речевой субъект и использует речевую инвективу, инвектором он не является, так как выбирает отличную от инвективной стратегию поведения.

Способность к кооперации в межсубъектном взаимодействии можно рассматривать как один из критериев выделения *уровней коммуникативной компетенции* – умения общаться в определённых социальных контекстах, знать *что* сказать и *как* для достижения желаемого результата.

Методологическая сложность анализа конфликтного дискурса инвектора проявляется в том, что языковая личность многогранна. В этой связи в нашей работе мы используем *когнитивно-дискурсивный подход*, который сочетает семантический, прагматический и эмотивный виды анализа речевого общения в конфликте. В основе такого подхода – выделение типов коммуникативной тональности, характерной для того или иного дискурса. С учётом типа коммуникативной тональностимы выделяем *конфликтную, центрированную и кооперативную коммуникативные компетенции* [Гнездечко 2007: 40]. Каждый из них включает два коммуникативных подтипа, приведённых в табл. 1.2:

Таблица 1.2

Уровни коммуникативной компетенции

Конфликтный	Конфликтно-агрессивный
	Конфликтно-манипуляторский
Центрированный	Активно-центрированный
	Пассивно-центрированный
Кооперативный	Кооперативно-конформистский
	Кооперативно-актуализаторский

Инвектива как явление многогранное может быть представлена *на языковом уровне* инвективной лексикой, которая характеризуется диффузностью значений, обусловленной экспрессивным характером слов и выражений. Последние включают вульгаризмы, ругательные слова и нейтральные лексемы. Семантика лексических единиц английского языка, главным образом, зависит от контекста или речевой ситуации, в нашем случае – конфликтной.

На речевом уровне инвектива выражена инвективным *речевым актом* (в терминах Дж. Остина [1962] и Дж. Серля [1986], прямо или опосредованно реализующим негативное отношение

говорящего к вербальному действию собеседника. Разнообразие лексико-фразеологических единиц в речевой ситуации конфликта зависит от психоэмотивного и прагматического компонентов структуры языковой личности, поскольку именно человеческий фактор является первопричиной большинства конфликтов. Инвективный потенциал лексических единиц возникает в специфически мотивированном контексте относительно конкретного человека. Вследствие эмоционального воздействия на индивида инвектива может восприниматься последним как обида. *Эмоция* как категория психологическая (связанная с процессом восприятия слова индивидуумом) реализуется в речевом акте инвективы через *категорию эмотивности*.

Лингвоэмотивный подход позволяет объяснять механизмы эмоционального воздействия индивидов в разных областях интеракции. Особое внимание в интерпретации механизмов эмотивного воздействия отводится прагмалингвистическим особенностям и эмотивным характеристикам дискурсивного поведения участников конфликтного взаимодействия с учётом личностного уровня коммуниканта как семиотической личности.

В фокусе нашего внимания находится эмоциональное состояние напряжения, агрессии личности, которое сопровождается вербальной и невербальной репрезентацией. Это позволяет говорить о социально-психологическом воздействии инвектора на собеседника. Общеизвестными в социальной психологии являются механизмы убеждения, принуждения, санкционирования, имитирования и др. [Бехтерев 1994; Куликов 1997; Парыгин 2010etal.]. Среди основных свойственных инвектору социально-психологических механизмов воздействия на собеседника исследователи выделяют *убеждение, санкционирование, манипулирование* [Золотаренко 2015: 123-127]. Анализ этих механизмов следует начать с сути манипулятивного общения. *Манипуляция* – это косвенное санкционирование, с помощью которого инвектор достигает желаемого эффекта путём силового, экономического или психологического давления. В Оксфордском словаре английского языка суть понятия ‘манипуляция’ (*manipulation*) в широком смысле определяется как особое обхождение с объектом(ами) (особое намерение, цель); как ручное управление, ручные действия [OxfordAdvancedLearner’sDictionaryofCurrentEnglish 1982].

Отдельные исследователи [Шейнов 2001] рассматривают любой тип общения как манипуляцию, поскольку каждое высказывание должно вызывать определённую реакцию [ibid.]. В ситуации, когда одно понятие подменяется другим, происходит манипуляция в общении. Мы трактуем **манипуляцию** как негативное информационно-психологическое воздействие на эмоционально-волевую сферу личности, на групповое и массовое сознание, как инструмент психологического давления в интересах инвектора [Лепский 1996: 140–141; Устинов 2001]. Рассматривая суть манипуляции, В.Р. Шмидт подчёркивает, что на уровне повседневной жизни сложилось однозначное понимание *манипуляции* как использование одним человеком чувств, слабых сторон другого человека с целью получения выгоды [Шмидт 2006]. В случае возникновения конфликта инвектор тяготеет к его разрешению за счёт превосходства над инвектумом. Если ему это удаётся, конфликт решается для адресанта, но не для адресата [Жельвис 1997: 62]. Среди широкого арсенала средств воздействия на инвектума инвектор чаще всего использует манипуляцию. Рассмотрим на примере:

(4)*Now Sonny Singer started for the door. "I'll go up and see what's –""You're not going anywhere! Come back here!"*

Sonny winced as if Gardener had struck him (The Talisman, p.415).

Приведенная конфликтная ситуация иллюстрирует процесс манипулятивного воздействия инвектора на инвектума. Директивные высказывания выделяются авторским курсивом (**императив** *You're not going anywhere! Come back here!*). Инвективность также проявляется в неуважении к адресату: перебивы и физическое воздействие на него (*Gardener had struck him*) для достижения перлокутивного эффекта.

Конечная цель поведенческой психологии, которую преследует манипулятор, состоит в том, чтобы подчинить своей воле другого, а, значит, иметь возможность управлять им как послушной машиной, исключительно через команды. Чем напряженнее, экстремальнее становится ситуация, тем больше она требует разного рода ограничений, регламентаций, а, значит, открывает дорогу манипулированию.

Анализируя суть манипулятивного воздействия, отдельные исследователи [Кара-Мурза 2006; Устинов 2001] подчёркивают,

что инвектор может переключаться на использование любых стимулов (звуков, слов, жестов, мимики, поз) с целью вызвать эмоциональную реакцию. При анализе манипулятивного общения важно помнить об *эмоциональном шантаже*, о *манипулятивном использовании* негативных эмоциональных состояний при отстаивании собственных интересов. Усиление иллюкутивно-утвердительного потенциала англоязычного персонажного дискурса языковыми и коммуникативными (вербальными и невербальными) средствами выражения эмоций рассчитано на определённую поведенческую психологию инвектума. Иллюкутивно-утвердительный потенциал направлен на воплощение стратегических замыслов и тактических задач персонажей. Поскольку инвективное поведение языковой личности является феноменом, синтезирующим элементы разных коммуникативных тактик, то и методика её анализа обусловлена природой этого явления как определённого акта человеческой деятельности. В последней неразрывно противоборствуют стороны, что раскрывается путём задействования прагмасемантического, дистрибутивного, прагматико-интерпретативного, контекстуального, количественного и других методов анализа. Базовым представляется *прагмасемантический*, с помощью которого находят выявление прагматические особенности вербального и невербального воплощения инвектора в конфликтном взаимодействии. С учётом того, что семантика лексических единиц английского языка в значительной степени зависит от речевой ситуации конфликта, мы посредством прагмасемантического анализа выявили иллюкутивную силу инвективы. Проследили её использование не только для выражения эмоций, чувств, но и для достижения определённой коммуникативной цели.

Для иллюстрации поэтапного анализа дискурсивной реализации конфликтного взаимодействия приведём пример:

(5) ***“It has no nobility!”*** she cried suddenly, jumping and almost spilling beef-barley soup on his white, unturned face.

“Yes,” he said patiently. “I understand what you mean, Annie. It’s true that Tony Bonasaro has no nobility. He’s a slum kid trying to get out of a bad environment, you see, and those words . . . everybody uses those words in –”

“They do not!” she said, giving him a forbidding look. ***“What do you think I do when I go to the feed store in town? What do you think***

*I say? “Now Tony, give me a bag of that **effing pig feed** and a bag of that **bitchy cowcorn** and some of that **Christing ear-mite medicine**”? And what do you think he says to me? “You’re effing right, Annie, coming right the **eff up**?””*

She looked at him, her face now like a sky which might spawn tornadoes at any instant. He lay back, frightened. The soup-bowl was tilting in her hands. One, then two drops fell on the coverlet.

*“And then do I go down the street to the bank and say to Mrs. Bollinger, “Here’s one **big bastard of a check** and you better give me fifty **effing dollars just as effing quick as you can**”? Do you think that when they put me up there on the stand in Den –” (Misery, 22).*

В приведённом диалоге один из коммуникантов – Энни Вилкс – реализует свой словесный “выпад” посредством использования тактики **риторических вопросов**. Нарушение максимы вежливости во всех своих речевых ходах свидетельствует о её “настрое” на конфронтацию. Это проявляется как на уровне всего высказывания (**дублирование грамматической структуры вопросов** – *What do you think I do when I go to the feed store in town? What do you think I say? What do you think he says to me?*, **восклицательные предложения** – *It has no nobility! They do not!*), так и на уровне его части (**инвективы** – *effing pig feed, bitchy cow corn, Christing ear-mite medicine, bastard*), усиленные авторским комментарием: *her face now like a sky which might spawn tornadoes at any instant*. Постоянные **повторы ругательной инвективной лексики** (*effing pig feed, effing right, eff up, effing dollars, effing quick*) и незавершенность высказывания сигнализируют о чрезмерной эмоциональности говорящего.

Недоверие к собеседнику становится для инвективной языковой личности первопричиной неприятия и нежелания принять правду от собеседника. Собственное видение проблемы субъектом речи является истиной в последней инстанции, которую невозможно подвергнуть сомнению. В следующем фрагменте авторское намерение оказать воздействие на адресата и чувство одурачивания обуславливает выбор инвективной стратегии, реализуемой тактикой **необоснованного обвинения**:

(6) *“You set the timer ahead.” . . .*

“George, what are you talking about?”

“I d-didn’t get my whole five mih-minutes. You set it ahead. I was wuh-watching the clock.”

"The clock and the timer may keep slightly different times, George, but I never touched the dial on the damned thing. Scout's honor."

"Yuh-yuh-you did!"

"I assure you I did not, George. It's your stutter. Do you have any idea what causes it? You don't stutter in class."

"I duh-duh-don't s-s-st-stutter!"

"Lower your voice."

"You w-want to g-get me! You duh-don't w-want me on your g-goddam team!"

"Lower your voice, I said. Let's discuss this rationally."

"F-fuh-fuck th-that!"(The Shining,112)

Адресант излагает, запинаясь, что ему несвойственно, а это, в свою очередь, говорит о нервном состоянии (*s-set, mih-minutes, wuh-watching, yuh-yuh-you, duh-duh-don't, s-s-st-stutter, w-want, g-get, f-fuh-fuck, th-that*) говорящего. Эмоциональное напряжение адресата с развитием диалога нарастает, что вызвано частотным использованием **междометных конструкций** (*Yuh-yuh-you did! I duh-duh-don't s-s-st-stutter! You w-want to g-get me! You duh-don't w-want me on your g-goddam team! F-fuh-fuckth-that!*). Адресант начинает понимать, что не может справиться со своей злостью, вследствие чего он завершает беседу **инвективной** – *F-fuh-fuckth-that!* как средством психологического катарсиса.

Для оказания воздействия на адресата широко используется **приказ, запрет и угроза**, которые реализуются в дискурсе с помощью *директивов, инъюнктивов и менасивов* как наступательные. Рассмотрим на примере:

(7) *"Miss Wilkes? Annie? Are you all r –"*

"No."

"What –"[...]

"You . . . you . . . you dirty bird!"

"What – I don't –"

"She can't be dead!" *Annie Wilkes shrieked at him. Her hands snapped open and hooked closed in a faster and faster rhythm. "Misery Chastain cannot be dead!"*

"Annie – Annie, please –" (...)

"Dirty bird!" *she panted. "Oh you dirty birdie, how could you!"*

“Annie, in 1871 women frequently died in childbirth. Misery gave her life for her husband and her best friend and her child. The spirit of Misery will always –”

*“I don’t want her spirit!” she screamed, hooking her fingers into claws and shaking them at him, as if she would tear his eyes out. “I want her! **You killed her! You murdered her!**” (...)*

“I didn’t kill her!” he screamed.

“Of course not,” she said bitterly sarcastic. “And if you didn’t, Paul Sheldon, who did?”

“No one,” he said more quietly. “Shejustdied” (Misery, 33).

В анализируемом фрагменте Энни Вилкс проявляет авторитарность, используя тактику **подтверждения своей власти над собеседником**. Не желая выслушивать партнера по коммуникации (большое количество незавершенных фраз, доминирование, игнорирование оправданий адресата), она выявляет агрессивность как интенционально, паралингвально (заламывая себе руки, не зная куда их девать от злости – *she screamed, hooking her fingers into claws and shaking them at him, as if she would tear his eyes out*), так и вербально. Об эмоционально насыщенном дискурсе речевой агрессии свидетельствует тенденция к примитивизации основного содержания высказывания: адресат сначала не догадывается, что спровоцировало возмущение и агрессию Энни Вилкс. Снижение контроля за соблюдением принципов и постулатов речевого общения приводит к большому количеству **междометий и междометных фраз** (*You killed her! You murdered her!*), повторов – **апеллятивов** (*you*), **вульгаризмов** (*dirtybirdie*) и **констативов**, с помощью которых адресант констатирует лишь собственные потребности (*I don’t want her spirit! Iwanther!*). Для большего инвективного воздействия на адресата героиня с сарказмом обращается к нему по имени и отчеству.

Прагмасемантический анализ используется с элементами *прагматического* и *контекстуального методов*, направленных на сопоставление вербальных (инвективная лексика, инвективный речевой акт, тропы и стилистические фигуры речи) и невербальных проявлений инвективной языковой личности в конфликте.

Выводы о приоритете используемых инвектором стратегий, тактик, вербальных и невербальных средств основываются на *количественных подсчётах*, по итогам которых были сформированы схемы, таблицы и другие графические изображения. В них представле-

но процентное отображение частотности фактов в материале исследования.

Особенности употребления лексических и стилистических средств языковой личностью в конфликтном взаимодействии выявляются и раскрываются посредством *дистрибутивного анализа*. Конфликтное общение предусматривает наличие интерпретатора. Под *интерпретацией* мы понимаем выявление скрытого смысла в смысле очевидном [Рикер 1996: 408]. Суть *прагматико-интерпретативного* анализа конфликтного взаимодействия состоит в адекватном декодировании иллокутивного потенциала речевого акта инвективы. В конфликтном коммуникативном акте интерпретатора привлекают разные расхождения, непонимание, нарушение любых правил речевого общения. Разная степень интенсивности выявления этих реакций свидетельствует о степени конфликтности речевого взаимодействия. Сочетание собственно языкового выражения с внутренними и внешними относительно языка факторами; объединение внутритекстовых правил и регулярных комбинаций языковых средств с около- и надтекстовым окружением (сопровождающим процесс порождения конкретного высказывания) составляют принцип *дискурсивного анализа*. Это интегральный метод изучения вербального общения с учётом его формы, функции, ситуативного и социокультурного своеобразия. *Дискурсивный* метод задействуется для выявления основных коммуникативных стратегий и тактик поведенческой психологии инвектора в конфликтах.

Ещё один принцип анализа конфликтного взаимодействия – *контекстуальный* – предусматривает включение каждого отдельного высказывания, сегмента текста в более глобальную систему. Последняя в терминах В.С. Третьяковой [2003: 120] именуется *национально-культурным пространством*, или контекстом.

Использование в ходе анализа конфликтного текста прагматико-интерпретативного и контекстуального принципов анализа языковых и речевых средств позволяет раскрыть инвективный потенциал высказывания, интенции субъекта речи.

Следует отметить, что в данном разделе мы не ставили своей целью комплексное описание всех компонентов, характеризующих языковую личность в процессе эмотивных актов межличностной коммуникации. Внимание акцентируется лишь на коммуникативных особенностях эмоционального поведения участников

инвективного общения в разных условиях дискомфортного вербального и невербального воздействия. Ранее в своих публикациях Т.И. Леонтьева [2012] указывала на то, что при исследовании иллюкутивной силы инвективы следует учитывать ситуацию конфликтного общения, поскольку в эмоционально-насыщенном контексте именно инвективные высказывания являются наиболее яркими дескрипторами поведения персонажей.

Львиную долю типичных лексических и стилистических сигналов инвективной речи персонажей Стивена Кинга отображает таблица 1.3 (процент берётся от общего числа задействованных инвектом лексических единицы или синтаксических конструкций).

Таблица 1.3

Языковая манифестация инвектора

Тип языковой личности	Лексические особенности		Стилистические особенности		Способ передачи речи персонажа автором	
	Нормативная лексика	Ненормативная лексика	Стилистические фигуры	Тропы	Вербальная речь	Невербальная речь
Инвективный	67,5%	32,5%	65,7%	34,3%	55,7%	44,3%
В целом	100%		100%		100%	

Так, инвектор демонстрирует разнообразие номинативных и коммуникативных единиц. Его речь наполнена различными слоями лексики – нормативной (67,5%) и ненормативной (32,5%). Последняя является негативной эмоционально-экспрессивной по своим коннотативным значениям, в очередной раз доказывая тот факт, что прямая обида может выражаться нейтральной по значению лексической единицей. Слова, которые внешне выходя нейтральными нарушают даже сильное табу. Их эмоциогенность задаё-

тся социальной ситуацией, а не внутренней формой. Инвективная вербалика характеризуется использованием тропов (34,3%) и стилистических фигур (65,7%), а именно большого количества восклицательных предложений, параллелизма, анафоры, эпифоры, риторических обращений и градации. Достижение иллокутивной цели обеспечивается путём использования невербальной речи (44,3%), тогда как вербальные средства составляют 55,7%. Невербальная составляющая подсчитывается по графическим признакам текста и авторским ремаркам. Процентное соотношение стилистических средств, используемых инвектором в конфликте отображено в табл. 1.4.

Таблица 1.4

Стилистические средства дискурса инвективной языковой личности

Тропы	Эпитет	Метафора	Сарказм, ирония	Литота	Другие	В целом
	40%	25,9%	21,2%	5,9%	7%	100%
Стилистические фигуры	Восклицательные предложения	Повторы	Обращения	Градация	Другие	В целом
	56,4%	23,3%	12,9%	3,7%	3,7%	100%

Повторы, императивы и интерогативы, паузация, незавершённые предложения и молчание свидетельствуют о напряженном эмоциональном состоянии говорящего. Другими словами, игнорируются постулаты общения, не соблюдаются принципы вежливости [Лич 1983] и сотрудничества [Грайс 1975], что свидетельствует о наличии у инвектора эмотивного компонента прессинга и характеризует такую личность как конфронтационную. Лингвальные характеристики конфликтного дискурса эксплицируют скрытые интенции коммуникантов на лексическом и синтаксическом уровнях. Средства достижения иллокутивной цели выбираются согласно коммуникативной ситуации, контексту общения и партнеру по коммуникации.

Однозначно считать гнев позволяет кинесическая и соматическая семиотика конфликтного эмоционального состояния, поскольку симптомы выражения этого эмоционального состояния типичны и одинаково трактуются всеми участниками коммуникативного процесса, даже в случае их индивидуального проявления [Крейдлин 2001; Серякова 2012]. Учитывая пространственное расположение относительно собеседников, положение тела и движения, можно предположить действия агрессора:

(8) *"Shouldn't be disgusted, that was a pretty good pitch," Troop remarked, and Trisha, sitting in the dark bugblown armpit of nowhere, thought, Shut up, Troop, just shut up for a minute.*

"Straw steps out ... taps his cleats ... now he's back in. Gordon with the look to Williams on first ... to the set ... he pitches. Outside and low."

Trisha moaned. The tips of her fingers were now so deeply pressed into her cheeks that her lips were pulled up in a strange distraught smile. Her heart was hammering in her chest.

"Here we go again," Joe said. "Gordon's ready. He fires, Strawberry swings, and it's a long high drive to right field, if it stays fair it's gone, but it's drifting ... it's drifting ... drifting ..."

Trisha waited, breath caught.

"Foul," Joe said at last, and she began to breathe again.

"But that was toooo close. Strawberry just missed a three-run homer. It went on the wrong side of the Pesky Pole by no more than six or eight feet."

"I'd say four feet," Troop added helpfully.

"I'd say you've got stinky feet," Trisha whispered. "Come on, Tom, come on, please" (The Girl Who Loved Tom Gordon, p. 74).

В данном сегменте проявляется неприязнь Триши по отношению к говорящему. Местонахождение её неопределено для окружающих, о чём свидетельствуют слова автора (*sitting in the dark bugblown armpit of nowhere*). Мысленно она пытается заставить собеседника замолчать (*Shut up, Troop, just shut up for a minute*), вздыхает, что сигнализирует окружению о её настрое против партнёра по коммуникации (*Trisha moaned ...*). Триши сдерживает дыхание, пытаясь изо все сил не наговорить лишнего (*Trisha waited, breath caught*). На мгновение ей удаётся взять себя в руки (*"Foul," Joe said at last, and she began to breathe again*), однако терпение в конечном итоге лопнуло. Спокойно, интонационно

выделяя необходимые слова, она выразила нежелание продолжить дискуссию (*I'd say you've got stinky feet,*” Trisha whispered).

Для инвектора, таким образом, характерно использование интонации как рабочего инструмента, регулируемого речевым контекстом. Важным каналом передачи информации являются глаза, отражающие истинные чувства говорящего. Один из признаков инвективного поведения – активная жестикуляция, хотя уравновешенное состояние говорящего, оказывая дистанционное воздействие на инвектума, достигает порой желаемой цели эффективнее, чем активные движения.

Таким образом, методологическая база нашего исследования сформирована на основе разработки соответствующего инструментария, который предполагает применение мировоззренческих принципов и соотношение полученных данных с другими фундаментальными науками. Экстраполируя на материал исследования антропоцентризм как основной принцип его отбора и анализа, следует отметить приоритетную роль языковой личности в её социокультурной, эмоционально-психологической и других аспектах, связанных с коммуникативной деятельностью.

Антропоцентрический принцип научного познания с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы является эффективным в комплексном изучении инвективного поведения в англоязычном художественном конфликтном дискурсе. Инвективная линия поведения соотносится с проблематикой когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания, в которой вербальные и невербальные средства коммуникации репрезентируют тип языковой личности в контексте конфликтного общения.

Конфликтотенные сигналы речевого конфликта пролеживают на лексическом и стилистическом уровнях, при этом инвектор игнорирует постулаты вежливости и принцип кооперации. Лексический пласт наряду с нейтральной лексикой включает ругательную, применяемую как для уничижения собеседника, так и для манипулятивного воздействия на него благодаря высокой степени интенсивности выражения гнева.

Спонтанные, контекстуально обусловленные инвективные высказывания выполняют стилистическую функцию выражения злости. К таким стилистическим средствам относятся градация, синтаксический параллелизм, восклицательные предложения, метафора, эпитеты, литота, сарказм.

Маркерами негативного эмоционального состояния говорящего служат кинетические, проксемческие невербальные компоненты коммуникации и невербальные симптомы. К последним относятся внешние проявления психологически значимых состояний, соматические реализации: слёзы, смена цвета лица, учащённое сердцебиение и т.п. Такие невербальные компоненты выражают степень враждебности, неприязни и других негативных эмоций, соотносимых с кинетическими или проксемическими компонентами дискурса, усиливая их значение.

2.4. Анализ конфликтного общения в рамках теории непрямой коммуникации

(на материале русских и американских художественных произведений)

Т.И. Леонтьева

В последние десятилетия лингвистика расширила возможности (границы) анализа речевого дискурса, благодаря бурному развитию междисциплинарных связей. Так, огромный вклад в дело анализа речевой коммуникации внесён психологами, изучающими лингвистические (вербальные) факты в соединении с невербальными [Экман, Крейдлин и др.]. Думается, что основным толчком к такому рассмотрению лингвистического материала послужили теории Г.П. Грайса об имплицатуре и Принципах Кооперации [Грайс 1985], Дж. Лича о принципах вежливости [Leech 1983] и Дж. Серля о косвенных речевых актах [Серль 1986]. Как отмечает Г.В. Кусов, в современном языкознании изменилась парадигма науки о языке: «наметился определённый поворот от изучения языка самого по себе к изучению речи говорящего человека» [Кусов 2004: 11]. С тех пор лингвистика текста обогатилась за счёт «революционных» изменений в подходе к изучению текста. Так, Т.Кун отмечает, что «изменение в парадигме вынуждает учёных видеть мир их исследовательских проблем в ином свете» [Кун 2008: 34]. А в настоящее время наибольшее внимание сосредоточено на самой «говорящей личности», поэтому объединение различных подходов к анализу речевых характеристик героев способно привести к более глубокому

пониманию человека, участвующего в коммуникативном акте. На фоне этих изменений появилась теория непрямой коммуникации (в дальнейшем изложении ТНК).

ТНК актуальна в наши дни благодаря тому, что она объединила практически все подходы к анализу речевого произведения, которые родились ещё в 60–70-х гг. XX века и развиваются в XXI веке. Это лингвостилистический и лингво-психологический анализ текста, положения когнитивного направления в лингвистике, проблемы порождения и восприятия речи, теория дискурса, герменевтика, прагмалингвистика с её особым взглядом на исследование речевых актов.

Особый интерес для ТНК, на наш взгляд, представляет высказывание Г.П. Грайса об имплицатурах и скрытых смыслах высказываний. Именно ему принадлежит мысль о том, что “what a speaker means by an utterance can be divided into what the speaker “says” and what the speaker thereby “implicates” («то, что произносит говорящий, можно разделить на то, что он «говорит», и то, что он под этим подразумевает»). В качестве специального термина Г.П. Грайс ввёл глагол *implicate*, чтобы не использовать обиходный глагол *imply*. От глагола *implicate* (имплицировать) образованы существительные *implication* (импликация) и *implicatum* (импликат), то, что имплицируется, т.е. не выражено прямо, а подразумевается, это и будет скрытым смыслом [Грайс 1985: 220]. Согласно теории непрямой коммуникации, в процессе коммуникативного общения «двух участников – адресанта и адресата, находящихся в процессе прямого общения, были выделены более сложные схемы, описывающие опосредованные коммуникативные действия [Плотникова 2003]. Чтобы понять эти опосредованные действия, реализующие НК (непрямую коммуникацию), необходимо, по мнению С.Н. Плотниковой, «определить лежащие в её основе лингвистические механизмы, описать ролевой статус её участников, классифицировать её основные речевые жанры» [Плотникова 2003].

В отечественной науке апологетом НК является В.В. Дементьев, хотя первые упоминания о ней принадлежат К. Черри, обратившему наше внимание на то, что НК это «общение, протекающее в условиях внешнего наблюдения, с последующей интерпретацией переданного сообщения наблюдателем» [Cherry 1966]. Но американский автор разрабатывал программу для общения чело-

века с компьютером. Его задачи отличались от тех, что впоследствии развил В.В. Дементьев, который с помощью лингвистики текста и дискурс-анализа привёл нас к новому представлению о непрямой коммуникации. В.В. Дементьев приводит следующее определение НК: «содержательно осложнённая коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимым к простому узнаванию (идентификации) знака» [Дементьев 2000: 4].

Полагаем необходимым в данной части статьи провести границу между прямой и непрямой коммуникацией. Обратимся к Г.П. Грайсу, он формулирует основной принцип общения, который ожидается от участников диалога, следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс 1985: 234]. Этот принцип можно назвать *Принципом Кооперации*. Согласно социологическому энциклопедическому словарю, прямая коммуникация – это коммуникация, в процессе которой адресант передаёт информацию адресату, контролируя адекватность её восприятия [Кравченко 2013]. При прямой коммуникации лингвистические единицы понимаются в их прямом предметно-логическом значении, и высказывания не несут в себе никакого скрытого смысла. Иллокутивное намерение говорящего при прямой коммуникации полностью совпадает с перлокутивным эффектом. Это идеальная коммуникация, которой, как кажется, немного в нашей непростой, требующей постоянного напряжения жизни.

Ни для кого не является секретом то, что человеческая речь полна скрытых смыслов. Реплики героев рассматриваются как речевые акты, нарушающие Принцип Кооперации Г.П. Грайса, т.е. адресант своим высказыванием означает не то, что он говорит, а нечто другое. Эту же мысль подчеркивает другой автор: «Искусство общения (коммуникации) состоит, с одной стороны, в умении оказывать косвенное воздействие на собеседника, а с другой стороны, в умении интерпретировать адресованное нам сообщение как явный сигнал о неявных намерениях» [Кравченко 2003]. Речь идёт о косвенных речевых актах (КРА), которые характеризуются «иллокутивной, или интенциональной неодно-

значностью. Так, высказывание *Уже четыре часа* является прямым речевым актом при ответе на вопрос «*Который час?*», но в других случаях может стать КРА напоминания (– *пора за уроки*), упрёка (– *а мы ещё не пообедали*), отказа (– *не могу, мне пора*). Дополнительный иллокутивный смысл выявляется в контексте и конситуации» [Матвеева 2010: 165-166]. В работе И.Б. Шатуновского отмечается, что косвенное речевое высказывание может приобретать «производный смысл и производную, вторичную иллокутивную силу, которые основываются на его первичном (буквальном) значении и иллокутивной силе» [Шатуновский 2004]. Это окказиональные КРА, которые образуются вне существующих моделей или с нарушением этих моделей, как, например, в следующем мини-примере конфликтного общения:

“Can we do something? To find my wife. I mean, she’s clearly not here.” / Нельзя ли что-нибудь сделать? Чтобы найти мою жену. Я имею в виду, что она, конечно же, не здесь (перевод наш – Т.Л.).

[Gillian Flynn 2012: 49]

На первый взгляд, может показаться, что это прямой речевой акт, и обеспокоенный муж просит поскорее найти исчезнувшую жену. Но конситуация, т.е. обстановка, в которой происходит общение мужа с полицейскими, ролевой статус героев, их жизненные установки, пресуппозиции – всё свидетельствует об имплицировании иного смысла. Муж (Nick Dunne) попросту насмеяется над полицейскими. А окказиональной иллокуцией является нежелание героя искать жену, он счастлив, что её нет, т.к. давно её не любит, однако ему явно не улыбается судьба заключённого, он желает доказать свою невиновность. Следует отметить несимметричность социальных ролей, муж не вправе диктовать полицейским свои условия. Наш анализ был бы не полон, если бы мы не привлекли лингвостилистический анализ. Достоинство теории непрямого коммуникации, требующей от коммуникантов дополнительных интерпретативных усилий, состоит в том, что она вызывает необходимость различных подходов к анализу текста: лингвистики текста, стилистики, герменевтики, когнитивистики, дискурсивного анализа. Кроме того, она позволяет составить алгоритм действий по анализу текста [Верещагина, Булатова 2014].

В этом довольно коротком отрезке текста немного сказано, но нетерпение говорящего подчёркивается парцелляцией, раз-

бивкой вопроса на части с целью выражения упрёка полицейским в их ничего неделании, хотя это, конечно же, было не так. Употребление местоимения “we” указывает на непонимание потерпевшим дистанции, разделяющей персонажей романа, ведь Ник не полицейский, не ему решать, каким образом действовать в этих обстоятельствах, такое речевое поведение может быть рассмотрено как нарушение Принципа Кооперации, а именно категории Качества: «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» (Грайс). Импликатурой данного высказывания является упрёк: вы ничего не делаете, здесь её (исчезнувшей жены) нет, а вы и не думаете предпринимать решительных действий и как вывод: делайте свою работу с умом. Вывод может рассматриваться как производный смысл или как вторичная иллокуция.

Вслед за С.Р. Дадян [Дадян 2012], полагаем, что инвариантной особенностью конфликтных отношений является значение конфронтации, что отражается в литературных произведениях. Вариантной составляющей будут различные виды межличностных столкновений, зависящие от конситуации общения, от статусных ролей участников коммуникации, от их этикетных характеристик и пр. В поисках скрытых смыслов высказываний мы невольно обращаемся к национальным характеристикам партнёров по коммуникации, т.к. известно, что представители разных национальностей имеют своё особенное отношение к конфликтным ситуациям и по-разному контролируют своё речевое поведение. Сравнивая две нации: русских, и американцев, мы можем отметить (предположить), что касается американцев, то они, скорее, более откровенны, чем закрыты [Тер-Минасова 2008: 204-223], но в данной статье мы не преследуем задачу делать окончательные выводы. Тем не менее, судя по отражению американской жизни в художественных произведениях, мы постулируем похожесть американцев и русских в проявлениях темперамента в конфликтном общении. И в обоих случаях следует отметить присутствие как прямой, так и непрямой коммуникации, что требует большого лингвистического, прагмалингвистического, герменевтического подтверждения в исследованиях конфликтных ситуаций, для чего необходимо изучить большой объём литературы. Несомненно, данные, полученные в результате представленного исследования, дают возможность наметить лишь некоторые тенденции.

В задачи данного исследования входит контурное определение соотношения прямой и не прямой коммуникации в конфликтном общении представителей двух национальностей на примере художественной литературы. Кроме того, полагаем возможным сделать некоторые заключения на основе анализа ряда литературных произведений, не претендуя на их бесспорность и окончательность. Начнём с анализа конфликтного поведения в русской действительности. Рассмотрим пример:

«Певица, допевши длинную песню про упоительные вечера, объявила в микрофон:

– А теперь, по традиции, для нашего дорогого Иосифа Гурамовича прозвучит его любимая песня «Сулико».

И, сложив руки на груди, запела:

*Я могилу милой искал,
но её найти нелегко.*

По залу пронёсся шелест негромких аплодисментов.

– Ненавижу эту тягомотину, – пробурчал банкир Фандорину и, сложив губы розочкой, послал певице воздушный поцелуй.

– Шиш тебе, а не сто баксов, коза драная.

– Послушайте, – тихо спросил Николас. – Зачем вы из себя шута строите? Вы ведь совсем не такой» [Акунин 2012: 233].

Как видим, конфликт вызван неадекватным поведением одного из участников события и непониманием такого поведения окружающими. Следует отметить динамизм текста и его образность. Факторы коммуникативного напряжения (коллокация Вепревой [2003]) создаются быстро сменяющимися картинками действительности. Для их понимания требуется осложнённая интерпретативная деятельность. В тексте присутствуют фрагменты прямой и не прямой коммуникации, и те и другие требуют домысливания, основанного на определённом пропозициональном знании. Так, песня об упоительных вечерах вызывает в памяти красивую мелодию 80х годов XX века, рождает приятные воспоминания. Это реализация конситуативности, включающей в себя обстоятельства реальной действительности, общий опыт коммуникантов.

Конситуативным моментом является скрытая, т.е. не прямая отсылка к вождю всех времён и народов Иосифу Виссарионовичу Сталину, но имя персонажа изменено с помощью языковой игры: сохранено лишь имя Иосиф. На наш взгляд, интерпретативная

деятельность и креативность адресата обусловлены неконвенциональным использованием языковых средств автором. Для Николаса, человека прямого и бесхитростного, непонятно поведение Иосифа Гурамовича.

Автор представляет этого героя как человека, лишённого знания этикета: сниженная разговорная лексика «Шиш тебе, коза драная» создаёт богатый выразительный образ человека грубого, неискреннего, лицемерного. Непрямой коммуникацией в данной ситуации будет проявление косвенной речевой агрессии со стороны данного персонажа, образным средством её создания является ирония: поведение и речь героя представляют собой полную противоположность друг другу – показной воздушный поцелуй и грубая непристойная речь. Со стороны Фандорина цель речевого общения в данном случае будет воздействие на адресата: «Вы ведь совсем не такой», управление его поведением.

В алгоритм действий по анализу непрямой коммуникации представляется необходимым включение имплицатуры, т.к. это понятие, введённое Г.П. Грайсом, помогает созданию креативной интерпретации как прямых, так и не прямых речевых актов. Имплицатами пронизан весь текст: «упоительные вечера», «наш дорогой Иосиф Гурамович», «шелест негромких аплодисментов», «тягомотина» и т.д. И.И. Прибыток в статье «Дискуссионные моменты теории непрямой коммуникации» подчёркивает, что «стилистически маркированная не прямая речевая коммуникация требует наличия высокого коэффициента умственного развития у коммуникантов. В противном случае, она быстро затухает» [Прибыток: 2003]. Поскольку Фандорин в полной мере обладает контекстом ситуации общения, более того, имеет определённые фоновые знания (об Иосифе Гурамовиче), неконвенциональной имплицатурой является: «Вы гораздо лучше, ведите себя соответственно Вашему статусу, ведь люди должны на Вас равняться». Отрицательная оценка Фандориным поведения Иосифа Гурамовича подтверждает тот факт, что речевая коммуникация не «затухает», и можно предположить позитивное развитие ситуации в дальнейшем.

Следующий пример относит нас в современную американскую действительность.

Герой романа “Gone Girl” («Исчезнувшая») Ник Данн (Nick Dunne), мы уже познакомились с ним чуть выше, находится в по-

лицейском участке. Он постоянно конфликтует с полицейскими, деланно возмущаясь и диктуя им правила игры. В сцене с появлением его отца, сбежавшего из психиатрической лечебницы, он нервно реагирует на вопрос дежурной:

“What’s going on?” I asked her. “This is my father.”

“You got our call?”

“What call?”

“To come get your father.” She overenunciated as if I were a dim ten-year-old.

“I – My wife is missing. I’ve been *here* most of the night.”

She stared at me not connecting in the least. ...

“I’ve been right here,” I said. “Right goddam next door, how did no one put this together?”

Bitch, bitch, bitch, said my dad.

“Sir, please don’t take this tone with me.”

Bitch bitch bitch. (Gillian Flynn, pp. 68–70)

– Что происходит? – Спросил я. – Это же мой отец.

– Вы получили наш вызов?

– Какой вызов?

– Прийти и забрать вашего отца. – Она так акцентировала каждое слово, как будто я был десятилетний недотепа.

– Я ... У меня пропала жена. Я почти всю ночь провел здесь!

Она уставилась на меня, явно ничего не понимая.

– Я был именно тут, рядом, за той чертовой дверью, почему же никто не сумел догадаться, где я?!

– Дрянь, дрянь, дрянь, сказал отец.

– Уважаемый, не смейте разговаривать со мной в таком тоне!

Дрянь дрянь дрянь [пер. наш – Т.Л.].

Начнём с конситуации, т.е. с описания условий протекания коммуникации, в которой как прямые, так и косвенные (непрямые) речевые акты требуют домысливания. Разговор происходит в полиции, прямая коммуникация здесь угадывается: герой негодует по поводу явного непонимания его положения в столь серьёзной для него ситуации. Происходит столкновение когний, и пока оно не в пользу подозреваемого, т.е. Ника Данна. Домысливание или творческая интерпретация речевой характеристики героя заключается в конвенциональном понимании его психическо-

го состояния, на что указывают переспросы, заикания, эмоциональные ударения отдельных слов (в тексте они выделены авторским курсивом), использование ненормативной лексики (*goddam*, *bitch*). Мы согласны с тезисом И.И.Прибыток о том, что средства непрямо́й коммуникации, «это, как правило, переосмысленные средства прямо́й коммуникации» [Прибыток 2003]. В анализируемом дискурсе непрямо́я коммуникация стилистически маркирована. Для более глубокого понимания полного лжи и неискренности текста обратимся к его лингвостилистическому анализу. Вслед за М.П. Котуровой мы полагаем методологически необходимой такую функцию лингвостилистики, как описательно-объяснительную. Эта номинация, по мнению автора, позволяет увидеть единство «собственно лингвистической и экстралингвистической сторон в процессе функционирования языка» [Котурова 2012: 81]. Дж. Флинн прибегает к сравнению и эпитету: *She overenunciated as if I were a dim ten-year-old* с диминутивом; к гиперболе: *overenunciated*; к дисфемизму: *Right goddam next door*; к ироничному обращению “*Sir*”, предвещающему реприманд со стороны правоохранителя как способ эмоционального воздействия на адресата: “*Don’t take this tone with me.*” («Не смейте говорить со мной таким тоном»). Несомненную стилистическую функцию неадекватности персонажа несёт фактически вложенный в его уста выделенный курсивом комментарий Ника Данна: *Bitch bitch bitch*, и это неудивительно, т.к. он сын своего отца, который на протяжении всего романа произносит лишь это слово. Импликатурой этой ситуации является неуважительное отношение персонажа романа к полиции, к её действиям, герой даже сомневается в умственных способностях полицейских: “*...how did no one put this together?*” (Почему же никто не сумел догадаться о том, где я?). Скрытый смысл заключается в отказе Ника принимать эту действительность. Зачем нужна такая полиция, которая не защищает и не помогает? Об этом же свидетельствует и его комментарий по поводу недогадливости женщины полицейской о том, что он находился здесь, в полиции, в комнате по соседству и потому не мог приехать из дома забрать отца: “*She stared at me not connecting in the least.*” (Она уставилась на меня, явно ничего не понимая). Этим непониманием и вызвана речевая агрессия Ника и инвектива *Bitch bitch bitch*.

Стилистические маркеры в непрямо́й коммуникации героев используются для оказания желаемого воздействия на психическое состояние друг друга, для реализации лжи, для манипулирования интересами друг друга.

Комплексный анализ конфликтных ситуаций в рамках теории непрямо́й коммуникации позволяет прийти к заключению о том, что непрямо́я коммуникация выявляет расхождение между внешним говорением и тем, что оно означает на самом деле. Речь идёт о скрытых смыслах, которые коммуниканты, преследуя определённые цели, вкладывают в свои высказывания. Естественно полагать, что не во всех ситуациях участникам коммуникации удаётся правильно интерпретировать высказывания со сложными импликатурами. Сопоставление коммуникативного поведения русских и американцев подтверждает тот факт, что и русские и американцы более склонны к прямо́й коммуникации, однако в ситуациях коммуникативного напряжения они прибегают к непрямо́му высказыванию своих мыслей, что даёт возможность собеседнику только догадываться о намерениях говорящего, как бы читая между строк.

2.5. Приемы речевого воздействия агущего человека на собеседника

С.Н. Котенко

Данное исследование представляет собой анализ бытового диалога, под которым понимается участие двух собеседников – адресанта и адресата, находящихся в процессе прямого общения. Основное внимание уделяется целенаправленному речевому воздействию языковой личности на партнера. Ложные высказывания обусловлены социальными, психологическими и интеллектуальными факторами. Бытовые диалоги выделены методом сплошной выборки из романа Дж. Фаулза «Коллекционер».

Речевое воздействие осуществляется путем организации речевой коммуникации таким образом, чтобы слушатель выбрал из числа возможных поступков тот, к которому его подталкивает говорящий (путем угроз, обещания, поощрения, насмешки, риторического вопроса, увещевания, просьбы и др.). Для более успешного речевого воздействия должны учитываться условия, в которых происходит речевое общение, отношения между гово-

рящими, реальная возможность осуществления действия, а также характеристики реципиента (его возраст, социальный статус, эмоциональное состояние, система его мотивов, степень владения языковыми понятиями). В речевом воздействии определенную роль играет невербальный компонент сопровождения речи – тембр, тональность и громкость речи говорящего, его поза, дистанция от слушающего, жесты, мимика. В случае несовпадения мотивов слушающего с предлагаемыми выше речевое воздействие оказывается неуспешным либо его последствия оказываются кратковременными [Белянин 2004: 209].

Существует широкое и узкое понимание термина «речевое воздействие». В широком смысле – это воздействие на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами. В узком смысле под *речевым воздействием* понимается использование естественного языка с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата(ов) сообщения [Паршин П.Б.: URL от 10 октября 2016].

Существует целый ряд речевых приемов, применяемых в бытовых диалогах, вызывающих бурную реакцию собеседника. О приемах речевого воздействия пишет О.М. Попчук. Согласно ее теории, можно выделить три класса: 1) приемы-переключения; 2) приемы-апелляции; приемы-указания. Автор объясняет, что первый класс представлен приемами переключения внимания адресата с проблемной информационной зоны [Попчук 2010: 147]. Наиболее действенным при анализе бытовых диалогов является прием апелляции к различным чувствам собеседника: к чувству вины, страха, злости, тщеславия, доверия и др. К третьему классу О.М.Попчук относит приемы указания собеседнику на непоследовательность или неадекватность его/ее поведения, на недостаточно развитые интеллектуальные способности, на обоснованность упреков и т.д. [ibid.].

Задача общения – посылать речевые сигналы, которые имеют для собеседника эмоциональное значение. Эффективным обычно бывает разговор в русле выраженного личного интереса. Это повышает вербальную активность, сопровождаемую как положительными, так и отрицательными эмоциями. Здесь полезными могут быть фразы: «Сможете ли вы...», «Согласились бы вы...», «Как вы полагаете...», «Не считаете ли вы...», «Есть ли у вас возможность...» и др. Важно следовать правилу – начинать с по-

зитивного. Однако отрицательные эмоции могут быть вызваны фразами, пугающими адресата или озадачивающими его.

Последнее суждение согласуется с морализирующими предписаниями Г.П.Грайса, разработавшего максимы качества, релевантности, ясности, краткости выражения мысли, т.е. определенные ограничения свободы разговора [Грайс 1985: 217-237]. Однако этот автор ввел понятие имплицатуры (скрытого смысла), благодаря которому становятся понятными не всегда благородные мысли собеседника. К сожалению, согласно К.Ажежу, участники диалога не всегда доносят до слушателя только уместную, «причесанную», стилистически выдержанную информацию. Напротив, читая литературные произведения, «мы сталкиваемся с бравадой, юмором, обманом, корыстной заинтересованностью, которые заставляют сильно усомниться в обязательности мифической гармонии, достигаемой с помощью максим Грайса» [Ажеж 2008: 223].

В зависимости от обстоятельств, собеседник может выбирать коммуникативно-речевые тактики, направленные на противостояние адресату. У адресата, в связи с этим, возникает конфронтационное отношение, выражающееся в манипуляциях смыслами, неискренностью и даже агрессией. Так, например, Т.А. Ван Дейк в статье «Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений» описывает подобные стратегии, используемые в диалогическом дискурсе.

Ход «обобщение». («И так всегда», «Это без конца повторяется»). Говорящий показывает, что неблагоприятная информация не случайна и не исключительна.) Эта часть стратегии применяется, в частности, в виде упрека или укора собеседника.

Ход «приведение примера». («Возьмите нашего соседа. Он...»). Общее мнение обосновывается конкретным примером.) Ссылка персонажа на третье лицо, подчеркивание его положительных свойств вызывает негативную реакцию собеседника, и понимание не достигается.

Ход «усиление» («Это ужасно, что...», «Это возмутительно, что...»). Этот речевой ход направлен на контроль за вниманием собеседника. Один из участников диалога эмотивно подчеркивает свое жалкое положение, добиваясь снисхождения и изменения ситуации.

Ход «уклонение» («Не знаю», «Мне все равно», «У меня нет времени»). Уклонение понимается как отказ от разговора или от

темы [VanDijk 1983: 375-404]. К нему говорящий прибегает из-за боязни попасть впросак или быть уличенным во лжи.

В известной книге Г.С. Мельник «Общение в журналистике. Секреты мастерства» [Мельник 2008] автор описывает ряд речевых тактик, которые используются в художественной литературе для характеристики непорядочных, склонных к конфронтации персонажей.

«Неожиданность». Использование в речи неожиданной или неизвестной информации, чтобы заинтриговать слушателя.

«Провокация». Искусственное создание неприемлемых обстоятельств для провоцируемого, вследствие которых, вызывается реакция несогласия с излагаемой информацией. В результате провокации собеседник может оказаться в безвыходном положении.

К эффективным приемам воздействия на собеседника можно отнести следующие: Создание ситуации мнимого выбора – внушается только одно, определенное отношение к предмету с целью манипулирования сознанием слушателя.

Введение заведомо ложного абсурдного убеждения – создавать впечатление нелепости аргументов противника для осуществления собственных замыслов.

Использование уловок – применение ловких хитрых приемов для достижения определенной цели. Г.С. Мельник [Мельник 2008] разделяет уловки на три вида. Для вовлечения собеседника в диалог с целью заинтересовать его прибегают к следующим уловкам: хитрость, прямой обман, приемы резкого убеждения.

Актуальными для настоящего исследования являются уловки, связанные со сферой чувств, такие как: игра на жалости, сострадания, прощении; шантаж, угроза применения силы; игра на доверии к авторитету для соблюдения личных интересов.

Обратимся теперь к вопросу о том, какие именно особенности структуры языка могут быть использованы для эффективного преодоления защитных барьеров сознания при речевом воздействии. Иначе говоря, какие языковые инструменты используются для целей речевого воздействия?

Как утверждается в психолингвистической литературе последних лет, «Человек говорящий/ HomoLoquens может быть определен как носитель сознания, полноправный член сообщества, как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (в самом широком смысле – как деятельность,

необходимо требующая использования языка и опоры на язык)» [Красных 2015: 170]. К вербальным средствам речевого воздействия лгущего человека относятся, прежде всего, эмоционально нагруженная лексика, жаргонизмы, эмотивные синтаксические конструкции, а также метафоры, ирония и другие стилистические приемы. Инструментами речевого воздействия служат когнитивные операции. Составными частями модели мира являются метафоры, примеры и аналогии. Все они участвуют в осуществлении когнитивных операций, предполагающих соотнесение различных понятийных сфер и миров. Речевое воздействие инициирует эти когнитивные операции [Паршин: URL от 10 октября 2016].

Большое внимание в психолингвистической литературе уделяется описанию невербальных средств общения. Согласно П.Экману, невербальные средства речевого воздействия на партнера по коммуникации представляют собой многозначительные паузы, повышение тона голоса, мимика, жесты и др.

Рассмотрим некоторые примеры речевого воздействия на собеседника на материале диалогов, взятых из романа английского писателя Дж. Фаулза “The Collector”. В данном романе нами выявлено двадцать четыре примера речевого воздействия на собеседника. При описании бытовых диалогов нами используется методика конверсационного анализа. Конверсационный анализ относится к «классу *качественных методов*, имеющих дело с содержательным раскрытием, описанием, анализом и интерпретацией явлений без обращения к числовым показателям и статистике» [Улановский 2012].

Каждое высказывание в бытовых диалогах представляет собой речевой акт, т.е. «отдельное целенаправленное речевое действие личности, оказывающее влияние на речевого партнера ... В материально-языковом выражении речевой акт относительно приравнивается к высказыванию, он может выражаться в одном или нескольких предложениях, равняться реплике или составлять часть реплики диалога [Матвеева 2010: 391–392]. Речевой акт включает в себя: объективное (пропозициональное) содержание в сочетании с субъективным (иллокутивным) содержанием, отражающим интенцию говорящего, а также ожидаемый говорящим эффект от речевого действия (перлокутивный эффект)».

№1

Главный герой романа “The Collector”, Фредерик, одержимый идеей Жизни и Красоты задумал похитить девушку-

студентку, которая ему нравилась и поместить ее в подвал недавно купленного и отремонтированного дома. Он проявил особую изобретательность для осуществления своей корыстной цели и воспользовался изощренным обманом. Не привлекая внимания, скрывшись в тени деревьев, он дождался момента, когда девушка возвращалась домой, и обратился к ней с виду невинной просьбой.

I said, excuse me, do you know anything about dogs?

She stopped, surprised. "Why?" she said.

It's awful, I've just run one over, I said. It dashed out. I don't know what to do with it. It's not dead. I looked into the back, very worried.

"Oh, the poor thing," she said.

She came towards me, to look in. Just as I hoped.

There's no blood, I said, but it can't move.

Then she came round the end of the open back door, and I stood back as if to let her see. She bent forward to peer in, I flashed a look down the road, no one, and then I got her [John Fowles 2015: 42-44].

– Говорю, простите, пожалуйста, вы, случайно, не разбираетесь в собаках?

Останавливается, и так удивленно:

– А в чем дело?

Ужасно, говорю, только что сбил собаку. Выскочила прямо под колеса. Не знаю, как быть. Не сдохла, нет. А сам заглядываю в фургон сзади, вроде ужасно волнуюсь.

– Ой, бедняжка, – говорит. Подходит ко мне, точно как я рассчитывал, хочет поглядеть.

Крови нет, говорю, только не шевелится.

Ну, она обходит открытую дверцу, а я отстраняюсь, вроде бы, чтобы ей было видней. Она наклонилась вперед, вглядывается. Я окинул взглядом улицу – ни души, обхватил её руками (пер. И. Бессмертной) [см. John Fowles 2015: 43].

В ситуации, представленной автором пропозициональное содержание вопроса, обращенного к девушке, состоит в узнавании ее отношения к собакам. Говорящий использовал фатический элемент "Excuse me", т.е. он привлек ее внимание еще до того, как изложил свой вопрос. В то же время в нем косвенно выражена мысль о том, что он в чем-то нуждается. Будучи отзывчивой и не чувствуя подвоха, девушка легко откликается на откровенно ложное сообщение своего будущего мучителя о том, что он якобы переехал

собаку, она, бедная, лежит у него в машине, etc. Иллокутивным содержанием обращения является приглашение девушки посмотреть на собаку, может быть, она сможет ей помочь. Все последующие реплики героя продолжают его первую ложь, и согласие девушки, подойти к машине и посмотреть на животное (а это перлокутивное содержание), свидетельствует о благоприятном для него достижении цели. Провокация героя сопровождалась рядом эмоциональных высказываний: “It’s awful”, “It’s not dead”, “There’s no blood”. Создается тревожная ситуация и имеет место игра героя на жалости девушки, и она восклицает: “Oh, the poor thing” (эмоционально нагруженное высказывание). Итак, первый чудовищный обман состоялся, герой торжествует, но что же следует за этим?

Невербальные средства, сопровождающие его притворное поведение “I looked into the back, very worried” (ведь читатель знает, что никакой собаки в машине не было!), «самокомментирование» служат дополнительным средством характеристики «коллекционера» как человека жестокого и безнравственного. В результате предпринятой провокации девушка оказывается в безвыходном положении.

№ 2

Как указывалось выше, разговорный анализ предполагает описание конституции. Герой романа Фердинанд пытается придумать правдоподобную историю о том, почему он похитил (*kidnapped*) девушку. Он судорожно пытается сочинить что-то вразумительное, о чем свидетельствует самокомментирование его преступных действий:

I tried to think of someone. I don’t know why, the only name I could think of she might know was Mr. Singleton. He was the manager of the Barklays. I knew her father banked there. I saw him several times in there when I was, and talking with Mr. Singleton.

Mr. Singleton’s orders, I said [John Fowles 2015: 52].

А мне, как назло, ни одно имя в голову не приходит. И не знаю почему, вдруг вспоминаю – из тех, кого она могла знать, – имя управляющего отделением банка, где ее отец деньги держит. Я, когда в банк заходил, несколько раз видел, как ее отец с управляющим разговаривает.

Приказ Синглтона, говорю (пер. И. Бессмертной) [John Fowles 2015: 53].

Становится очевидным, что адресант прибегает к заведомо ложному, абсурдному высказыванию, применив прием переключения внимания девушки с себя, а его очень беспокоило то, что она знала, что он лжет (*I knew she knew I was lying*). Заявление о том, что его спровоцировал на кражу девушки господин Синглтон, является проявлением тактики «провокация». Глубинная пропозиция Фердинанда остается для Миранды загадкой, лжец действует на ее психику, в результате чего она оказывается в полной растерянности. Об этом свидетельствует невербальный маркер: *She looked really amazed...* / А она смотрит во все глаза.

Показательным лингвистическим средством данной ситуации является неожиданный вопрос со стороны жертвы: *Suddenly she said accusing like, 'And don't I know who you are?'* / Вдруг она говорит, и тон вроде обвиняющий: – Вы думаете, я вас не узнала?

Интенция девушки понятна: этим нехитрым маневром она пытается смутить героя, а вдруг он почувствует стыд? И на первый взгляд, прием апелляции приводит к ожидаемому эффекту. Герой действительно краснеет, этот невербальный маркер стыда, как сам герой комментирует свое состояние, не входил в его планы. Складывается невыносимая, чудовищная ситуация, когда ложь и притворство становятся нормой поведения.

Об отрицательных эмоциях Миранды свидетельствуют фразы, полные недоверия и презрения к человеку, заточившему ее в подземелье:

You are telling me that Mr. Singleton is as ex maniac and he kidnaps girls and you help him? / – Вы хотите сказать, что мистер Синглтон – сексуальный маньяк и похищает девушек, а вы ему помогаете?

Конфронтационное отношение девушки выражается в стратегии искреннего недоумения и полного недоверия. И тут «коллекционер» использует речевую тактику неожиданности и абсурда:

I said I had to. I stole some money from the bank, I'd go to prison if they found out, he holds it over me, you see. / Говорю: а что мне остается делать? Знаете, я стащил из банка деньги, должен сесть в тюрьму, если станет известно. Так что он меня как в петле держит.

Основной пропозицией говорящего является «Посмотри, как я ловок! Придумал-таки!» Цель и мотив адресанта не достигают успеха: девушка не верит ни одному его слову, но будучи представительницей другого социального слоя, того, где соблюдаются законы цивилизации, она ведёт себя достойно. Происходит, как пишет

С.Н.Плотникова, «своеобразный разрыв в коммуникативном пространстве, отстранение общающихся друг от друга» [Плотникова 2003].

№ 3

В следующей ситуации героиня пытается мирно договориться с похитителем о том, чтобы он её отпустил. Она обещает никого не ставить в известность о том, где она пропадала столько дней, она клялась, что они будут часто видеться, так часто, как ему захочется, а о её заточении будут знать только они двое:

“I promise, I swear that if you let me go I will not tell anyone. I'll tell them all some story. I will arrange to meet you as often as you like, as often as I can when I am not working. Nobody will ever know about this except us” [John Fowles 2015: 68].

– Я обещаю, я клянусь вам, если вы меня отпустите, я никому не скажу. Я придумаю что-нибудь, как-нибудь всем объясню. Устрою так, что мы будем часто видеться, сколько вы захотите, в любое время, когда нет занятий, никто ничего не будет знать, только вы и я (пер. И. Бессмертной)

[John Fowles 2015: 69].

Этот речевой поступок девушки можно интерпретировать как ложное обещание. Следует отметить сильный эмоциональный посыл данного обещания, понятный благодаря приему градации: “I promise, I swear” / Я обещаю, я клянусь. Кроме того, ее высказывание характеризуется многословием, она употребляет целый ряд глаголов, которые рисуют нереальную картину: “Nobody will ever know about this except us.” Естественно, «хозяин» не верит её словам, но осознавая ее стремление вырваться на волю, он предлагает унижительную для нее сделку отпустить ее через какое-то время, но на определенных условиях.

Свой неосознанный протест девушка выражает тем, что отказывается принимать пищу и разговаривать с Фредериком. Этот протест вызывает ответную реакцию главного героя, который, в свою очередь, пытается ввести в заблуждение свою жертву лживым обещанием освободить ее. В своей реплике герой использует стилистический повтор формы *I'll* с различными глаголами. Импликатурой его обещания, как следует из его автокомментирования, является прямой обман, так как он знал наверняка, что никогда ей не позволит ей уйти, не для того он ее похищал. Этот текст изобилует нега-

тивными конструкциями, которые свидетельствуют о вполне сложившейся философии палача, навсегда заточившего свою жертву: *I don't know why; I could never let her go away; It wasn't just a barefaced lie*; повтор: *I couldn't let her go away*. Автор представляет читателю его внутренний мир, который ужасен своей решимостью не подчиняться девушке, а чувствовать себя ее полновластным хозяином.

She didn't move.

I said, I'll make a bargain. I'll tell you when you can go away, but only on certain conditions.

I don't know why I said it. I knew really I could never let her go away.

It wasn't just a barefaced lie, though. Often I did think she would go away when we agreed, a promise was a promise, etcetera. Other times I knew I couldn't let her go away.

She turned then and stared at me. It was the first sign of life she'd shown for three days [John Fowles 2015: 80].

Она не пошевелилась.

Я ей: ну, давайте договоримся. Я скажу вам, когда вы можете уехать, но на определенных условиях.

Не знаю, зачем я это сказал. На самом деле знал ведь, что никогда не смогу ее отпустить. Хоть это и не было таким уж наглым враньем. Я часто думал, она уедет, когда мы с ней договоримся, мол, слово есть слово, и всякое такое. А потом думал, нет, не могу ее отпустить.

Она повернулась и смотрит пристально. Первые признаки жизни за целых три дня (пер. И. Бессмертной) [см. John Fowles 2015: 81].

В глубине души Миранда осознает скрытый смысл его намерения, результатом речевого воздействия говорящего является ответный жест: впервые за три дня она проявляет готовность к дальнейшей коммуникации.

№ 4

В следующем диалоге героиня, отчаявшись добиться добровольного согласия со стороны Фердинанда позволить ей уйти, прибегает к обманному действию и симулирует приступ аппендицита. На фоне прежней тихой размеренной жизни, которую герой воспринимал как счастье, надеясь, что и она думала то же

самое, предлагаемый для анализа разговор, представляет собой диссонанс между главными героями.

One day she nearly had me. She was dead cunning, when I went in she was being sick, and she looked a real mess. I kept on saying what's wrong, what's wrong, but she just lay there like she was in pain.

"It's appendicitis," she got out in the end.

How do you know, I asked.

"I thought I'd die in the night," she said. She spoke like she hardly could.

I said it could be other dungs.

But she just turned her face to the wall and said, Oh, God.

Well, when I got over the shock, I saw it might be just her game.

The next thing was she was all doubled up like a spasm and then she sat up and looked, at me and said she would promise anything but she must have a doctor. Or to go to hospital, she said.

It's the end for me, I said. You'd tell them.

"I promise, I promise." She said. Really convincing. She could certainly act... [John Fowles 2015: 120].

Как-то раз даже чуть меня не перехитрила. Она ужасно хитрая была, коварная. Я вошел, а она больна и выглядит ужасно. И рвота на полу. Ну, я испугался, говорю, что такое, что случилось, а она лежит, вроде помирает от боли. Наконец говорит, еле-еле слышно:

– Это аппендицит.

С чего вы взяли? – спрашиваю.

– Думала, ночью умру, – и слова еле-еле выговаривает, вроде ей трудно.

Я говорю, может, это что другое.

Она отвернулась к стене и только простонала:

– О господи.

Ну, когда я немного пришел в себя, я подумал, может, она притворяется.

Тут она согнулась пополам, скорчилась, как будто у нее схватки, потом села на кровати, смотрит на меня и говорит:

– Чем хотите поклянусь, все, что хотите, обещаю, только вызовите врача или отправьте меня в больницу.

Ну, мне тогда конец, говорю, вы же им все расскажете.

– Обещаю вам, я обещаю, – говорит. Очень убедительно. Она здорово могла играть, как настоящая артистка (пер. И. Бессмертной) [см. John Fowles 2015: 121].

Коммуникативно-речевая тактика Миранды является ложной, что становится понятным из лингвистических единиц, которыми герой характеризует её поведение: “...she nearly had me.” / ... она чуть меня не перехитрила. “She was dead cunning.” / Она ужасно хитрая была, коварная. Для характеристики сложившегося диссонанса, автор использует специфический выбор слов, относящихся к выражению ловкости и ухищрения. Растерянность героя в первый момент видна в повторе фразы “what’s wrong”, которая в последующем тексте нивелируется выражением сомнения, на самом ли деле она больна. В разговоре он прибегает к фразе “... but she just lay there *like* she was in pain” (выделено нами – С.К.). Подтверждение этому находим в издевательском вопросе к девушке, в котором с помощью вульгарной лексики передано сомнение в ее болезни: “I said it could be other *dungs*” (выделено нами – С.К.). Речевое воздействие, оказанное на коммуниканта, не произвело ожидаемого эффекта, напротив, Фердинанд еще больше усомнился в правдивости ее слов; эмоционально-экспрессивное выражение: “... it might be just her game” подтверждает правильность его предположений. Эта же мысль подкрепляется его комментарием к ее обещанию сохранить тайну его поступка при условии, что он отвезет ее в больницу. Внутренняя речь героя выражает его смертельный страх быть разоблаченным: “It’s the end for me.” Эти размышления приводят его к пониманию, что она действует как настоящая артистка: “She could certainly act”, и используя тактика уклонения, он меняет тему разговора.

№ 5

В завершающем примере обман принимает форму шантажа. Героиня угрожает Фердинанду отказаться от приема пищи, если он ее не освободит. В порыве отчаяния она подчеркивает тот факт, что она испробовала все средства: “I’ve tried everything”. Единственный выход для нее остается шантажировать героя, добиваясь уступок: “I’m going to fast again.”

That evening it was different.

“I want to talk to you.”

Yes, I said.

“I’ve tried everything. There’s only one thing left for me to try. I’m going to fast again. I shan’t eat until you let me go” [John Fowles, 2015: 200].

Вечером все было по-другому.

Я хочу с вами поговорить.

Да? – говорю.

– Я все способы перепробовала. Остался только один. Я решила опять начать голодовку. Не буду есть, пока вы меня не отпустите (пер. И. Бессмертной) [John Fowles 2015: 201].

Используя ход «усиление», в этом нелицеприятном разговоре она эмотивно подчеркивает трагичность своего положения и готовность умереть, лишь бы добиться снисхождения. Следует обратить внимание на эмоциональный характер её высказывания: императивные предложения, эмотивную лексику с надеждой вызвать сострадание со стороны своего палача.

“I’d rather starve to death than stay down here. Keep me in chains upstairs. Anything. But let me have some fresh air and daylight” [John Fowles, 2015: 202].

– Я лучше умру от голода, чем останусь жить в этом подвале. Ну, держите меня в цепях там, наверху. Я на все согласна. Только позвольте мне дышать свежим воздухом и видеть свет дня [пер. И. Бессмертной, с. 203].

В отношениях героев нарастает конфронтация. Не вполне осознавая асимметричность их отношений (он – палач, она – жертва), она выдвигает ультиматум. Используя парцелляцию, героиня пытается сосредоточить внимание Фердинанда на своих требованиях. Она диктует ему свои условия, наивно полагая, что он проявит снисхождение. Она прибегает к метафорической гиперболе: “And that will be *murder*.” (выделено нами – С.К.). Она была недалеко от истины, он и не думал ей помочь. С помощью инверсии автор отражает безжалостное отношение героя к своей узнице, он подбирает лексику с негативной коннотацией: “Really *fierce and nasty* she looked.” (выделено нами – С.К.).

“Very well. Tomorrow morning. Either you tell me I can come up or I don’t touch any food. And that will be murder.” Really fierce and nasty she looked. I just turned and went [John Fowles 2015: 204].

– Хорошо. Завтра утром. Либо вы скажете, что я могу пойти наверх, либо я не прикоснусь к пище. И это будет равносильно убийству.

Она была прямо в ярости. Злая такая. Я повернулся и вышел (пер. И. Бессмертной) [см. John Fowles 2015: 205].

Подводя итог исследованию способов речевого воздействия коммуниканта на слушающего в бытовом диалоге на материале английской художественной литературы, можно выделить ряд наиболее часто встречающихся вербальных и невербальных приемов речевого воздействия.

К лингвистическим особенностям речевого воздействия относятся разнообразные структуры предложений: императивные, инверсионные и вопросительные. Что касается лексического наполнения, в общении героев встречаются слова с негативной коннотацией, вульгаризмы и эмоционально экспрессивные выражения.

Основные стилистические средства, характерные для авторского стиля, это: градация, метафора, гиперболы, парцелляция.

Главным невербальным приемом, используемым в романе, является передача внутреннего мира героя, названная в данной работе самокомментированием.

Основные стратегии и тактики поведения отражающие конфронтацию героев, вызванную ложью, следующие: прямой обман, симуляция, уклонение, шантаж, ультиматум, усиление, переключение внимания, провокация, нелюбезный разговор. Обман, хитрость, коварство и ложь являются главными составляющими отношений действующих лиц романа. В заключение следует отметить разрушительное воздействие лжи на взаимоотношения людей.

2.6. Только ли деструктивна ложь? Выявление положительного влияния лжи и агрессии на исход коммуникации (комплексный анализ речевых актов агрессии на материале британской драматургии)

Т.И. Леонтьева

В задачу данного раздела входит рассмотрение интеракционного поведения в условиях конфликта, перерастающего в речевую агрессию, которую не могут сдержать участники коммуникации. Исследование агрессивного вербального поведения, а также невербальной коммуникации проходит в рамках когнитив-

ной лингвистики и лингвопрагматического подхода. Известно, что агрессия, представляющая собой «эпизодические, избирательные ‘вспышки’ злости, грубости, дерзости в конкретных случаях общения» [Щербинина 2012: 10], заканчивается подавлением, унижением одного из участников. Однако в настоящее время, когда многие усилия ученых направлены на поиск средств воспитания толерантности в человеке, уже обращается внимание на пути выхода из конфликтных ситуаций [Иссерс 2011, Волкова 2009]. При характеристике агрессивных ситуаций отмечаются и такие, которые заканчиваются позитивно, хотя процент их пока невелик и касаются они, в основном производственных отношений [Костяев 2011]. Тем не менее, в ряде работ встречаем разделение конфликтных отношений на деструктивные и *конструктивные* (выделено нами – Т.Л.), что очень важно для рассмотрения речевого акта агрессии [Дойч 1973; Костяев 2011].

Наибольший интерес исследователей привлекает бытовой или семейный конфликт [Ларионова 2008, Волкова 2009, Дадян 2012], при этом активно выражается мысль о том, что материалом для анализа служат не только живые диалоги, но и диалоги в литературных произведениях. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает мысль о том, что диалоги и речь героев в классических художественных произведениях не только можно, но и должно изучать, поскольку литература отражает жизнь, и по героям литературных произведений можно судить о национальном характере того или иного народа [Тер-Минасова 2008: 177-179]. Подобный тезис встречаем также у автора книги «Речевая агрессия»: «... в круговой обход окрестностей речевой агрессии приглашаются не только ученые, но и писатели, изображающие ее в образно-сюжетной форме...» [Щербинина 2012: 5]. Ранее в своих публикациях [Левонтьева 2012] конфликт рассматривался нами как речевой акт в коммуникации противоборствующих сторон на вербальном и невербальном уровнях. В данном разделе мы продолжаем начатую тему исследования с привлечением описания эмоций, сопровождающих агрессивное поведение героев любовной игры, использующих инвективы как раздражители и средства манипулирования поведением друг друга. В основу исследования положена гипотеза: инвективная коммуникация и речевая агрессия, иногда сопровождаемая таким ожесточенным невербальным действием, как физическая борьба, может служить таким же средством со-

существования мужчины и женщины, как и идеальная любовь и полное взаимопонимание возлюбленными друг друга, т.е. иметь положительный исход. Материалом для анализа выбрана пьеса английского драматурга, актёра, композитора и режиссёра Ноэла Кауэрда «Частные жизни» (англ. *Private Lives*). Объектом изучения служат реплики героев в конфликтных диалогах, их эмоциональный заряд, речевое манипулирование, инвективный характер высказываний, физическое воздействие, способы положительного разрешения речевой агрессии в отношениях «любовь – ненависть». Речь, таким образом, пойдет не только о рассмотрении языковых средств и речевых приемов, но и об анализе невербальных средств коммуникации, которые приводят героев то к неистовству, то к полному идилическому спокойствию.

Изучение фрагментов диалога позволяет определить степень речевого воздействия, которое герои пьесы пытаются оказать друг на друга. В научной литературе речевое воздействие рассматривается в рамках когнитивных категорий (Иссерс, etc.). Поскольку каждый участник разговора сформировал свою модель мира, то в процессе общения происходит обмен этими моделями, взаимообогащение культурных моделей мира. В конфликтных ситуациях общения происходит столкновение моделей мира, неприятие одним коммуникантом точки зрения другого, что неизбежно приводит героев к провалу планируемого речевого воздействия.

Реплики героев рассматриваются как косвенные речевые акты [Searle 1975: 59-82], соблюдающие или нарушающие принцип Кооперации Г.П. Грайса [Грайс 1985: 221-227]. Такой подход привлекает тем, что он позволяет видеть, как персонаж своим высказыванием означает не то, что он непосредственно говорит, а нечто иное. Таким образом, анализ реплик коммуникантов включает в себя речевые стратегии и речевые тактики, преследующие «определенные неречевые цели» [Иссерс 1999], т.е. производят неожиданное, непредполагаемое эмоциональное воздействие партнеров друг на друга. Представляется важным при анализе речевых актов участников общения определение экспликативной, имплицитивной и латентной информации, дающей представление о коммуникативном пространстве каждого из индивидов [Прохоров 2004: 114], что обеспечивает когнитивный подход к тексту. В алгоритм действий с текстом входит как распознавание инвектив

[Жельвис 2000: 194–195], так и «расшифровка» импликатур, которыми так богаты конфликтные диалоги, особенно диалоги любящих друг друга людей.

Пьесу Н. Кауэрда «Частные жизни» можно назвать комедией нравов или комедией положений. Речь идет о случайной встрече бывших супругов в первый день их медового месяца с новыми партнёрами. Волею судеб они оказываются в соседних номерах одного и того же отеля и, несмотря на весьма бурные, даже скандальные отношения друг с другом, они всё же решаются отказаться от своих новых браков и возобновить своё бывшее супружество. Их прежняя любовь вспыхивает снова, они надеются на то, что став старше (прошло пять лет после развода) и мудрее, они выстроят свои отношения по-новому: теперь не будет ссор, бурного выяснения отношений, ревности и драк, они заживут спокойно и счастливо. Читателя вполне убеждают в реальности намерений бывших супругов, тем более что как слова, так и действия персонажей выглядят довольно убедительно. Обратим внимание на семантическую сетку слов и выражений, отражающих идиллическое настроение полного взаимопонимания и любви.

Amanda Do you remember waking up in the morning, and standing on the balcony, looking out across the valley?

Elyot Blue shadows on white snow, cleanness beyond belief, high above everything in the world. How beautiful it was.

Amanda It's nice to think we had a few marvelous moments.

Elyot A few: We had heaps really, only they slip away into the background, and one remembers the bad ones.

Amanda Yes. What fools we were to ruin it all. What utter, utter fools [Coward 2000: 32].

Аманда: А помнишь, как проснувшись утром, мы стояли на балконе и любовались аллеей?

Элиот: Голубые тени на белом снегу, чистота невероятная, только она царит на всем белом свете. Как же это прекрасно!

Аманда: Все-таки приятно сознавать, что в нашей жизни было несколько восхитительных моментов.

Элиот: Несколько? Да у нас их было великое множество, только они ушли в тень, а вспоминаются лишь плохие.

Аманда: Да. И какие же мы были дураки, взяли и все разрушили. Вот уж точно, полные, полные дураки [здесь и далее перевод наш – Т.Л.].

В данном речевом акте согласия и умиротворения, в котором герои вспоминают лучшие моменты своей прошлой жизни, они используют лексику с положительной коннотацией (*cleanliness beyond belief* – чистота невероятная; *beautiful* – прекрасный вид). Некоторые моменты своей жизни они называют *marvelous* (восхитительными), убеждая друг друга, что таких сцен было много (*Do you remember?* – А помнишь?) и при этом осуждают себя за то, что по глупости всё это разрушили. Автор прибегает к повтору существительного *fools* (дураки), повторяет эпитет *utter* перед словом «дураки», обозначая тем самым полный и абсолютный характер своей глупости, и поддерживает эту мысль деструктивным глаголом *ruin* (разрушать). Обращает на себя внимание тот факт, что в данном контексте отсутствуют авторские ремарки, это, на наш взгляд, свидетельствует о полном совпадении авторского коммуникативного намерения с поведенческими тактиками героев.

Первый конфликт возникает постепенно, он является фактически продолжением любовного диалога, но после того как Элиот позволяет себе ложное высказывание:

Elyot *We're not in love all over again and you know it. Good-night, Amanda (He turns abruptly, and goes towards the French windows),* а авторская ремарка помогает понять, что его решительность напускная и раздается голос Аманды, который зовет его:

Amanda *Elyot – don't be silly – come back [Coward 2000: 33].*

Элиот: Мы не собираемся влюбляться друг в друга снова, и ты это знаешь. Доброй ночи, Аманда (*Он резко поворачивается и идет к балконной двери*).

Аманда: Элиот, не валяй дурака, вернись!

В этом фрагменте разговора всё свидетельствует об обратном. Мы как бы читаем совершенно другой текст; неозвученным, т.е. латентным является примерно следующий: «Наша любовь зажглась с новой силой, не стоит нам расставаться». Метод «двойного» прочтения текста находим у Ю.Е. Прохорова [Прохоров 2006: 93-101]. Импликатура текста состоит в противоположном значении тому, что произносят герои. Последующий диалог подтверждает это.

Elyot *I must go and find Sybil.*

Amanda *I must go and find Victor.*

Elyot (savagely) Well, why don't you?
Amanda I don't want to [Coward 2000: 33].

Элиот: Мне надо найти Сибил.

Аманда: А мне – Виктора.

Элиот (*в гневе*): Ну, так в чем же дело?

Аманда: Просто не хочу.

Как видим, неожиданная ярость Элиота, выраженная в авторской ремарке *savagely* и означающая «зло, беспощадно, разгневанно», свидетельствует о том, что о расставании не может быть и речи. Негативный ответ Аманды *I don't want to* «Мне не хочется идти (искать Виктора)» передает ее нерешительность и нежелание возвращаться к новому партнеру. Наши героини решают убежать из отеля, и, покинув своих новых возлюбленных, они оказываются в очаровательной квартире Аманды в Париже.

Через несколько дней пребывания в новых условиях наши героини начинают словесные перебранки, которые приводят их к речевой дисфункции. Рассмотрим следующую ситуацию: Аманда желает слушать музыку и включает ее на сильную громкость, что раздражает Элиота. Его возражения носят явно нервный характер, тем более что Аманда не соглашается с его доводами. В ход идут речевые акты неповиновения, отказа, речевого манипулирования. Рассмотрим следующий пример:

Elyot It's very late and it will annoy the people upstairs.

Amanda There aren't any people upstairs. It's a photographer's studio.

Elyot There are people downstairs, I suppose?

Amanda They are away in Tunis.

Elyot This is no time of the year for Tunis. (*He turns the gramophone off.*)

Amanda (*icily*) Turn it on again, please.

Elyot I'll do no such thing [Coward 2000: 62].

Элиот: Уже очень поздно, соседям сверху это явно не понравится.

Аманда: Никаких соседей сверху нет. Там фотостудия.

Элиот: Но могут же быть соседи снизу, не так ли?

Аманда: А нижние уехали в Тунис.

Элиот: Сейчас для Туниса не самый подходящий сезон. (*Выключает граммофон.*)

Аманда (*ледяным тоном*): А теперь снова включи, пожалуйста.

Элиот: Ни за что!

Как известно, диалог представляет собой «совместную деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них цель (цели) или хотя бы направление диалога» [Грайс 1985: 221-222], однако в данном случае цели героев в совместной деятельности явно расходятся. Интересно отметить, что категории принципа Кооперации как будто и не нарушаются: герои говорят по существу, их фразы точны и взвешены, однако диалог носит явно агрессивный характер, т.к. в основе речевой агрессии лежит «негативизирующее воздействие на адресата» [Воронцова 2006: 4]. Во всех репликах Элиота присутствуют скандальные нотки, он сознательно, а не случайно организует коммуникативный сбой, приводя один за другим неубедительные аргументы. Вербальное квазиобщение поддерживается невербальными действиями, которые становятся ясными благодаря авторским ремаркам (*He turns the gramophone off* – Он выключает граммофон) и (*icily* – ледяным тоном). Герой явно манипулирует адресатом, поскольку он скрывает свои истинные намерения, они имплицитны. Думается, что героиня прекрасно понимает их, и данный конфликт перерастает в речевую агрессию. Кстати сказать, в пьесе есть эпизод, в котором Аманда откровенно высказывается о том, что она раздражала Элиота тем, что всегда могла «раскусить» его: *I irritated him because he knew I could see through him* [Coward 2000: 13]. Итак, по этому эпизоду можно сделать вывод о том, что оба собеседника достаточно язвительны и ироничны, так что речевое манипулирование одного из них получает немедленный отпор с помощью такого же манипулирования.

Следует заметить, что Аманда и не подумала оставить граммофон выключенным, вот продолжение этой сцены:

Amanda Very well, if you insist on being boorish and idiotic. (*She gets up and turns it on again*).

Elyot Turn it off. It's driving me mad.

Amanda You're far too temperamental. Try to control yourself.

Elyot Turn it off.

Amanda I won't. (**Elyot** *rushes at the gramophone*. **Amanda** *tries to ward him off*. *They struggle silently for a moment then the*

needle screeches across the record). There now, you've ruined the record. *(She takes it off and scrutinises it)*.

Elyot Good job, too.

Amanda Disagreeable pig.

Elyot *(suddenly stricken with remorse)* Amanda darling – Sollocks.

Amanda *(furiously)* Sollocks yourself. *(She breaks the record over his head.)*

Elyot *(staggering)* You spiteful little beast. *(He slaps her face. She screams loudly and hurls herself sobbing with rage on to the sofa, with her face buried in the cushions)* [Coward 2000: 62].

Аманда: Ну что ж, если ты продолжаешь вести себя похамски и по-идиотски... *(Встаёт и включает граммофон снова.)*

Элиот: Выключи сейчас же, а то я с ума сойду!

Аманда: Ах, какой темперамент! Учись сдерживать свои эмоции.

Элиот: Выключи.

Аманда: Не выключу. *(Элиот подлетает к граммофону. Аманда пытается удержать его. Они дерутся некоторое время, но тут патефонная игла начала царапать пластинку.)* Ну вот, ты испортил пластинку. *(Она снимает ее с проигрывателя и разглядывает.)*

Элиот: Вот и хорошо.

Аманда: Противная свинья.

Элиот *(вдруг почувствовал раскаяние):* Аманда, любимая, «Соллокс»!

Аманда *(в бешенстве):* Пошел ты со своим «соллоксом»! *(Она разбивает пластинку о его голову.)*

Элиот *(пошатываясь):* Ты, маленькая злобная сучка. *(Наносит ей пощечину. Она громко вскрикивает и бросается с рыданиями на диван, пряча лицо в подушки).*

В течение разговора герои включают и выключают граммофон, упрямство проявляется с обеих сторон, в результате ломается пластинка, резко меняется настроение, и разговор становится инвективным. Иллокуция данного общения с обеих сторон может быть названа оскорблением, нарушаются не только правила принципа Кооперации Грайса, но и создается негативная модель речевого поведения в конфликтной ситуации. Участники общения в данной сцене явно агрессивны, а, значит, испытывают по-

требность в снятии психологического напряжения, в «достижении катарсиса». К отрицательным эмоциям относятся гнев, отвращение, презрение [Изард 2009]. В приведенном фрагменте коммуниканты полностью потеряли контроль над собой, об этом свидетельствуют такие инвективы, как *boorish and idiotic* (невоспитанный и по-идиотски ведущий себя), эпитеты с резко отрицательной коннотацией; императивные конструкции: с явной издёвкой звучит предостережение *Try to control yourself* (Пытайся обуздывать свои эмоции) или резкий приказ мужчины *Turn it off. It's driving me mad* (Выключи, а то я с ума сойду) и, наконец, такие мощные маркеры агрессивного поведения, как инвективы: *disagreeable pig* (противная свинья) – восклицает Аманда, и далее по тексту *You spiteful little beast* (Ты, маленькая злобная сучка) – отвечает ей Элиот. Такое поведение является именно агрессией, а не простой враждебностью, т.к. герои прибегают к комплексу активных, направленных друг против друга слов и действий.

Внимательный читатель, наверное, обратил внимание на тот факт, что в какой-то момент Элиот чувствует что-то вроде раскаяния и произносит непонятное слово *Sollocks*. Дело в том, что зная о своей вспыльчивости и готовности в любой момент перейти к вербальной агрессии, наши герои договорились прибегать к этому слову, совершенно случайному, придуманному ими в момент нежности и доверительности друг к другу, когда появится необходимость изменить тактику речевого поведения, отринуть агрессию, могущую нарушить их коммуникативное пространство. Вот почему после услышанного оскорбления *disagreeable pig* Элиот пытается минимизировать опасность деструктивного разговора, поставить точку. Но тут же наталкивается на эксплетив *Sollocks yourself* (нечто вроде русского «Сам ты...» или «Иди ты со своим *Sollocks*»), и, как результат, доминантной становится инвективная стратегия в коммуникации, которая очень быстро переходит в самую обыкновенную драку.

Если речь идет о физическом насилии, то стоит более внимательно отнестись к явлению агрессии. Тем не менее, в специальной литературе находим следующее: «...агрессивная модель речевого поведения формирует представление о применении силы как о чем-то потенциально возможным, а в ряде случаев даже желательном и целесообразном» [Щербинина 2012: 61]. И при этом словесная агрессия предшествует физической. Кроме того, авторы непременно го-

ворят о жертве, об унижении, о невозможности продолжать совместную жизнь. Посмотрим, что же случилось с нашими героями в конце пьесы, представим этот самый важный для них эпизод с некоторыми сокращениями, не нарушая авторский замысел:

Amanda (*very quietly*) This is the end, do you understand? The end, finally and forever.

Elyot You are not going like this.

Amanda Oh yes I am.

Elyot You're not.

Amanda I am; let go of me –

He pulls her away from the door and once more they struggle. This time a standard lamp crashes to the ground.

Amanda (*breathlessly as they fight*) You're a cruel fiend, and I hate and loathe you; thank God I've realised in time what you're really like; marry you again, never, never, never...I'd rather die in torment.

Elyot (*at the same time*) Shut up; shut up. I wouldn't marry you again if you came crawling to me on your bended knees, you're a mean, evil-minded, little vampire – I hope to God I never set eyes on you again as long as I live –

Аманда (*очень спокойно*): Это конец, понимаешь? Конец раз и навсегда.

Она идет по направлению к двери, которая ведет на лестницу и с шумом распахивает ее. Он бежит за ней и хватает ее за запястье.

Элиот: Ты так просто не уйдешь.

Аманда: А вот и уйду.

Элиот: Нет, не уйдешь.

Аманда: Уйду, отцепись от меня –

Он тащит ее от двери, и они снова дерутся. На сей раз, падают и разбивается торшер.

Аманда (*задыхаясь из-за драки*): Ты – дьявол, и я ненавижу тебя, ты мне отвратителен; слава Богу, я вовремя поняла какой ты на самом деле. Чтобы снова выйти за тебя замуж, да никогда, никогда, никогда... Лучше умирать в муках –

Элиот (*говорит почти одновременно с ней*): Да заткнись, заткнись ты! Я ни за что на свете не женюсь на тебе снова, даже если ты приползешь ко мне на коленях, ты – мерзкая, злобная

маленькая гадюка – надеюсь, Бог не допустит того, чтобы я еще хоть раз в жизни взглянул на...

Сцена ненависти продолжается, но тут входят другие двое. Увидев такую картину, они в оцепенении. Авторская ремарка дает нам возможность в последний раз взглянуть на «агрессоров»:

Amanda and Elyot rise quietly, and go, hand in hand, towards the front door... Amanda and Elyot go smilingly out of the door, with their suitcases, and –

The curtain falls [Coward 2000: 90].

Аманда и Элиот спокойно поднимаются и идут, взявшись за руки, к входной двери... Аманда и Элиот выходят из нее, улыбаясь, их чемоданы при них и...

Падает занавес.

Отметим тот факт, что представленная выше сцена обоюдной физической агрессии, сопровождаемая инвективным поведением, заканчивается не унижением одного из участников, не разрывом отношений, а самым мирным разрешением конфликта. Персонажи пьесы, удивлявшие читателя и державшие его в напряжении, встают с пола, где они дрались так, что предметы падали и ломались, берутся за руки и, улыбаясь, отправляются в запланированное ими ранее совместное путешествие.

Конфликтная ситуация в этом отрывке достигает своего апогея. Героиня весьма решительна, ее коммуникативная тактика выражается в повторе слова *end* (конец), она говорит о конце отношений; в интеррогативном речевом акте *Do you understand?* (Ты это понимаешь?), выступающем здесь в качестве побудительного предложения-запрета. Ее спокойным голосом произнесенное *The end finally and forever* – Конец раз и навсегда, в английском звучании которого очень важно экспрессивное фонетическое средство – аллитерация фрикативного звука [f], которое усиливает эффект окончания всяких отношений. Невероятно, но Аманда и Элиот снова дерутся, на этот раз физическая агрессия исходит от героя, и мы становимся свидетелями очень экспрессивного выражения ненависти со стороны героини: это и семантическая сетка слов с доминантой *hate* (ненавидеть) и *loathe* (питать отвращение), и эксплицитные инвективы *a cruel fiend* (жестокий дьявол), и грубые фразеологизмы *I'd rather die in torment* (Лучше я умру, мучаясь адскими муками), и избыточные струк-

туры с отрицательными словами *never, never, never* (никогда). Но и Элиота характеризует стратегия вербального насилия: императивная эксплетивная форма *Shut up* (Заткнись), повторенная дважды; грубое оценочное выражение *a mean, evil-minded vampire* (злая маленькая гадюка), избыток отрицательных фигур, ставящих точку на всех отношениях *I wouldn't marry you again* (Ни за что на свете не женюсь на тебе снова), *I never set eyes on you* (Глаза бы мои тебя не видели) – он также представляет собой конфликтную языковую личность.

Агрессивное насилие в данном тексте характеризует обоих участников инвективной коммуникации, и можно делать вывод об ее эмоциональном, когнитивном и поведенческом компонентах. Эмоциональный компонент характеризуется взрывом сиюминутных чувств и неспособностью коммуникантов соблюдать этические нормы взаимодействия. Когнитивный компонент находит свое выражение в метафорическом использовании языка, инвективы в данном тексте построены на метафорических образах: свинья, дьявол, вампир и пр. Поведенческий компонент проявляется в бесконечных изменениях отношений героев друг к другу. Они демонстрируют реальное воплощение тезиса «От ненависти до любви один шаг», хотя в большинстве случаев происходит обратное. Поражает парадоксальность исхода столь агрессивного, инвективного поведения персонажей. Именно интимная вульгарность, неадекватная для обывателя речевое поведение персонажей, физическая агрессия, поддержанная авторскими ремарками, дает возможность понять, что приводит героев к взаимопониманию и примирению. Пьеса, несомненно, производит впечатление благодаря эффекту обманутого ожидания [Арнольд 2002: 108]. Когнитивная предпосылка автора – намеренная трансформация модели мира с целью передачи собственного видения человеческих отношений читателю и зрителю.

Основной результат проведенного анализа диалогических фрагментов пьесы Н. Кауэрда «Частные жизни» заключается в доказательстве того, что интеракционное общение, основанное на инвективном поведении и физической агрессии, может привести к межличностной гармонии. Причина этого (такого положения вещей) видится в том, что за внешними проявлениями агрессии скрывается чувство признательности к таким неординарным отношениям, искренним и бурным, открытым и честным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистической науке исследование явления лжи осуществляется в рамках двух направлений современного языкознания, имеющих собственные объекты и методы. С позиций *первого подхода* вербальные средства обозначения лжи исследуются методами структурной, референциональной, логической и когнитивной семантики. Объектом исследований представителей *второго направления* выступают высказывания, произносимые говорящим с целью ввести адресата в заблуждение. Наряду с анализом лексики на обозначение лжи осуществлялся анализ высказываний, направленных на введение адресата в заблуждение. При этом задача выявить особенности языковой репрезентации и речевой реализации лжи в ее диалектическом единстве ранее исследователями не ставилась. Такая ситуация была обусловлена отсутствием необходимого обоснования интегративного подхода к изучению лингвальных аспектов лжи.

Системное согласование языковой и речевой плоскостей изучения лжи становится возможным благодаря *когнитивно-дискурсивной парадигме* лингвальных аспектов знания, которая расширяет границы когнитивной лингвистики за счет введения в её систему координат семиотических и дискурсивных измерений.

Когнитивно-дискурсивный подход ставит во главу угла изучение предпосылок формирования лжи в дискурсе. При этом *ложь* трактуется как смысловой эффект, возникающий вследствие осмысления субъектом рефлексии собственного опыта интерпретации содержания высказывания. Последнее основывается на ложной пропозиции и продуцируется другим субъектом с целью ввести в заблуждение партнера по коммуникации.

В свете когнитивно-дискурсивной парадигмы *ложь* трактуется как *когнитивно-коммуникативное образование*. Высказывание, конвенциональное содержание которого не согласуется с имеющейся у субъекта речи информацией о предмете речи и коммуникативной ситуации, называется *ложным*. Интерпретатор собственного когнитивного и коммуникативного опыта интерпретации содержания высказывания именуется *субъектом рефлексии*, которая определяется нами как *обращение сознания к самому себе*.

Взаимосвязь концепта ЛОЖЬ с другими концептами обуславливают организацию понятийной категории лжи, структура которой включает три вида измерения – *информационный, поведенческий и оценочный*. В информационной плоскости категория лжи структурируется в соответствии со способом искривления информации, её отклонения от информационной нормы по параметрам качества, количества, релевантности или ясности. Так, проведение на материале паремиологического анализа языковых единиц со значением «ложь/lie» и «обман» позволили Н.Н. Панченко установить, что отношение ко лжи у русского и английского языкового сознания приблизительно одинаково. Это позволило автору работы сделать вывод, что уже в древних индоевропейских обозначениях лжи выделяются три компонента значений, являющиеся источником негативной коннотации понятийной категории лжи: нанесение ущерба, сокрытие намерений, искривление/искажение действительности, т.е. отклонение от информационной нормы.

В *поведенческом измерении* категории лжи, в соответствии со способом введения в обман (вербальный и/или невербальный), выделяются концепты ОБМАН и собственно НЕПРАВДА. С учётом *психологического* конституента, включая *потребность, мотив, цель и установку(и) героев* в процессе коммуникации, комплексный синтаксический, стилистический и лексический анализ маркеров обмана адресата (С.А. Анишкова) значительно расширил возможности классификации видов отказа, маркеров обмана и типов лжи.

Оценочное измерение категории лжи структурируется в соответствии с областями знаний, в которых концептуализируется высказывание, содержащее ложную пропозицию. Комплексный лингвистический анализ позволил выявить вербальные и невербальные маркеры семейного конфликта (Т.И. Леонтьева) с учётом аксиологических характеристик его участников.

Оценочный вид измерения представлен концептами ВЕЖЛИВОСТЬ, ИРОНИЯ, СВЯТАЯ ЛОЖЬ, БЕЛАЯ ЛОЖЬ и её отграничение ото “лжи во спасение” (С.В. Мясникова). Зона пересечения трёх измерений категории лжи представляет собой её ядро, которое включает концепт ЛОЖЬ и совокупность концептов, пребывающих с последним в видовых отношениях. Характер соотношения этих концептов определяется как частичное наложение одного концепта на другой.

Дискурс обманщика относится к *игровому манипулятивному дискурсу*, поскольку отвечает большинству формальных признаков феномена игры. К ним относятся: добровольность деятельности, её статус исключительности в сравнении с обычным поведением, нерелевантность материального интереса, пространственно-временные рамки её реализации, соблюдение правил, которые организуют и упорядочивают игру. При этом говорящий использует язык в манипулятивных целях, задействуя не только лингвальный контекст, но и невербальные ресурсы.

Игровой *манипулятивный дискурс* представлен в монографии дискурсивным поведением инвективной личности в конфликтном взаимодействии. *Когнитивно-дискурсивная парадигма* языкознания является основной при анализе инвективного поведения языковой личности, направленной на рассмотрение её вербальных и/или невербальных проявлений в контексте конфликтного эмоционального общения. Как совокупность фундаментальных научных установок, представлений и понятий когнитивно-дискурсивная парадигма обуславливает методику анализа репрезентации конфликтного дискурса в единстве общенаучных и лингвистических методов. Среди первых релевантными являются *методы индукции и дедукции, анализа и синтеза*. Среди лингвистических – наиболее применимыми оказались *дискурсивный, дистрибутивный, контекстуальный, прагматический, прагмасемантический и количественный* методы анализа.

Инвектива – явление социальной дискредитации личности адресата путём направленного на неё инвективно-марированного дискурса, который воспринимается в лингвокультурной традиции как обидное действие (вербальное, невербальное). На уровне языка инвектива является уникальной по своему семантическому наполнению лексической группой с доминирующим коннотативным значением.

Зависимость языкового знака от его контекстуального окружения приводит к возможности возникновения инвективных коннотаций в семантике нейтральных единиц. Инвектор выбирает инвективную стратегию в общении, которая выражается негативной эмотивной лексикой в составе эмотивных синтаксических конструкций. К стилистическим средствам относятся повторы, синтаксический параллелизм, восклицательные предложения,

метафора, эпитеты и сарказм, к лексическим – грубые словоупотребления.

Применяя инвективную стратегию, адресант прибегает к инъюнктивам, квеситивам, констативам, менасивам и реже промисивам. Эти речевые акты оказывают негативное воздействие на психологический фон инвектума, игнорируя постулаты вежливости и принцип сотрудничества.

Невербальные компоненты инвективного дискурса находят свое проявление с помощью кинесических, проксемических невербальных средств и через соматические невербальные признаки: слёзы, смена цветалица, kloкотание сердца и др. Последние выражают эмоциональное состояние инвектора. Как манипулятор инвективная личность не руководствуется желаниями других, стремится использовать людей ради собственной выгоды, игнорируя их чувства. Инвективное поведение обусловлено сферой воздействия на адресата, следовательно, тактики инвективной стратегии различаются по функциональному критерию. С учётом функций языка мы выделяем три группы тактик: информативную, эмоциональную и эвокативную.

Важную роль в реализации иллюкутивной цели инвективного поведения играют эмоции, поскольку основной задачей инвектора является выражение негативного отношения к инвектуму. В процессе фальсификации инвектору необходимо контролировать чувства, подавлять проявления ситуативно неуместных эмоций и заменять их притворными реакциями, в большей мере отвечающими конкретной коммуникативной ситуации. Результаты исследования (*О.Н. Гнезdechko*) выявили следующую тенденцию: эмотивная информация передаётся главным образом опосредованно, с помощью невербальных единиц дискурса. Таким образом, невербальному компоненту дискурса инвектора свойственна эмоциональная информативность.

Изучение вариативного наполнения когнитивной модели введения в заблуждение зафиксировало в дискурсе англоязычной языковой личности «обманщик» трёхкомпонентные коммуникативные единства, к которым относятся вербальные единицы, молчание и другие невербальные средства. Неоднородность вербальных и невербальных единиц зависит от личности инициатора дискурсивного взаимодействия. Установлены такие закономерности: вербально-невербальные коммуникативные единства с домини-

рованием вербальных преобладают над невербальными единицами дискурса. Между тем, вербальные уступают им по прагматической эффективности.

Стратегически-тактический репертуар англоязычного *обманщика* (С.Н. Котенко) формализован путём определения предмета фальсификации. Ложное информирование собеседника о реальности конкретной ситуации, о причастности к ней обманщика или её определённых параметрах предполагает использование репертуара стратегий и тактик с целью дискурсивной реализации намерения ввести партнёра по коммуникации в заблуждение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – Изд-е 2 стер. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 301 с.
2. Анохина, В.С. Речевой аспект семейного конфликта / В.С. Анохина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. – 2008. – Вып. № 7. – С. 134–139.
3. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука. 2002. – 384 с.
4. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 1988. – 896 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
6. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 384 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Архиепископ Вениамин (Пушкар). Священная Библейская история. – СПб., 2006. – 734 с.
9. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56, №1. – С. 12–14.
10. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Теория литературы: хрестоматия / М.М. Бахтин. – Владивосток: Изд-во Дальневост ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 224–240.
11. Безуглая, Л.Р. Ложь как разновидность речевого акта асертивного типа / Л.Р. Безуглая; Бабич Е.Н. // Вісник Харківського національного університету. Сер. Романогерманська філологія. – 2003. – №609. – С. 97–99.
12. Белянин, В.П. Психолінгвістика: учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта, 2004. – 227 с.
13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.

14. Бехтерев, В.М. Гипноз, внушение, телепатия / В.М. Бехтерев. – М.: Мысль, 1994. – 364 с.
15. Биркенбил, В. Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. – СПб.: «Питер», 1997. – 224 с.
16. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / Р.М. Блакар. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
17. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–23.
18. Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая / Д. Болинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / сост. В.М. Сергеева и Н.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М., 1987. – С. 23–43.
19. Вагин, И.О. Психология выживания в современной России / И.О. Вагин. – М.: АСТ, 2004. – 352 с.
20. Вежбицкая, А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs «непрямота» / А. Вежбицкая // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003. Цит. по: Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – С. 213–214.
21. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под ред. и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
22. Верещагина, Н.О. Языковые средства непрямой коммуникации в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича / Н.Р. Верещагина, Э.В. Булатова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 4 (132). С. 19–26.
23. Вишнякова, Н.В. Конфликтология / Н.В. Вишнякова. – 3-е изд. – Минск: Университетское, 2002. – 318 с.
24. Волкова, О.С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «бытовой конфликт» (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.С. Волкова. – Волгоград, 2009. – 24 с.
25. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Воронцова. – Челябинск, 2006. – 27 с.

26. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

27. Гладких, Н.В. Ложь и двусмысленность (Российские комментарии к «Психологии лжи» Пола Экмана) / Н.В. Гладких. – СПб.: Питер, 2000.

28. Гнездечко, О.Н. Авторизация научного дискурса: коммуникативно-прагматический аспект (на материале англоязычных статей современных европейских и американских лингвистов): дис.... канд. филол. наук / О.Н. Гнездечко. – К., 2005. – 203 с.

29. Гнездечко, О.Н. Межличностная коммуникация в социо- и психолингвистическом аспектах / О.Н. Гнездечко // Вестник ЛНПУ. Филологические науки. – 2007. – №20. – С. 39–47.

30. Гордон, Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Д. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 276–302.

31. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 430 с.

32. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – 3-е изд., стер. – М.: ЛКИ, 2007. – 112 с.

33. Городецкий, Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 64–78.

34. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск 16: Лингвистическая прагматика / Г.П. Грайс. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.

35. Грачев, Г.В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – М.: Алгоритм, 2002. – 288 с.

36. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с. (Сер.: Мастера психологии)

37. Давыдова, И.Я. Я знаю, что вы врете: Психология лжи на практике / И.Я. Давыдова. – М.: Эксмо, 2012. – 208 с.

38. Дадян, С.Р. Конфликтный диалог в художественном произведении (на материале англоязычной литературы XX – начала XXI в.): автореф дис. ... канд. филол. наук / С.Р. Дадян. – Ростов-на-Дону, 2012. – 24 с.

39. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: ГИС, 1955. Т. 2. – 780 с.

40. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и её жанры / В.В. Дементьев. – Саратов, 2000. – 248 с.
41. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 560 с.
42. Дмитрук, О.В. Маніпулятивні стратегії в сучасній англійській комунікації (на матеріалі текстів друкованих та Інтернет-видань 2000–2005 років): дис.... канд. філол. наук: 10.02.04 / О.В. Дмитрук. – К., 2006. – 229 с. – Бібліогр.: с. 190–221.
43. Добрович, А.Б. Общение: наука и искусство / А.Б. Добрович. – М.: Яуза, 1996. – 254 с.
44. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1984. – 512 с.
45. Дубровский, Д.И. Обман. Философско-психологический анализ / Д.И. Дубровский. – доп. издание. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010. – 336 с.
46. Ермакова, О.П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О.Н. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функциональных разновидностях. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 30–65.
47. Жельвис, В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.
48. Жельвис, В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия, Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии / В.И. Жельвис. – Барнаул, 2000. – С. 194–206.
49. Земскова, Н.А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Земскова. – Краснодар, 2006. – 26 с.
50. Знаков, В.В. Послесловие. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана / В.В. Знаков // Экман П. Психология лжи / под науч. ред. В.В. Знакова: пер с англ. Н. Исуповой, Н. Малыгиной, Н. Миронова, О. Тереховой. – СПб.: Питер, 2009. – С. 243–266. (Сер. Мастера психологии)

51. Золотаренко, Т.О. Репрезентація інвективної поведінки мовця в конфліктному дискурсі: дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04: / Т.О. Золотаренко. – Київ, 2015. – 203 с.

52. Иванова, Т.Н. Конфликтный диалог в языке оригинала и в переводе, Т.Н. Иванова // Первые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 1. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.

53. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 4-е изд. – М.: УРСС, 2006. – 288 с.

54. Иссерс, О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О.С. Иссерс // Вестник ОмГУ. Вып. 1. – Омск, 1999. – С. 74–79.

55. Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О.С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.

56. Каган, М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 315 с.

57. Кант, И. О мнимом праве лгать из человеколюбия (1797) / пер. с нем. Н. Вальденберга // Кант И. Собр. соч. 1794–1994: в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги; пер. с нем. Н. Вальденберга, Т. Васильевой, А. Гулыги и др. Юбил. изд. – М.: Чоро, 1994. Т. 8. – С. 256–262.

58. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2006. – 864 с.

59. Карасик, В.И. Концепты-регулятивы / В.И. Карасик // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 95–108.

60. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.

61. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

62. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.

63. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс / В.Б. Кашкин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 256 с.

64. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. – М.: ПРИОР, 1998. – 221 с.

65. Колшанский, Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – 3-е изд., стер. – М.: ЛКИ, 2006. – 128 с.
66. Комалова, Р.Л. Речевая коммуникация в ситуации конфликта / Р.Л. Комалова // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология № 5. – Минск, 2008. – С. 117–126.
67. Коновалова, Ю.О. Отказ партнеру по коммуникации в праве на получение информации: вербальные и невербальные средства выражения: монография / Ю.О. Коновалова, Е.Ю. Гончарук, О.К. Калькова, Е.Н. Пугачева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 240 с.
68. Костомаров, В.А. В.В. Виноградов о русском языке как явлении мировой культуры / В.А. Костомаров // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1995. – № 3. – С. 49–54.
69. Костяев, А.П. Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.П. Костяев. – Тверь, 2011. – 39 с.
70. Котюрова, М.П. Некоторые социально-научные задачи функциональной лингвистики / М.П. Котюрова // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котюровой. – Пермь, 2012. – Вып. 16. С. 81–84.
71. Кравченко, С.А. Социологический энциклопедический толковый словарь. Более 12 000 понятий / С.А. Кравченко. – М.: Изд-во МГИМО-Университета, 2013.
72. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
73. Красных, В.В. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии / В.В. Красных, И.А. Бубнова // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №3. – С. 168–174.
74. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.Е. Крейдлин. – М.: МГУ, 2000. – 40 с.
75. Крейдлин, Г.Е. Невербальное поведение людей в деловом общении / Г.Е. Крейдлин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. семинара // Диалог. – 2002 (Протвино, 6–11 июня 2002).
76. Крейдлин, Г.Е. Стереотипы коммуникации и новое направление в лингвистике и семиотике тела и словесности / Г.Е. Крейдлин // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз.

сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котюровой. – Пермь, 2011. – Вып. 15. – С. 77–85.

77. Кубинова, Й. Речевая интенция «ложь, обман» в семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Й. Кубинова. – М., 2003. – 177 с.: ил. – Библиогр.: с. 140–177.

78. Кубрякова, Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е.С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2002. – Вып. 2. – С. 5–15.

79. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.

80. Кузнецов, А.М. Изменение лексических значений под воздействием контекстно-прагматических факторов / А.М. Кузнецов // Прагматика и семантика: сб. науч. аналит. обзоров. – М.: ИНИОН, 1991. – С. 93–116.

81. Куликов, Л.В. Психология настроения личности: дис. ... д-ра псих. наук: 19.00.11 / Л.В. Куликов. – СПб., 1997. – 429 с.

82. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1977. Цит по: Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 17–41.

83. Кусов, Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Кусов. – Краснодар, 2004. – 245 с.

84. Лакофф, Д. Прагматика в естественной логике / Д. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 439–470.

85. Ларионова, А.С. Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте: на материале художественных произведений английских и русских писателей XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.С. Ларионова. – М., 2008. – 25 с.

86. Леонтьев, А.А. Речь в криминалистике и судебной психологии / А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, В.И. Батов. – М.: Наука, 1977. – 62 с.

87. Леонтьева, Т.И. Верификация лжи в семейных отношениях / Т.И. Леонтьева, О.В. Филиппова // Стереотипность и творчество в тексте. – Вып. 15. – Пермь, 2011. – С. 255–267.

88. Леонтьева, Т.И. Ложь в семье как основа конфликта и провала коммуникации (вербальные и невербальные способы выражения конфликтных отношений) / Т.И. Леонтьева // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котюровой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. – Вып. 16. – С. 191–203.

89. Лепеньшева, А.А. К вопросу о роли эмоции «удивление» в когнитивно-информационной деятельности человека (на примере художественных текстов) / А.А. Лепеньшева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 1 (13). – Пермь, 2011. – С. 45–51.

90. Лепский, В.Е. Манипулятивное воздействие и рефлексивное управление / В.Е. Лепский // Психологический журнал. – 1996. – № 6, Т.17 – С. 139–144.

91. Лесли, И. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана / И. Лесли; пер. с англ. А.В. Бохонова. – М.: РИПОЛ классик, 2012. – 352 с.

92. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

93. Лобан, Н.А. Конфликтология / Н.А. Лобан. – Минск: Изд-во МИУ, 2008. – 471 с.

94. Лурия, А.Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле / А.Р. Лурия // Советское право, 1927. – № 2 (26). – С. 84–100.

95. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

96. Мильруд, Р.П. Введение в лингвистику. (Introduction to Linguistics): учеб. пособие для студентов педагогических вузов / Р.П. Мильруд. – М.: Дрофа, 2005. – 138 с.

97. Мифы народов мира. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – 623 с.

98. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // сб. науч. тр. Моск. гос. линг. ун-та: Язык. Поэтика. Перевод. – М.: Изд-во МГЛУ, 1996. – № 426. – С. 112–116.

99. Николаева, Т.М. Лингвистическая демагогия / Т.М. Николаева // Прагматика и проблемы интенциональности:

сб. науч. тр. / отв. ред.: Н.Д.Арутюнова. – М.: Изд-во ИНИОН АН СССР. – 1988. – С. 154–165.

100. Николаева, Т.М. Паралингвистика / Т.М. Николаева// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.367.

101. Ниренберг, Д. Читать человека – как книгу / Д. Ниренберг, Г. Калеро; сокр. пер. с англ. – М.: Экономика, 1990. – -47 с.

102. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом. 2003. – 1280 с.

103. Норакидзе, В.Г. Методы исследования характера личности / В.Г. Норакидзе. – Тбилиси, 1975. – 392 с.

104. Остин, Д. Слово как действие / Д. Остин // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22–129.

105. Панченко, Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Панченко. – Волгоград, 1999. – 236 с.

106. Парыгин, Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы / Б.Д. Парыгин. – СПб.: СПбГУП, 2010. – 533 с.

107. Пересыпкина, В. Примечания. Чехов А.П. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2 / В. Пересыпкина; сост. Г Бердникова. – М.: Худож. лит., 1979. – 701 с.

108. Пиз, А. Язык телодвижений. Расширенная версия: пер. с англ. / А. Пиз, Б. Пиз. – М.: ЭКСМО, 2007. – 444 с.

109. Попова, З.Д. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Кемерово, 2004. – Вып. 4. – С. 53–54.

110. Попчук, О.М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.М. Попчук. – М., 2006. – 26 с.

111. Попчук, О.М. Ложное высказывание в системе средств отказа в праве на получение полноценной информации / О.М. Попчук. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 204 с.

112. Попчук, О.М. Научно-технический отчет о выполнении I этапа Государственного контракта № 11731 от 12 августа 2009 г. / О.М. Попчук. – Владивосток, 2009. – 134 с.

113. Потапова, Р.К. Особенности немецкого произношения / Р.К. Потапова, Г. Линднер. – М. Высшая школа, 1991. – 319 с.
114. Потапова, Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика / Р.К. Потапова. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 346 с.
115. Потапенко, С.І. Аспекти дискурс-аналізу мовних одиниць (на матеріалі англійської мови) / С.І. Потапенко // Наук. зап. Ніжин. держ. пед. ун-ту. Філол. науки. – 1998. – С. 132–136.
116. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 221 с.
117. Прошина, З.Г. Английский язык как посредник в коммуникации народов Восточной Азии и России (проблемы опосредованного перевода): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З.Г. Прошина. – Владивосток, 2002. – 38 с.
118. Рикер, П. Торжество языка над насилием: герменевтический подход к философии права / П. Рикер // Вопр. философии. – 1996. – № 4. – С. 406–408.
119. Романов, Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: дис. ... д-ра филол. наук / Д.А. Романов. – Тула, 2004. – 495 с. Цит по: Попчук О.М., 2010: 111.
120. Саржина, О.В. Русская инвективная лексика в свете межъязыковой эквивалентности (по данным словарей) / О.В. Саржина // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск: Изд-во КрГУ, 2002. – № 4 (12). – С. 231–239.
121. Серль, Д. Классификация иллокутивных актов / Д. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986а. – Вып. 17. – С. 151–169.
122. Серль, Д. Косвенные речевые акты / Д. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986б. – Вып. 17. – С. 195–222.
123. Серль, Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Серль; пер. с англ. И.М. Кобозевой. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
124. Серякова, И.И. Невербальный профиль коммуникативного поведения украинских политических лидеров / И.И. Серякова // Культура народов Причерноморья: [науч. журнал]. Симферополь: Межвуз. центр «Крим», 2009. – Вип. 168. Т. 2. – С. 233–235.

125. Серякова, І.І. Невербалістика: основні напрямки дослідження / І.І. Серякова // Проблема семантики слова, речення та тексту: зб. наук. праць. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2009. – Вип. 22. – С. 325–332.
126. Серякова, І.І. Невербалика политического дискурса / І.І. Серякова // Науковий Вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. Серія: Філологія, педагогіка, психологія. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2011. – Вип. 23. – С. 19–25.
127. Серякова, І.І. Невербальный знак коммуникации в англоязычных дискурсивных практиках: монографія / І.І. Серякова. – К.: Изд. центр КНЛУ, 2012. – 280 с.
128. Скорнякова, Р.М. Методика исследования концепта // Новое в когнитивной лингвистике / Р.М. Скорнякова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 142–147.
129. Соколов, А.В. Метатеория социальной коммуникации / А.В. Соколов. – СПб.: РНБ, 2001. – 252 с.
130. Солганик, Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 1997. – 256 с.
131. Солощук, Л.В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англомовному дискурсі: моногр. / Л.В. Солощук. – Х.: Константа, 2006. – 300 с.
132. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1995. – С. 44–48.
133. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
134. Степко, М.Т. Речевые средства выражения инвективных смыслов в жанре комментария публицистического дискурса (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Т. Степко. – Майкоп, 2008. – 25 с.
135. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58–65.
136. Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница: Нова Книга, 2009. – 272 с.

137. Сухих, С.А. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар, 1997. – С. 64–78.
138. Сухих, С.А. Личность в коммуникативном процессе / С.А. Сухих. – Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2004. – 155 с.
139. Сухих, С.А. Репрезентация сущности личности в коммуникативном аспекте реализаций / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар, 1997. – 71 с.
140. Сысенко, В.А. Супружеские конфликты / В.А. Сысенко. – Изд. 2, перераб. и доп.. – М.: Мысль, 1989. – 173 с.
141. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
142. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Терминасова. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 352 с.
143. Толстая, С.М. Магия обмана и чуда в народной культуре / С.М. Толстая // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке: сб. науч. тр. / ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1995. – С. 109–115.
144. Третьякова, В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В.С. Третьякова. – Екатеринбург, 2003. – 301 с.
145. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
146. Улановский, А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием / А.М. Улановский. – М.: Смысл, 2012. – 255 с.
147. Улицкая, Л.Е. «Священный мусор» / Л.Е. Улицкая. – М.: АСТ, 2012. – 476 с.
148. Уолтерс, С.Б. Правда про ложь / С.Б. Уолтерс; пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: Эксмо, 2010. – 272 с.
149. Устинов, Д. Манипуляции в общении [Электронный ресурс] / Д.Устинов // Разумный Мир. – 2001. – №6.
150. Фадеева, О.В. Стратегии и тактики конфликтного дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Фадеева. – Киев, 2000. – 18 с.
151. Фесенко, Т.А. Принципы когнитивной транслятологии / Т.А. Фесенко // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз.

сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2002. – Вып 2. – С. 15–28.

152. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса (A theory of cognitive dissonance) / Л. Фестингер; пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. – СПб.: Ювента, 1999. – 307 с.

153. Форд, Ч. Психология обмана / Ч. Форд. – М.: Эксмо, 2013. – 399 с.

154. Форманова, С.В. Инвективи в українській мові: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук: спец. 10.02.01 “Українська мова” / С.В. Форманова. – Одесса, 2013. – 39 с.

155. Херсонский, Б.Г. Психология и психопрофилактика семейных конфликтов / Б.Г. Херсонский, С.В. Дворяк. – К.: Здоровья, 1991. – 192 с.

156. Черненко, О.В. Лінгвокогнітивні та прагматичні особливості дискурсивного втілення завершальної фази конфліктної взаємодії (на матеріалі англомовної прози ХХ століття): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.В. Черненко. – Київ, 2008. – 18 с.

157. Шатуновский, И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Семантика и прагматика языковых единиц / И.Б. Шатуновский. – Калуга, 2004. – С. 262–274.

158. Шейнов, В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования) / В.П. Шейнов. – Мн.: Харвест, 2001. – 848 с.

159. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. – 538 с.

160. Шмелев, А.Д. Апелляция к реальности как демагогический прием / А.Д. Шмелев // Московский лингвистический журнал. – М., 1996. – Т. 2. – С. 405–416.

161. Шмидт, В.Р. И это все о них. Многоликие манипуляции: как внести ясность в теорию и практику / В.Р. Шмидт // Вестник практической психологии образования. – 2006. – № 2(7). – С. 18–24.

162. Щербинина, Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю.В. Щербинина. – М.: Форум, 2012. – 400 с.

163. Психология лжи / пер. с англ. Е. Бойко, Н. Юсупова, Н. Малыгина, Н. Миронов, О. Терехова. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с. (Сер. Мастера психологии)

164. Экман, П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / П. Экман; пер с англ. Н. Юсупова и др. – СПб.: Питер, 2012. – 302 с.
165. Юнацкевич, П.И. Психология обмана: учеб. пособие для честного человека / П.И. Юнацкевич, В.А. Кулагин. – СПб.: Фолио–Плюс, 2000. – 311 с.
166. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: “за” и “против” – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
167. Якобсон, Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 445 с.
168. Austin, J.L. How to do things with words / J.L. Austin. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
169. Carnegie, D. How to Win Friends and Influence People / D. Carnegie. – N.Y.: Simon & Shuster, 2009. – 320 p.
170. Cherry, C. On Human Communication. Harvard University Press, 1966. Цит по: Плотникова С.Н., 2003.
171. Covey, S.R. The Seven Habits of Highly Effective People / S.R. Covey. – N.Y.: Fireside Books, 1990. – 358 p.
172. Coward, N. Private Lives / N. Coward. – London: Methuen Publishing Limited, 2000. – 90 p.
173. Edmondson, W. Spoken Discourse: A Model for Analysis / W. Edmondson. – London: Longman, 1981. – 217 p.
174. Ekman, P. Unmasking the face. A guide to recognizing emotions from facial clues / P. Ekman, W.V. Friesen. – Cambridge MA: Malor Books, 2003. – 212 p.
175. Gamble, T.K. Communication Works / T.K. Gamble, M. Gamble. – N.Y.: Random House, 1987. – 440 p.
176. Grice, P. Logic and conversation // Syntax and semantics / P. Grice. – N.Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.
177. Henne, H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. – Berlin: Walter de Gruyter, 1982. – 336 S.
178. Holy, Bible. New International Version / B. Holy // International Bible Society. – 1984. – 923 p.
179. Leech, G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London: Longman, 1983. – 250 p.
180. Lewis, D. Truth in fiction / D. Lewis // Philosophical Papers. – Vol. 1. – N. Y.: Oxford University Press, 1983. – P. 261–280. Цит. по Попчук О.М., 2010. – С. 111.

181. McCornack, S.A. Information manipulation theory // Communication Monographs. – 1992. – Vol. 59. – P. 1-16.
182. Meibauer, J. Lying and falsely implicating / J. Meibauer // Journal of Pragmatics. – 2005. – Vol. 37. – P. 1373–1399.
183. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Электронный ресурс] / [ed. by A. S. Hornby]. – Oxford Univ. Press, 1982. – 509 p. – Режим доступа: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/dictionary/a-s-hornby>.
184. Sager, S.F. Sprache und Beziehung. Linguistische Untersuchungen zum Zusammenhang von sprachlicher Kommunikation und zwischenmenschlicher Beziehung / S.F. Sager. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 488 S.
185. Searle, J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. Searle. – London: Cambridge Univ. Press, 1969. – 208 p.
186. Searle, J.R. Indirect speech acts. In Peter Cole and Jerry Morgan (eds.) / J. Searle // Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 59–82.
187. Seryakova, I. Magic of Nonverbal Communication / I. Seryakova. – К.: Освіта України, 2009. – 161 с.
188. Teun, A. Van Dijk. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. Text, vol. 3–4, p. 375–404 / A. Teun. – Amsterdam: Mouton Publishers, 1983.
189. Trump, D. Think Like A Millionaire: An Informal Education In Business and Life / D. Trump. – N.Y.: Vanguard Press, 2010. – 224 p.
190. Wunderlich, B. Methodological remarks on Speech Act Theory // Speech Act Theory and Pragmatics / B. Wunderlich. – Dordrecht, 1980. – P. 291–312.
191. Zolotarenko, T.O. The problem of defining EMOTIVITY as a communicative component / T.O. Zolotarenko // Научные труды Каменец-Подольского нац. университета имени Ивана Огиенко. Сер: «Филологические науки». – Каменец-Подольский: Аксиома, 2013. – Вып. 32. – С. 158–161.

Электронные ресурсы

192. Адлер А. Наука жить. – Киев, 1997. – Режим доступа: <http://lib.kharkov.ua/PSIHO/ADLER/live.txt>
193. Вепрева, И.Т. Метаязыковой аспект непрямої комунікації / И.Т. Вепрева [Электронный ресурс] // Прямая и непря-

- мая коммуникация. Саратов, 2003. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linguist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (дата обращения 14.04.2015)
194. Дойч, М. Разрешение конфликта (конструктивные и деструктивные процессы) / М. Дойч // Печатается по изданию: Deutsch M. The Constructive and Destructive Processes. – New Haven and London, 1973. – P. 13–17 // URL: http://polbu.ru/konfliktology_hrestomatia/ch04_all.html (дата обращения 13.05.2014).
195. Инвектива [Электронный ресурс] // Визуальный словарь. – Режим доступа: <http://vslovar.ru/fil/457.html>. – Название с титула экрана.
196. Иоанн Златоуст. Восемь слов на книгу Бытия. http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/slova_01/
197. Мельник, Г.С. Способы речевого воздействия на собеседника / Г.С. Мельник URL: http://www.elitarium.ru/2009/11/25/rechevoe_vozdejstvije.html (дата обращения 09.10.2016)
198. Паршин, П.Б. URL: <http://cor.edu.27.ru/dlrstore/4be4c290-3db5-c4ef-05a5-aac5078c5b3/1009689A.htm> (дата обращения 10.10.2016)
199. Плотникова, С.Н. Непрямое общение в беседе / С.Н. Плотникова [Электронный ресурс] // Прямая и непрямая коммуникация, Саратов, 2003. // URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linguist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya/kommunikaciya>(дата обращения: 10.10.2016)
200. Плотникова, С.Н. Непрямое общение в беседе / С.Н. Плотникова [Электронный ресурс] // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linguist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (дата обращения 14.04.2015)
201. Прибыток, И.И. Дискуссионные моменты теории не-прямой коммуникации / И.И. Прибыток [Электронный ресурс] // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linguist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (дата обращения 14.04.2015)

202. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf (дата обращения: 07.07.2015).
203. Словарь по социологии, проект www.rusword.com.ua
204. Понятие семейного конфликта, его особенности и классификация [Электронный ресурс]. URL: <http://psyera.ru/ponyatie-semeinogo-konflikta-ego-osobennosti-i-klassifikaciya-218.htm> (дата обращения 11.10.2016).
205. Сатир, В. Семейная терапия: практическое руководство / В. Сатир [Электронный ресурс]. URL: http://koob.ru/satir_virginia (дата обращения: 21.06.2015).
206. Galasinski, D. The Language of Deception: A Discourse Analytical Study. – Thousand Oaks (CA): Sage, 2000. – 143 p.
207. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Электронный ресурс] / [Ed. by A. S. Hornby]. – Oxford Univ. Press, 1982. – 509 p. – Режим доступа: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/dictionary/a-s-hornby>

Иллюстративный материал

208. Акунин, Б. Алтын Голобас: роман / Б. Акунин. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 352 с.
209. Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета. Российское Библейское общество. – М., 1992. – 1217 с.
210. Высоцкий, В.С. Притча о Правде и Лжи / В.С. Высоцкий // Соч.: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1991. – Т. 1. – 639 с.
211. Пристли, Дж.Б. Улица ангела / Дж. Б. Пристли; пер. с англ. М. Абкиной. – М.: АСТ. Астрель, 2010. – 576 с.
212. Толстой, Л.Н. Смерть Ивана Ильича: повести и рассказы / Л.Н. Толстой; сост., вступ. статья, коммент. Э. Бабаева. – Л.: Худож. лит., 1983. – С. 130–183.
213. Фаулз, Дж. Коллекционер = TheCollector: [парал. текст на англ. и рус. яз.] / Дж. Фаулс; пер. с англ. И. Бессмертной. – Москва: Эксимо, 2015. – 544 с.
214. Чехов, А.П. Иванов. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2 / А.П. Чехов; сост. Г.Бердникова. – М., 1979.

215. Шоу, И. Люси Краун // Собрание сочинений. Т. 1. Роман; рассказы / И. Шоу; пер. с англ. А.Е. Герасимова. – М.: Хорт, 1991. – С. 3-246.
216. Brontë, Ch. Jane Eyre. – Great Britain: Penguin Popular Classics, 1994. – 447 p.
217. Doyle, A.C. The Complete Sherlock Holmes. – Penguin Books, 1887. – 984 p.
218. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray. – Great Britain: Worldworth Editions, 1996. – 188 p.
219. Flynn, Gillian. Gone Girl. USA: Crown Publishers International Edition, 2014. – 561 p.
220. King S. Cujo / S. King. – N.Y.: Viking, 1981. – 319 p.
221. King, S. The Girl Who Loved Tom Gordon / S. King. – N.Y.: Scribner, 1999. – 219 p.
222. King S. Misery / S. King. – N.Y.: A Signet Book and NAL, 1988. – 352 p.
223. King S. The Shining / S. King. – N.Y.: Doubleday, 1977. – 447 p.
224. King S. The Talisman / S. King, P. Straub. – N.Y.: Ballantine Books, 2001. – 735 p.
225. Maugham, W.S. Rain and other short stories / W.S. Maugham. – М: Progress Publishers, 1974. – 504 с.
226. Priestley, J.B. Dangerous Corner // Пристли Дж.Б. Опасный поворот: пьесы / Дж.Б. Пристли; сост., предисл., коммент. М.В. Лагуновой. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 9-63. (Б-ка для домашнего чтения) – На англ. яз.
227. Priestley, J.B. Dangerous Corner, A Play in Three Acts (1932) / Дж.Б. Пристли; пер. В. Метальников. Авт. сб. «Затемнение в Грэтли». – М.: Правда, 1988. URL: <http://lib.ru/PRISTLI/dangerou.txt> (дата обращения: 09.11.2016).
228. Shaw, I. Lucy Crown. Falmouth, Cornwall: New English Library. Hodder and Stoughton, 1989. – 253 p.
229. Williams, T. Cat on a Hot Tin Roof / T. Williams. – London: Penguin Classic, 2007. – 134 p.

Научное издание

Коллектив авторов

Панченко Надежда Николаевна

Попчук Оксана Михайловна

Леонтьева Тамара Ивановна

Аншакова Светлана Алексеевна

Гнездечко Оксана Николаевна

Датчер Людмила Александровна

Котенко Светлана Николаевна

Мясникова Светлана Владимировна

Ермоленко Ирина Михайловна

ЛОЖЬ: ТИПЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

Монография

В авторской редакции
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано в печать 04.05.2018. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,93.
Тираж 600 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

